This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

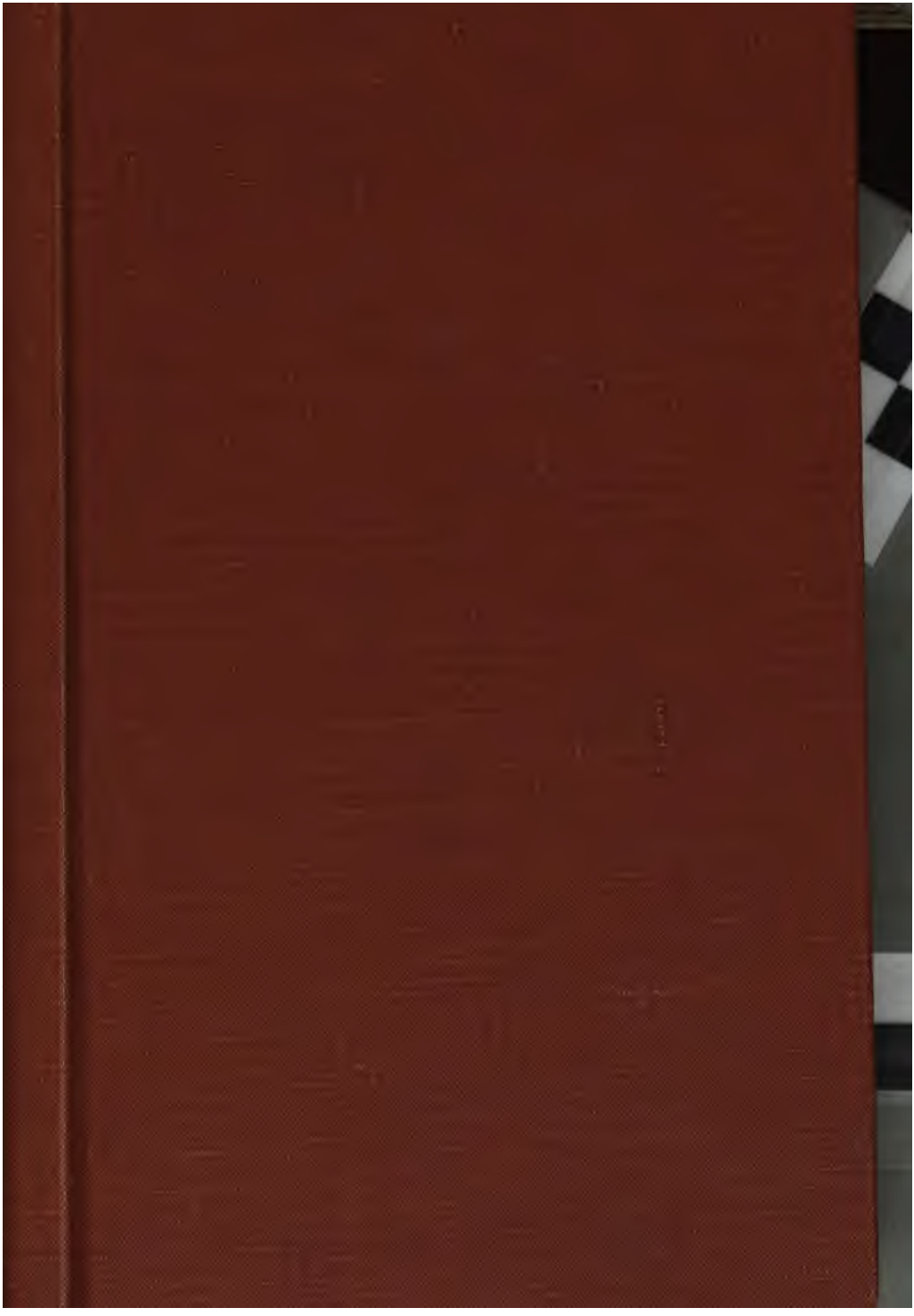
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

РУССКІЕ

This is an authorized facsimile of the original book,
and was produced in 1978 by microfilm-xerography
by University Microfilms International
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England

РУССКІЕ

ПОВѢСТИ

И

РАЗСКАЗЫ

А. Марлинскаго.

Изданіе третіе.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ III. ОТДѢЛЕНІЯ СОБСТВЕННОЙ Е. И. В. КАНЦЕЛЯРІИ.

1838.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

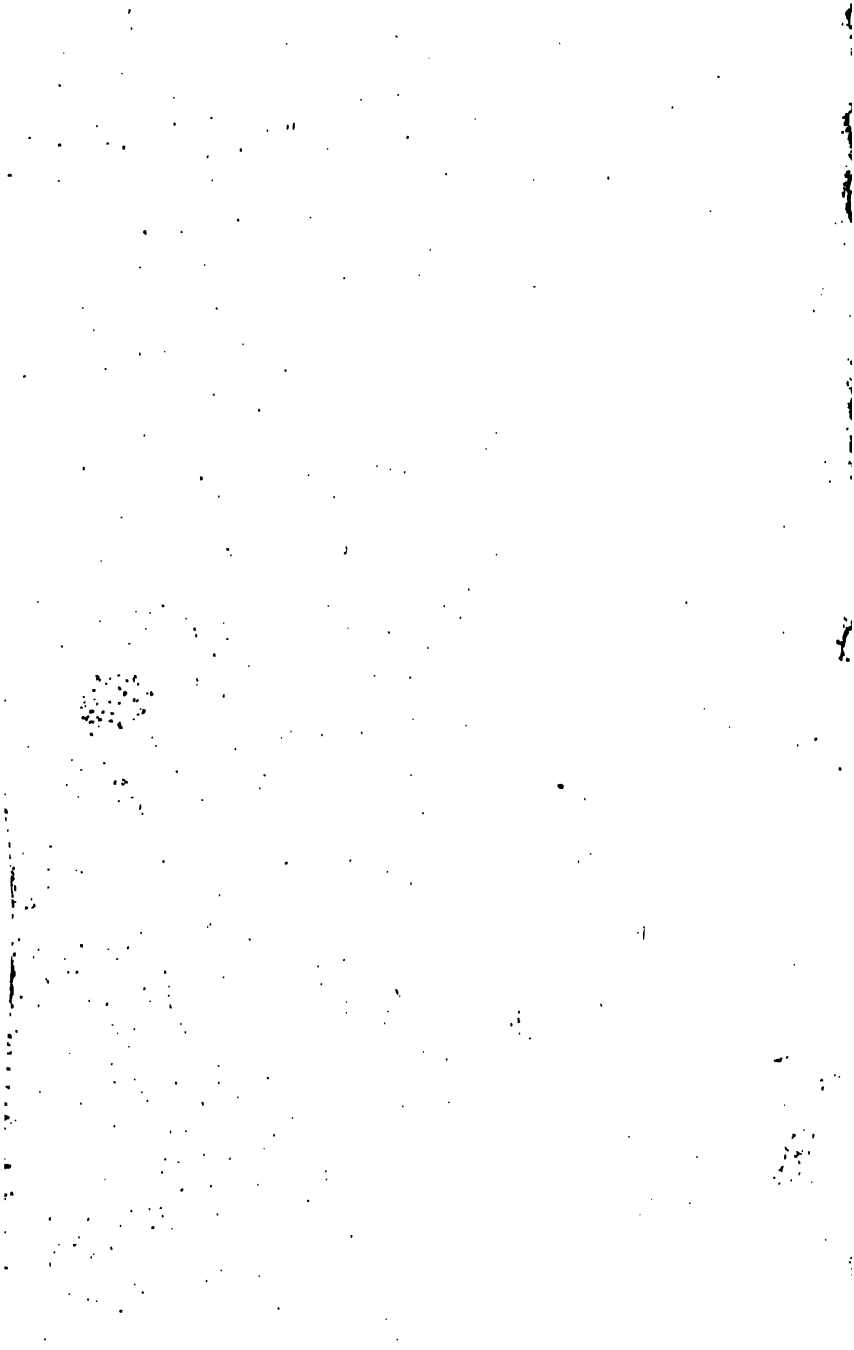
PG3321
.B45
1838

12
7985-1
Ус
21196
57

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Марлинскаго.



Бестужевъ, Александръ
Александ

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Марлинскаго.

ЧАСТЬ VI.

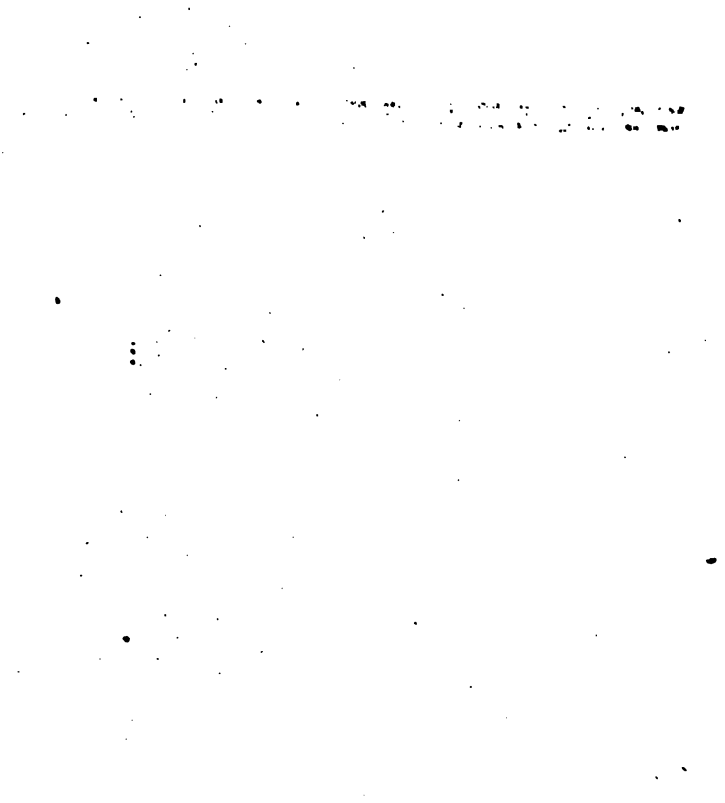
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 11 Мая 1838 года.

Цензоръ *А. Никитенко*

ПОѢЗДКА ВЪ РЕВЕЛЬ.



ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Ревель, 20 декабря 1820 года.

Желали вы — я обѣщалъ,
Мои взыскательные други!
Чтобъ я разсказамъ посвящалъ
Минутныхъ отдыховъ досуги,
И приключенія пути
Вамъ описалъ какъ Дюпати;
Чтобъ я, питомецъ праздной лѣни
И пѣстунъ прихотей ея,
Ловилъ крылатыхъ мыслей тѣни
Подъ сонное перо мое;
Чтобъ я, былаго съ идеальнымъ
Разнообразныя черты,
Воображеніемъ хрустальнымъ
Одѣлъ въ блестящіе цвѣты
Поэзіи, всегда игривой,
Или веселости шутливой:
Я обѣщалъ, друзья мои.

И увѣрительно и смѣло,
Когда звѣздилося *Ам*
И съ кровью рѣзвою кипѣло;
Теперь совсѣмъ иное дѣло:
Мечты сокрылись, былей нѣтъ,
И я, грызя перо съ досады,
Напрасно устремляю взгляды
Сквозь наблюдательный лорнетъ:
Здѣсь люди — люди, свѣтъ, какъ свѣтъ
А на . . . . . петлицы,
(Замѣчено изъ-подъ руки)
Не вьютъ цвѣточные вѣнки
Парнасса милыя сестрицы.
За тѣмъ капутный мой резонъ
Безъ пінтическихъ прикрасъ
Рука небрежная писала;
И такъ, друзья — начнемъ сначала.

Я разстался съ вами — не надолго судя по времени, надолго по сердцу, и въ 7 часовъ вечера шлагбаумъ Нарвской заставы прогремѣлъ далеко за мною. Кони рванулись, и звонкіе колокольчики двухъ троекъ залились на Петергофской дорогѣ. Морозъ былъ жестокій, небо яснѣло, мрачились мысли мои. Одинъ сидѣлъ я въ саняхъ и вполнѣ чувствовалъ свое одиночество. Смѣнивъ лошадей въ Стрѣльнѣ, мы помчались далѣе.

Приближаясь къ Кипени, я бросилъ взоръ на холмы и поля, окрестъ Дудергофа и Краснаго Села лежащіе. Тамъ каждое лѣто маневрируемъ мы и пріучаемся къ будущимъ битвамъ.

Бывало тамъ, когда природа въ снѣ,
Гремѣла пушка заревая,
И всадникъ, по полю рисуясь на конѣ
Скакалъ, оружіемъ сверкая.
И вдругъ стекался къ строю строй,
Перунъ послышавъ боевой.
Пѣхота двигалась стѣнами,
Смыкались латниковъ полки
И налетали казаки,
И, тихо вѣя флюгерами,
Улановъ приближался рой;
И лучъ денницы золотой
Дробился на штыкахъ граненыхъ
И на доспѣхахъ вороненыхъ. —
Вотъ слышимъ: смирно, по мѣстамъ!

И только, друзья мои. Во фрунтѣ нѣтъ разсказовъ. Ученье кончилось; я, запыленный, усталый, бросаюсь съ копя, и — уже подъ вечеръ выхожу подышать чистымъ воздухомъ на крутой скатъ горы, откуда все море, весь Петербургъ видны какъ на ладони.

Тамъ съ милымъ Геснеромъ ночь тихую встрѣчалъ,
И съ вѣчною фантазіей крылатой;
Прощальный свѣтъ зари, какъ роза, увядалъ,
И меркнулъ западъ полосатой.
И мѣсяцъ — юнона, задумчивый, одинъ
Вдали бросалъ лучи свои румяны;
Какъ море, въ глубинѣ объятыхъ сномъ долинъ,
Дымилися махровые туманы.
И шепчущій тростникъ, сверкающій ручей,
И небосклонъ, безмолвіемъ угрюмый:

Все наводило грусть, и все въ душѣ моей
Унылы воскрешало думы.
Вдругъ тучи сизыя, какъ ворона крыломъ,
Одѣли сводъ небесъ; перуны запылали;
А мы, нетрепетны, подъ трепетнымъ шатромъ
Шумъ бури смѣхомъ заглушали.
Блѣднѣла молнія передъ огнемъ ланитъ
Безпечныхъ юношей; за чашей круговою,
Бесѣду, прежнихъ битвъ разсказъ животворитъ;
И настоящее смѣнялось стариною.
Внимая подвигамъ наѣздниковъ полка,
Душа невѣдомымъ огнемъ воспламенялась,
И взглядъ врага искалъ, и смѣлая рука
За рукоять меча хваталась.

Пріѣхавъ на станцію Касково, не нашли мы лошадей; ворча сквозь зубы, вошелъ я въ комнаты; съ досадою началъ разоблачаться и оттаивать оледенѣлые усы свои; а наконецъ, видя что на гнѣвѣ не выѣхать изъ Каскова, по-философски рѣшился отвести свое сердце бутылкою добраго вина.

Едва мы съ братомъ принялись за пробку — колокольчикъ загремѣлъ подъ окномъ; въ одно мгновеніе, бренчанье сабли и грозный голосъ: лошадей! влетѣлъ въ слухъ нашъ, а усатый офицеръ, закутанный енотомъ, въ горницу. Это былъ Евгеній Кронъ, маіоръ . . . скаго гусарскаго полка, съ которымъ я познакомился въ Петербургѣ въ театрѣ, а подружился у Фельета въ ресторацiи. — Добро

пожаловать, старый пріятель! Обнялись, сжали другъ другу руки, и, какъ водится, побранивъ добрымъ порядкомъ и почтмейстеровъ и прочихъ, присѣли за столъ, и — пошли разсказы.

— Какой чортъ несетъ тебя въ Ревель? (началъ онъ, закуривая свою огромную трубку.) Признаться, я не знаю этого города, потому что бывалъ въ немъ только проѣздомъ; но ежели судить о всѣхъ городахъ Лифляндіи по Дерпту и Ригѣ, то я торжественно предсказываю тебѣ самую скучную скуку. Живши недѣлю у поркуна дяди своего, подлѣ Риги, я всякой день видалъ какъ Кремлевская пушка, и радъ, радъ, что вырвался изъ границъ любезной моей родины. Тамъ люди — не невольники своихъ часовъ: веселятся по календарю, и на щетахъ выкладываютъ чувства. Говоря это, я разумѣю о нѣкоторыхъ и то о мужчинахъ, потому что прекрасный полъ всегда и вездѣ любезенъ. Въ Лифляндіи, особенно, недостатъ глазъ на красавицъ, очень милыхъ, весьма хорошо воспитанныхъ. Но не спрашивайте ихъ о сердцѣ — это не принадлежитъ къ домоводству; не говорите съ ними о чувствахъ души: онѣ едва знаютъ ихъ по наслышкѣ, и то изъ сонника.

— Вѣрно какая нибудь жестокая красавица=

не захотѣвшая признать тебя новымъ Пигмаліономъ, была причиною ѣдкой твоей сатиры? возразилъ я съ усмѣшкою.

— Ничего не бывало, продолжалъ Кропъ: я говорю безпристрастно, потому что любовь моя къ женѣ служитъ мнѣ щитомъ противъ нападковъ вѣтренаго Амура.

— Ты женатъ? проказникъ Евгеній, женатъ?

— И очень серьезно, любезный другъ, и очень счастливо; но я женатъ дома, а не для пріятелей. За здоровье жены моей!

Мы чокнулись и словоохотный маіоръ продолжалъ:

— Дивлюсь, право, какъ по сю пору ты не зналъ объ этомъ. Но я теперь расположенъ къ сказкамъ и хочу тебя посвятить въ таинства моей жизни. Прошу слушать: родившись близъ Риги, я выросъ въ бѣлокаменной Москвѣ, учился въ университетскомъ пансіонѣ — и отъ того-то во мнѣ Нѣмецкаго осталась одна фамилія. Родители мои умерли, и старый дѣдъ послалъ меня для окончанія курса наукъ въ Гейдельбергъ. Какъ слѣдуетъ истинному студенту, я одѣлся самымъ глупымъ образомъ; научился выпивать кружку зексъ-штунде съ одного пріема; спалъ на лекціяхъ, чтобъ не дремать въ трактирахъ; билъ стекла въ окнахъ профессорскихъ и ломалъ рапиры на

груди первыхъ бойцевъ университета — однимъ словомъ: заслужилъ имя лихаго реноміста. Не проходило ни одной дуэли за канавное право (Gassen-Recht), гдѣбъ я не игралъ или дѣйствительной или вспомогательной роли, и всѣ товарищи отдавали мнѣ первенство. Одинъ только баронъ Эренсъ могъ спорить со мною и въ стрѣльбѣ и въ питьѣ и въ буянствѣ: это былъ прерѣдкій человѣкъ; благороденъ, уменъ, веселъ; пылокъ какъ Арабская лошадь, и добръ, прошу не прогнѣваться, какъ я самъ. Съ перваго стакана, выпитаго на ты, мы стали неразлучными друзьями. Вмѣстѣ жили, вмѣстѣ шалили и наконецъ вмѣстѣ насъ выгнали изъ университета за дуэль, въ которой онъ былъ моимъ секундантомъ. Эренсъ поѣхалъ домой въ Пруссію, а я въ Россію, выученные всему, кромѣ того, чему должно учиться. Разставаясь, мы помѣнялись саблями, которыя нарочно заказывали въ Солингенѣ. На клинкахъ сабель по-Французски написано было: истинному другу. Возвратившись въ Москву въ 1811 году, я вступилъ въ гусары юнкеромъ; служилъ, худо ли, хорошо ли, но всю кампанію; дрался, былъ раненъ и награжденъ — но не объ томъ дѣло. Полкъ нашъ въ 1815 году спѣшилъ къ Ватерлоо, чтобы попировать въ Парижѣ. На возвратномъ пути я былъ однаж-

Ли назначенъ бригаднымъ квартирьеромъ, и обогнавъ полкъ свой, ожидалъ его въ Лейпцигѣ. Вечеромъ вышелъ я на бульваръ города, нашелъ тамъ нѣсколько Русскихъ офицеровъ, и мы, засѣвши въ палатку, припялись за шампанское. Нѣмочки, прелестныя какъ майское утро, мелькали взадъ и впередъ. Между прочими одна красавица, статная, милая какъ ангелъ, тихо прошла мимо насъ. Кляпусь грядущими усами своими, некричалъ уланскій корнетъ Посвистовъ, я бы охотно съѣздилъ двадцать разъ безъ очереди за фуражомъ, еслибъ эта дѣвушка позволила мнѣ поцѣловать свою перчатку! — А я закладую свою голову противъ грецкаго орѣха (сказалъ нашъ покорнѣйшій слуга), что поцѣлую у нея руку! У меня подумать значитъ сказать, а сказать исполнить, и я отправился въ слѣдъ за красавицею. Случай явился ко мнѣ на ординарцы; она уронила платокъ — я подлетѣлъ, поднялъ его, и, отдавая съ лестнымъ привѣтомъ, прекискусно поцѣловалъ миленькую ручку прекрасной незнакомки. Изумленный и сердитый взглядъ ея ясно сказалъ мнѣ: вы, сударь, нагалецъ; а сзади меня яркій басъ на чистомъ Нѣмецкомъ языкѣ повторялъ то же самое. Оглянувшись, увидѣлъ я высокаго Прусскаго

— Сестрица, сказалъ онъ испуганной дѣвушкѣ: садитесь въ карету и поѣзжайте домой — я скоро буду. — Помогши ей сѣсть, онъ обратился ко мнѣ: государь мой! если вы храбрости не забыли въ ташкѣ съ своимъ разумомъ, то дозвольте полюбопытствовать, такъ ли же вы хладнокровны передъ саблею, какъ дерзки на обиду беззащитныхъ дѣвушекъ. Это меня взорвало; оба горячились, и дѣло кончилось, какъ водится, тѣмъ, что взявъ секундантовъ мы отправились за городъ. — На чемъ будемъ мы драться? спросилъ онъ. — Вѣрно не на саблях, отвѣчалъ я: мы Русскіе не любимъ въ серьезномъ дѣлѣ коммерческихъ сдѣлокъ. Принесли пистолеты. Пули покатились въ дуло; шомполы прозвучали часъ смерти. Шесть шаговъ отсчитаны были на барьеръ; еще по пяти должны мы были разходиться для прицѣла, а потомъ, сходясь, стрѣлять какъ вздумается; курки брякнули. — Позвольте узнать, началъ я ... — Кого вы будете имѣть честь застрѣлить? перебилъ онъ. — Это вы узнаете послѣ моей или вашей смерти. Г. секундантъ, считайте разы, мы готовы. — Въ это время, какъ нарочно, вѣтеръ сдунулъ фуражку, лежавшую на барьерѣ для означенія разстоянія. — Г-да, сказалъ одинъ изъ секундантовъ, воткните пожалуйте сабли

ваши вместо барьера. — Мы оба вдруг обнажили их; золоченый клинок противника, как луч, осветил мои мысли: в нем я узнал — барона Эренса.

— Нужно ли сказывать, что мы бросились друг к другу в объятия, и дуэль была забыта. Для нас только непонятным казалось, как могли мы не узнать один другого? Правду сказать, я по ложным слухам не считал его в живых и никогда не думал, что он вступил в военную службу. Много воды утекло со дня нашей разлуки, и Эренс из милого мальчика сделался плотным мужчиною. Притом усы, бакенбарты, закрученные виски и загорелое лицо, до половины скрытое в воротник ментика, вовсе его перезвинили. Меня узнать было тоже не легко: рубец на щеке, в память Монт-Мартрского дела, прятался под широкую перевязку и делал меня копією рыцаря печального образа. Гнев ослепил нас: мудрено ли, что мы обманулись.

— Брат взялся испросить мне прощение у сестры своей, и, на радости его безвреднаго возвращения, все было забыто. Родители Эренса приняли меня как родного; я испросил позволение остаться у них еще на три недели, и страстно влюбился в Эмму, которую я

обидѣлъ изъ шалости. Полякъ меня забылъ и гусарство и весь свѣтъ; вздыхалъ, надѣялся, боялся, дѣлалъ тысячу глупостей, а говорилъ ихъ безъ счету. Завтра надобно было ѣхать, а у меня слова замирали еще въ груди, чтобъ объясниться съ Эммою. Сердце было полно, а голова пуста, какъ пуговица на парадномъ дуломанѣ. Наконецъ Эренъ вывелъ меня изъ лабиринта сомнѣній: спросилъ ее, узналъ, что я ей нравлюсь, сказалъ старикамъ, и дѣло сладилось. Я уѣхалъ съ обручальными кольцомъ; возвратился чрезъ три мѣсяца еще влюбленнѣе прежняго, женился и скоро явился въ полкъ. Вотъ тебѣ весь романъ моей женитьбы. Я чрезъ глупой анекдотъ нашелъ несравненную жену; но былъ въ опасности застрѣлить нервого своего друга, или погибнуть отъ руки его.

Лошадей запрягли, и мы разстались.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Ревель, декабря. 1820 года.

Еще было темно, когда мы пріѣхали на слѣдующую станцію. Многіе проѣзжіе спали на софахъ; маленькіе спутники мои, воспитанники . . . скаго пансіона, задремали, сидя, покуда перемѣняли лошадей; и я самъ чуть не заснулъ — но комическій голосъ въ ближней комнатѣ насторожилъ слухъ мой ко вниманію: проѣзжій Нѣмецъ, отмачивая биркезомъ свою искренность, разсказывалъ полусонному хозяину трактира исторію своей жизни. Чтобъ судить объ удовольствіи, которое доставила мнѣ подобная встрѣча, должно было видѣть кубическую фигурку оратора, его саповитый носъ, его ротъ елва застегнутый ушами, и

слышать сквозь полуотворенную дверь мно
глаголивый разсказъ, нашпикованный по
реніями. Я засталъ романъ моего героя
главѣ женитьбы; но это не помѣшало
узнать, что онъ кларнетистъ Иванъ Ива
вичъ Пошманъ, что его отецъ былъ гром
человѣкъ, потому что въ театрѣ игралъ
трубѣ; что бывшій тесть его, гробовой
стеръ, дѣлалъ самые крѣпкіе гробы въ
тербургѣ, безъ течи и сквознаго вѣтру;
жена бранилась съ нимъ каждый день и б
его всякое воскресенье — однако же
любилъ ее за отличное искусство варить ко
и ревновалъ, потому что это водится.

Но, взоръ за нею устремя,
Напрасно онъ гремѣлъ замками:
Лель видитъ болѣе двумя,
Чѣмъ ревность тысячью глазами.

Попросту сказать, жена ему измѣнила.
добрала себѣ въ Зигварты какого-то аптек
и принудила мужа заплатить за разводи
Стоическій кларнетистъ не впалъ въ отча
о потерѣ жены; геройски напился до п
на ея свадьбѣ, потому что его поили дар
Но съ тѣхъ поръ тоска грызетъ его серд
желудокъ; уже никто не можетъ угодит
избалованный вкусъ его кофеемъ, и онъ
каетъ теперь свое горе по блюдечкамъ б

геръ-клуба! — Ахъ! welch prächtiger Kaffee! восклицалъ онъ, вздыхая, какъ раздувальный мѣхъ, даромъ что въ немъ была половина цикорею.

Выходя посмотрѣть, готовы ли лошади, я услышалъ, что онъ ѣдетъ въ Везенбергъ къ роднымъ, которые рекомендовали ему одну рѣдкую кофесварительницу — и онъ рѣшается, проэкзаменовавъ ее въ искусствѣ варить кофе, сочетать съ нею участь своего сердца и кофейника. Будь этотъ оригиналъ въ Англіи, подумалъ я, тамъ бы на него написали поэму не хуже Гудибраса и не топѣе его самаго. Я насилу нашелъ брата своего на другой половинѣ почтоваго дома: онъ стоялъ подлѣ прекрасной, стройной дѣвушки, сидѣвшей на софѣ, и она показалась мнѣ Діаною, царицею ночи, зажигающею блѣдную лампаду свою на сіяющемъ небосклонѣ. Все дремало окрестъ; свѣчка передъ нею едва тлѣла, а братъ, какъ Борей, закутанный косматою шубою, доперпалъ картину. Уступивъ прелестной незнакомкѣ мѣсто свое, онъ вступилъ въ разговоръ, и мы узнали, что фамилія ея ***ръ, и что она ѣдетъ изъ Ревеля.

— Опять романическое приключеніе, думаете вы — и ошибетесь; встрѣча началась тѣмъ, что я былъ въ большомъ замѣшатель-

ствѣ, вбѣжавъ закутанный въ горницу. — Pardonnez, madame! бормоталъ я, схватившись за шапку свою, прикрѣпленную тремя Гордіевыми узлами; но шапка не снималась, и я съ минуту бился въ ней, какъ Дмитріева голубокъ въ силкѣ; стащилъ ее на глаза и наконецъ кое-какъ освободилъ свою голову изъ очарованной чалмы. Можете вообразить себѣ эту комическую сцену! Объявивъ торжественно брату о готовности повозокъ, мы пожалѣли, что такая красавица не будетъ украшать собою Ревельскіе праздники; пожелали ей счастливаго пути до Петербурга, раскланялись и сѣли въ сани. Братъ уѣхалъ впередъ; скоро и я пустился за нимъ же.

Ворота скрыпнули за мною,
И я въ дорогу поскакалъ;
Туманъ волнистой пеленою
Кругомъ все поле застилалъ;
Блѣдныя, утренни полыны
Тонули въ сумрачныхъ зыбяхъ,
И солнце на востокѣ румяный
Вдругъ вышло въ пламенныхъ лучахъ.
Поля алмазныя зажглися,
Туманы въ облачки слилися,
Полупрозрачною грядой
На сводъ побѣжали голубой.
Въ жемчугъ осыпанными снѣжный
Вѣтвями вѣтерокъ игралъ;
Отъ сосенъ и отъ угрюмыхъ скалъ

Просторлись тѣни перебѣжны.
Яснѣло утро, я скакалъ
И съ скрипомъ подрѣзи жужжали,
И быстро мимо насъ мелькали
Лѣса и холмы и поля;
Отъ взоровъ небеса бѣжали,
Катилась изъ-подъ ногъ земля,
И снѣгъ, взвѣваемый конями,
Летѣлъ за рѣзвыми санями,
И будто огненнымъ дождемъ
Сверкая въ радугѣ цвѣтистой,
На слѣдъ ложился серебристой.

Въ самомъ дѣлѣ, какое прекрасное зрѣлище представляетъ зимой восходящее солнце, когда багрянымъ щитомъ выкатывается оно надъ заснѣженною землею!

Между тѣмъ мы подвигались впередъ очень медленно, останавливаясь вездѣ или обѣдать, или завтракать, или пить кофе, или согрѣвать своихъ спутниковъ, которые едва оттаивали, то и начинали рѣзвиться. Иногда появлялось у меня, спящаго, углемъ намаранное прибавленіе къ усамъ; иногда комокъ снѣга невидимо прыгалъ за галстухъ — и я хохоталъ съ ними въ честь минувшаго дѣтства.

Въ 4 часа, 24 декабря, мы проѣхали черезъ Ямбургъ (прежній Ямъ), стоящій на двухъ крутыхъ берегахъ Луги; городокъ небольшой,

но весьма чистый, съ прекрасными каменными зданіями и церковью. Сколько разъ, молвъ онъ былъ рыцарями Тевтоническаго Ордена! сколько разъ въ стѣнахъ своихъ, теперь уже не существующихъ, видѣлъ Русскихъ и побѣжденными и побѣдителями! сколько разъ небо его раскалялось заревомъ пожаровъ!

Въ 8 часовъ, объѣзжая Нарву, я пожалѣлъ, что не имѣлъ времени осмотрѣть ее. Черныя башни замка подымались на скалахъ; ихъ разрушенныя временемъ стѣны висѣли надъ Нарвою, и надъ шпицами башенъ и церквей готическихъ расширилъ крылья свои мракъ ночи.

За Нарвою начинается Эстонія; уже не видно богатыхъ почтовыхъ домовъ: лошади и люди малы; лѣсъ рѣдѣетъ по мѣрѣ приближенія къ Ревелю, и дорога съуживается постепенно. Плитныя хижины обитателей, разсѣянныя между кустарниками, рѣдко стоятъ деревнями. На каждыхъ двухъ или трехъ верстахъ видны дымныя корчмы, безъ полу, съ огромнымъ въ углу каминомъ. Въ нихъ-то закопченные Эстонцы, со всклоченными и висящими по поясъ волосами, покоятся вмѣстѣ съ козами и телятами; въ нихъ паръ ходитъ по низу, а дымъ по потолку. Входя туда, я думалъ каждый разъ видѣть себя въ подзем-

номъ Плутоновомъ царствѣ, и, выходя на чистый воздухъ, всегда говорилъ, любуясь на черныя лица и грязныя стѣны Эстонскія: хороша природа — когда ее вымоютъ.

Однако, составивъ, подобно Жуи, науку замѣчанія — изъ правила: слушать богатыхъ людей и заставлять говорить бѣдныхъ — я узналъ, что состояніе здѣшнихъ крестьянъ въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ, весьма улучшилось. Владѣльцы, содѣйствуя цѣли мудраго правительства, видимо получаютъ отъ сего выгоды; землепашество цвѣтетъ въ этомъ краю; винокуреніе ободряетъ оное, и Эстонцы мало по малу отвыкаютъ отъ пьянства, лѣни и всѣхъ пороковъ, невѣжество сопровождающихъ . . . Но, друзья мои, я пишу не книгу и не изъ книгъ, а потому любопытнымъ читателямъ совѣтую прочесть сочиненіе: Essai critique sur l'histoire de la Livonie, въ которомъ подробно описано настоящее положеніе всей Ливоніи.

Не знаю, случалось ли вамъ, друзья мои, испытывать переходъ отъ бдѣнія ко сну, — какой я всегда испытываю; иногда бываетъ онъ вовсе не послѣдуемъ сномъ и часто замѣняетъ оный физически: — мысли нечувствительно смѣшиваются, блѣднѣютъ, меркнутъ; ухо внимаетъ еще внѣшнимъ звукамъ, но уже сли-

вастъ ихъ съ неясною внутреннею мечтою; еще нить послѣдняго понятія, какъ бы сотрясаясь, повременно дастъ себя чувствовать; но какой-то хаосъ туманитъ воображеніе и память, спутывая все въ одно невыразимое ощущеніе; еще грезы не изглаживаютъ воспоминанія о пребываніи тѣлеснаго состава, какъ это бываетъ въ сновидѣніяхъ, но тѣмъ непримѣтнѣе онѣ увлекаютъ и обманываютъ чувства. Не могу описать, что я вижу и слышу тогда; но знаю, что въ подобной дремотѣ имѣю особый кругъ знакомства въ мысляхъ, въ изображеніяхъ и въ мѣстахъ; открываю глаза и съ минуту мечты сіи продолжаютъ на меня свое вліяніе; но по мѣрѣ того какъ понятія и чувства приходятъ въ порядокъ — онѣ удаляются, исчезаютъ, подобно тѣнямъ фантасмагоріи, наконецъ не оставляютъ по себѣ ни малѣйшаго впечатлѣнія, никакого воспоминанія. — Мы ѣхали на перекладныхъ, и я, утомленный двухдневною безсонницею, лежалъ на саняхъ часу въ 8 утра, погрузясь въ такую дремоту, и хотя пробуждался при каждомъ скочкѣ по камнямъ, но уже готовъ былъ забыться . . . вдругъ сани опрокинулись, и я вылетѣлъ вонъ. Ударъ былъ жестокъ: грянувшись головою о снѣгъ, я потерялъ память; мнѣ казалось тогда, что ударили въ огромный

колоколъ!.... но когда пришелъ въ себя, то сожалѣлъ, что не былъ зрителемъ своего паденія, съ котораго бъ можно было нарисовать презабавную каррикатуру: я, какъ Сципіонъ Африканскій, нехотя лобызалъ землю чуждую; мой Санхо-Панса барахтался подъ чемоданами, а засаленный Эстонецъ вылѣзалъ въ трехъ изъ-подъ саней. Дюжина смирныхъ коньковъ хлопала ушами, смотря на наше горе, и тѣмъ довершала пейзажъ. — Не впервые случилось мнѣ упасть, но впервые такъ неудачно. Съ трудомъ, поднявъ больную свою голову, я доѣхалъ до почтоваго двора, проклиная землю, гдѣ и на сухомъ пути должно бояться подводныхъ камней.

Надобно путешествовать, чтобъ научиться, говорятъ всѣ; я думаю: надобно учиться, чтобы съ пользою путешествовать. Тогда всякой предметъ, одушевленный воспоминаніемъ, принимаетъ новую жизнь и голосъ. Я испыталъ это, проѣзжая мимо мѣстечка Мягольма, извѣстнаго битвою рыцарей Ливонскихъ съ войсками великаго князя Іоанна, дѣда Грознаго, въ 1501 году. Сорокъ тысячъ Русскихъ и Татаръ двинулись наказать ослушныхъ данниковъ Россіи — меченосцевъ. Достойный противникъ нажидалъ ихъ: это былъ му-

тенбергъ, человѣкъ мочный тѣломъ и душею, совѣтный въ мирѣ, страшный въ бояхъ. Здѣсь соступились полки Русскіе съ желѣзными эскадронами Ордена; вчетверо были рыцари слабѣе нашихъ числомъ, въ десять разъ сильнѣе устройствомъ. Грянула артиллерія Нѣмецкая, покатился бѣглый огонь ружейный — и Псковитяне дрогнули, побросали оружіе и увлекли въ бѣгство дружину Московскую. Воевода Тешинъ и боярин Бороздин легли на мѣстѣ: не великъ былъ уронъ нашихъ мертвыми, великъ стыдъ живыхъ. Плеттенбергъ преслѣдовалъ бѣглецовъ; отраженный отъ Изборска, выжегъ его предмѣстіе — и трагедія кончилась комически. Въ войскѣ Нѣмецкомъ случилась презабавная болѣзнь, и оно, разслабленное педугомъ и трудами, едва могло съ важнымъ уроном уйти во свояси. О мѣстѣ сраженія лѣтописи несогласны: Русскіе назначаютъ его на рѣкѣ Сиричѣ, неподалеку отъ Изборска; Аридъ и Гадебушъ, здѣсь. Послѣднее оправдывается преданіемъ, что Плеттенбергъ, предъ битвою, далъ обѣтъ въ случаѣ успѣха построить церковь — и построилъ ее. Развалины ея и до нынѣ видны, верстахъ въ трехъ отъ дороги, близъ станціи Гогенъ-Крейцъ.

Далѣе, на крутой горѣ, видѣнъ полуразру-

шенный замокъ Везенбергъ, знаменитый своими бѣдами, богатый историческими воспоминаніями. Будучи порогомъ въ область Ревельскую, онъ былъ взятъ и сожженъ болѣе 20 разъ Датчанами, Русскими и Поляками. Часты и ужасны были сѣчи въ стѣнахъ и подъ стѣнами его; но достопомятнѣе всѣхъ была битва Нѣмцевъ съ дружинами Новагорода, Ладоги и Пскова въ 1268 году.

Михаилъ и Димитрій, сыны Ярослава, предводили ими. Русскіе съ пороками (орудіями) стѣнобитными шли осаждать Датчанъ въ Везенбергѣ, и встрѣтили нежданыхъ враговъ въ рыцаряхъ Тевтонскихъ, которые, обѣщавъ имъ пріязнь, измѣнили честному слову и внезапно явились передъ полками Новогородскими. Крестоносцевъ вели: магистръ Отто фонъ Роденштейнъ, и Александръ, сынокъ Церитскій. Россіяне изумились, но не оробѣли, перешли впередъ за рѣчку Кеголь, ударили дружно, врѣзались въ ряды непріятельскіе; тысячи падали, никто не отступалъ. Лишь одинъ князь Юрій Андреевичъ далъ плечо, какъ говоритъ лѣтописецъ; можетъ перевѣтъ (измѣна) былъ въ немъ; Богъ вѣсть. Посадникъ Новогородскій Михаилъ и много чиновныхъ людей убито, еще больше пропало безъ вѣсти; но Ди-

и гналъ ихъ подъ стѣнами самаго города. Дорого стоила Нѣмцамъ битва, еще дороже Русскимъ побѣда; и они, простоявъ три дня на костяхъ (т. е. на полѣ сраженія), ушли домой. Пять тысячъ воиновъ Русскихъ и 1300 Нѣмцевъ пали. Епископъ Дерптскій былъ въ числѣ сихъ послѣднихъ. Ни отцы, ни дѣды наши не запомнятъ такого сраженія, повѣствуетъ лѣтописецъ Новагорода! . . .

Безъ особенныхъ приключеній добрались мы, въ самое Рождество Христово, до послѣдней станціи къ Ревелю. Уже было 7 часовъ вечера, какъ мы пустились въ дорогу, и долго ѣхали по едва набитой тропѣ: вдругъ порхнулъ снѣгъ, сгустился, поднялась вьюга, и обширная пустыня морскаго берега взволновалась подъ крылами бушующаго вѣтра. Граничные камни, означающіе путь, начали скрываться, снѣгъ ослѣплялъ глаза, вихорь заметалъ дорогу; наконецъ и слѣдъ ея исчезъ. Не такъ ли, думалъ я, исчезнемъ и мы! . . .

Промчатся вѣки вслѣдъ вѣкамъ
За улетающимъ мгновеньемъ,
И смерть по жизненнымъ путямъ
Запорошитъ нашъ слѣдъ забвеньемъ!

Долго кружились мы по произволу коней; сани опрокидывались ежеминутно, и въ десяти шагахъ горизонтъ сливался съ землею. Уже

прошло три часа, какъ мы, измученные искапьемъ дороги, бродя по поясъ въ снѣгу, то падѣясь, то теряя надежду, скитались въ безбрежномъ морѣ снѣговъ. Холодъ умножался, иней съ вѣтромъ проникалъ всюду, и я въ самомъ дѣлѣ началъ бояться заморозить своихъ спутниковъ. Къ большему несчастію, полуньяные и вовсе глупые извощики не разумѣли по-Русски и не слушали насъ; однако же грозящій фухтель убѣдилъ ихъ ѣхать по вѣтру — и черезъ полчаса мы едва не упали съ утеса Лаксберга — одна лошадь оборвалась... Выскочивъ изъ саней, мы увидѣли, что не вдалекѣ, внизъ бѣжала проселочная дорога; и обрадованные, хотя обмокшіе, пріѣхали въ обѣтованную землю, въ Ревель, друзья мои, откуда я пишу къ вамъ эти бѣглыя строки.

Закруженный вихремъ танцевъ, я храню, до свиданія съ вами, подробности моего пріѣзда; умалчиваю объ удовольствіи найти въ человѣкѣ, къ которому были мы адресованы въ городѣ, умнаго и веселаго товарища, юношу лѣтъ двадцати, съ совершенно рыцарскимъ характеромъ Баярдовыхъ временъ. Онъ адъютантъ адмирала С — а; фамилія его Г-лъ. Вы знаете, что между военными скоро снуется знакомство, а между людьми, у которыхъ сердце пастроено искренностію, знакомство есть

дружба, и мы въ два часа, проведенные за полночь — будто вѣкъ другъ друга знали.

На другой день, явившись ко всѣмъ начальникамъ, я отправился на форштатъ къ генералу Л. В. С — ву, къ тому самому, который пригласилъ меня посѣтить Ревель. Онъ былъ очень доволенъ, что я сдержалъ данное слово, а я былъ очень радъ его увидѣть. Въ его-то почтенномъ семействѣ, друзья мои, я вдали отъ васъ провелъ я пріятнѣйшіе часы, кажется, утаенные отъ золотаго вѣка. Если бы вы поручили мнѣ обрисовать образецъ матери, кисть моя начертала бы его супругу: съ патріархальною простотою слились въ ней любезность и просвѣщеніе нынѣшняго вѣка, здравый умъ съ рѣдкою добротою душевною. Материнская нѣжность ея лелѣетъ юныя отрасли, возращенныя, образованныя ея рукою; за то общее уваженіе и любовь примѣрныхъ дѣтей служатъ ей наградою. Самъ генералъ столь же дѣятеленъ по службѣ, какъ милъ въ обществѣ. Служа отечеству словомъ и дѣломъ, онъ одну правду чтилъ своею богинею; въ его пятидесятилѣтней груди волнуются чувства пылкой юности, и двери сего ревностнаго защитника пользъ человѣчества не закрываются для добрыхъ людей, а кошелекъ и сердце для несчастныхъ.

Въ домы : главнаго командира, губернатора гражданскаго, флотскаго начальника и другіе, гостепріимство пригласило насъ, а ласковость къ нимъ привязала. Однимъ словомъ : я, призванный сюда изъ шумной столицы духомъ любопытства, долго бы остался здѣсь по чувствамъ души. Здѣсь узы мѣрнаго этикета не тягчатъ молодости, и не скучаютъ старости.

Общество ограничивается кругомъ небольшимъ, но избраннымъ, и, не смотря на неизмѣнность, разнообразнымъ. Здѣсь уже знаютъ тѣхъ, кого любятъ, и вѣрно любятъ, съ которыми знаются; ибо не на пустомъ приличіи, а на взаимномъ уваженіи основывается знакомство.

Я прежде слышалъ, и теперь испытываю, что въ провинціяхъ веселятся болѣе и веселѣе, чѣмъ въ столицѣ ; теперь въ Ревелѣ хотя не пора баловъ, но ни одного дня не проходитъ, чтобы мы не были приглашены на обѣдъ или на вечеръ. Едва открываетъ глаза, и приглашенія являются вмѣстѣ съ чашкою кофе. Тамъ ждутъ насъ пріятельскія устрицы и Гохгеймское на завтракъ ; туда манитъ одушевленный вечеръ, и я право на полетѣ ловлю свободныя минуты для разсматриванія рѣдкостей города.

Притомъ до антиковъ ли мнѣ, друзья мои,

между юными обитательницами здѣшняго міра, столь близкаго къ идеалу моей Утопіи? Здѣсь бы, въ недрѣ семействъ, долженствовалъ Жанъ-Жакъ списывать правила воспитанія, и тогда бы не метеоръ воображенія, а пламенникъ опытности былъ вождемъ Эмиля. Сюда призвалъ бы я нашихъ модныхъ матерей, чтобы показать имъ истинный долгъ матери, супруги, и средства быть свѣтскими женщинами, не измѣняя оному. Воспитаніе дѣтей здѣсь первое занятіе родителей, а добрыя дѣти первое ихъ убранство. Здѣсь мать, совершивъ свой долгъ, не краснѣетъ взрослой дочери, подобно тѣмъ, у коихъ, въ неопрятное время воспитанія, взоры блуждали по ломбернымъ столамъ или привѣтствовали ласкателей.

Здѣсь и безъ Французовъ всѣ дѣвицы говорятъ очень хорошо по-Французски. Въ разговорѣ съ ними, коснувшись даже предметовъ, не входящихъ въ составъ дамскаго туалета, не бойтесь краснѣть за ихъ незнаніе, что (не въ укоръ между нами) случается иногда при нашихъ красавицахъ. Напримѣръ, здѣсь никто не спроситъ, можно ли въ Америку проѣхать берегомъ? или, сколько лѣтъ продолжалась семилѣтняя война? Не будутъ даже увѣрять, что Малекъ-Адель былъ первый ге-

рой исторіи, потому что мадамъ Коттенъ это писала. Здѣшніе балы не походятъ на столичные, откуда такъ часто возвращаешься съ пустотою въ душѣ, съ дремотою на глазахъ и съ пылью на платьѣ. На нихъ не встрѣтишься съ шумною толпою фанфароновъ, которые у насъ скучаютъ паркетамъ и съ важнымъ видомъ разсказываютъ обветшалые пустяки; они

Довольные собою сами
И тупы остротой чужой,
Всѣхъ думатъ скукой выписной,
Любезностями и духами. —
Кокетокъ не увидишь тамъ,
Разряженныхъ не по лѣтамъ,
Которыя составъ скудельной
Цвѣтятъ гирляндою поддѣльной,
И снова думая блеснуть
Давно забытой красотою,
Хотятъ подъ сѣтью кружевною
Свою антическую грудь
Зефиромъ купленнымъ надуть;
Незнаемы чувствъ ложныхъ взоры,
Расписанныхъ не видно лицъ,
И лестью жителей столицъ
Тамъ не румянятъ разговоры;
Насмѣшекъ, пересудовъ нѣтъ,
Незнаемъ философскій бредъ,
И колкость шуткѣ неизвѣстна;
Веселость сердца не шумна;
Тамъ и застѣнчивость прелестна
И прелесть самая скромна;
Дѣвицъ заемной мишурой

Ни умъ, ни платье не блистаетъ,
Но ихъ невинность украшаетъ
Неотцвѣтаемой красой.

Въ самой вещи, здѣсь рѣдко увидишь летучія перья, которыя такъ удачно дамы наши избрали эмблемою своего легкомыслія, или райскую птичку на головѣ какой нибудь Леды. Переходя сюда, Петербургскія моды теряютъ странность свою и потому недостатокъ ея замѣняютъ здѣсь вкусомъ. Въ утѣшеніе красавицъ нашихъ скажу, что я певѣдомъ въ нарядахъ, и потому, станется, не восхищался чудесными ихъ модами; а себѣ въ оправданіе привожу извѣстный Грессетовъ стихъ:

Vous savez: sur les goûts on ne dispute pas!

Люблю во всемъ чистые дары природы, я предпочитаю ихъ прихотливымъ выдумкамъ роскоши. А гдѣ природа была роскошнѣе въ щедротахъ своихъ, какъ не здѣсь? Посмотрите, какія правильныя черты у этой стройной блондинки; какая выразительность въ лицѣ у той темнорусой красавицы; какая жизнь въ этихъ черныхъ глазахъ! Полюбуйтесь свѣжестью краски, нѣжностью у всѣхъ. Но, чтобы описывать женщинъ здѣшнихъ, я скажу какъ Сегюръ: надобно омочить перо въ радугу и засыпать пухомъ съ крыльевъ бабочки; а теперь, друзья мои, нѣтъ ни радуги

ни мотыльковъ. Здѣсь едва ли можно счесть прекрасныхъ, у насъ едва ли можно насчитать ихъ весьма скудное количество! . . . Предоставляя разыскивать тому причины гг. физіологамъ, думаю однакоже что красота нравственная имѣетъ большое вліяніе на красоту физическую; а образъ жизни отцевъ и дѣтей поддерживаетъ оную въ здоровьѣ и свѣжести. Напримѣръ, здѣсь не пріучаютъ дѣтей ни къ чаю, ни къ пряностямъ, безвременно притупляющимъ вкусъ. Здѣсь сонъ не знакомится съ солнцемъ, обѣдъ не ждетъ вечера, балы не гоняются за полуночью; за то и гости и хозяева веселы, живы; за то и цвѣтъ лица ихъ споритъ только съ розами, а не съ лимонами; за то и здоровье ихъ течетъ столь же регулярно, какъ ихъ жизнь. Конечно, есть безразсудные люди, которые называютъ ее прозябеніемъ, а не жизнію; смѣются надъ нею, потому что сами не могутъ жить подобнымъ образомъ; но истинное спокойствіе сокрыто въ глубинѣ души мирныхъ обитателей Лифляндіи, и никакой вѣтеръ моды не вывѣетъ его оттуда софизмами.

Въ Ревелѣ многіе говорятъ по-Русски, почти всѣ по-Французски, но любимый языкъ Нѣмецкій. Въ самомъ Русскомъ кругу замѣтно это пристрастіе; и даже нѣкоторыя земля-

ки мои знаютъ лучше Германскій, нежели свой природный языкъ; впрочемъ и у насъ это не диво. Сначала меня пугалъ такой германизмъ, но мало по малу я съ удовольствіемъ привыкъ къ нему, когда рѣзкія фразы Нѣмецкія, вылетая изъ прелестныхъ губокъ, смягчались, и, слившись съ гармоническимъ голосомъ, звуками своими ласкали слухъ мой.

Чистота въ домахъ Ревельскихъ привлекательна; не роскошь, но вкусъ царствуетъ за столами, и опрятность на поварнѣ. Если вы хотите загляпуть и туда, то увидите чистенькую, румяную повариху въ бѣломъ передникѣ; которая въ горящую какъ золото посуду наливаетъ свѣтлый супъ, и все приправляетъ не отравами, какъ у насъ, но самымъ аппетитомъ. Между прочимъ замѣтите вы, что красота здѣсь обща всѣмъ классамъ; она зрѣетъ равно при восковыхъ свѣчахъ лучшихъ обществъ и при пламени скромнаго очага.

Но свѣчка моя гаснетъ; уже почной стражъ (Nachtwächter) просвисталъ * два часа за полночь: до перваго досуга прощайте, друзья мои; Морфей вѣетъ крылами и обѣщаетъ представить всѣхъ милыхъ сердцу.

---

* Въ Ревелѣ почью нахтвехтеры не бьютъ, а

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Ревель, 31 декабря. Утро.

Вчера я былъ въ здѣшнемъ театрѣ. Онъ не великъ, не богатъ украшеніями, за то въ немъ хорошо видно и слышно, а это чего нибудь стоитъ. Антрепренеръ его, бывшій актеръ Петербургской труппы, г. Гебгардъ. Давали трагедію: Разбойники на Кульмской горѣ; одинъ Гебгардъ игралъ въ ней хорошо, еще двое порядочно, прочіе едва сносно. Я сидѣлъ подлѣ С — ни, новаго знакомца моего, любезнаго весельчака и извѣстнаго въ Нѣмецкой словесности литтератора: онъ на каждую сцену дѣлалъ комментаріи и комикобіографически толковалъ о всемъ и о всѣхъ; въ интермедіи

даже мы сами. — Для чего — спросилъ я — декоратору вздумалось представить зиму тамъ, куда уходятъ съ балу прогуливаться эти красавицы и въ такомъ легкомъ нарядѣ? Конечно дѣйствіе происходитъ на горахъ, но вѣрно не на верхушкѣ горъ? — Вы, г-да пріѣзжіе, очень прихотливы, отвѣчалъ онъ. Декораторъ нашъ человѣкъ разсчетливый: онъ знаетъ, что мелъ дешевлѣ зеленой краски, а до хода пьесы ему вовсе нѣтъ дѣла. Да и на вашемъ театрѣ я видѣлъ чудеса, еще забавнѣе здѣшнихъ; напр.: въ драмѣ Ермакъ, станъ Кучумовъ расположенъ, гдѣбъ вы думали? — на Аонской площади, писанной для Эдипа; видѣлъ вашу Дидону въ кружевахъ, Испанцевъ въ Польскихъ контушахъ, а воиновъ Фингаловыхъ въ рыцарскихъ перчаткахъ и въ Русскихъ шишакахъ съ хвостами; видѣлъ, какъ левъ сморкался на сценѣ; видалъ и много тому подобныхъ вещей. Но обратимся къ пьесѣ: видишь ли, какъ методически гг. разбойники рѣжутъ прохожихъ: это не цвѣтки; у насъ есть трагедіи, въ которыхъ въ третьемъ дѣйствіи всѣ персонажи перебьютъ другъ друга, и въ двухъ остальныхъ играютъ тѣни умершихъ. Случаются даже такія кровопролитія, что партеръ тонетъ въ крови. — О, если это случится теперь, возразилъ я, то нашъ

можно будетъ выплыть на контрабасѣ, который заслоняетъ отъ зрителей половину сцены. — Нравится ли тебѣ игра этого высокаго человѣка, у котораго первый этажъ его костюма принадлежитъ къ прошлому столѣтію, а другой выдумкѣ нынѣшняго портнаго? спросилъ меня С — ни. — Если ходить называется играть, то и онъ актеръ — былъ мой отвѣтъ: — онъ мастерски рѣжетъ головы и деретъ намъ уши. Но для чего онъ прячетъ подъ епанчу руки свои, будто Катонъ Утикскій? — Для того же самаго, для чего онъ пріѣхалъ на балъ въ оленьихъ сапогахъ: въ отношеніи къ приличію это смѣшно; но въ театрѣ весьма холодно, и это очень благоразумно; à propos des bottes: каковы кажутся тебѣ наши актрисы? — Не знаю ихъ вблизи, но мнѣ сдается, что одна изъ нихъ не очень хороша, за то другая очень не хороша; и эта другая, не знаю почему, растворяетъ ротъ весьма широко, а говоритъ весьма тихо? — Она любитъ разсказывать секреты себѣ на ухо, отвѣчалъ С — ни. — Мнѣ помнится, я видѣлъ гдѣ-то физіономію актера, играющаго теперь роль буффа? — продолжалъ я. Не мудрено, что она кажется тебѣ знакомою, сказалъ сосѣдъ мой: ты приглядѣлся къ его величавому портрету на картузахъ капастеру . . . по

послушай, какъ зрители апплодируютъ сумасшедшему рыцарю, хотя актеръ, его играющій, смѣшитъ, вмѣсто того, чтобъ трогать; и признайся, что роли дураковъ и безумныхъ, на сценѣ и на театрѣ свѣта, самыя благодарныя; ибо всѣ увѣрены, что сами ихъ умѣе. Однако же піеса приходитъ къ концу, и чтобы не сказали, будто мнѣніе наше о ней односторонне, перейдемъ-ка на другую сторону креселъ. Смѣясь, мы перемѣнили жѣста, и въ разговорахъ не замѣтили, какъ съ пыльныхъ облаковъ слетѣла занавѣсъ. Добрые здѣшніе мѣщане утирали платками слезы, потому что на афишкѣ возвѣщена была Trauerspiel, а не комедія; мы же отправились въ Акціонъ-Клубъ *, и тамъ, за бутылкою вина, увѣнчали Ревельскую Мельпомену вѣнцемъ Таліи.

---

* Клубъ сей получилъ названіе отъ складчины первыхъ основателей онаго; каждый участокъ назывался акціею, каждый вкладчикъ акціонеромъ. Теперь Акціонъ-Клубъ наиболѣе поддерживается дворянствомъ Эстонскимъ, пріѣзжающимъ къ 1 числу марту на контракты, а въ іюнѣ мѣсяцѣ на ярмарку.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Ревель, 3 января 1821 года.

Завтра отходитъ почта, друзья мои, и это письмо будетъ предтечею скораго свиданія съ вами. Желаю видѣть васъ, но, признаюся, еще болѣе — хочу остаться въ Ревелѣ. Кто разгадаетъ теперь сердце человѣческое? мое? Кто взвѣситъ въ немъ страсть къ новому и привязанность къ старому — сіи центральныя силы страстей нашихъ? Не понимаю себя, но чувствую, что люблю васъ не менѣе прежняго, любя другихъ не менѣе васъ: эластическая цѣпь дружбы не теряетъ силы своей, обнимая и многіе предметы.

Я встрѣтилъ новый годъ очень весело, а вы знаете, что душевная веселость цвѣтетъ во

мнѣ столь же рѣдко, какъ цвѣтъ на алоэ. Это случилось въ домашнемъ маскарадѣ у генерала С — ва. За два дня нашъ вздумалось маскироваться, и вдругъ жилище наше превратилось въ шальню. Братъ мой избралъ костюмъ Арлекина, я Бедуина Аравійскаго. Въ 8 часовъ, пріѣхавъ туда, я нашелъ уже лучшій кругъ Ревельскій собраннымъ. Разнопестрыя маски мелькали, толпились, обманывали, узнавая другъ друга, и обманывались въ свою очередь. Жители всѣхъ странъ, въ древнихъ и новыхъ историческихъ костюмахъ, собрались сюда, какъ на площадь Смирны или въ крестовый походъ. Здѣсь Лапландецъ, забывъ снѣга и лыжи, прогуливался съ Аркадскою пастушкою; тамъ важный сераскиръ кружился съ Финскою крестьянкою, или блистательный Танкредъ вальсировалъ съ Русскою красавицею. Французская пудра сыпалась въ бороду Римскаго кавалера, фишбейны цѣплялись за кинжалъ разбойника Пальмиры, или покрывало Весталки за четки Капуцинскія. Вдругъ огромная сахарная голова приманила къ себѣ толпу: любопытство разорвало бумажную обвертку оной, и мадамъ La Sucrée, закрывая вѣеромъ кислую рожицу, явилась изъ нея, какъ бабочка изъ хризалиды. Рыбакъ въ шелковой сѣти носилъ конфект-

ныхъ рыбокъ, но не съ конфектными, а съ весьма забавными девизами. Одинъ охотникъ предлагалъ дичь; мы собрались въ кружокъ, онъ развязалъ сумку свою — и что жъ въ ней увидѣли? — творенія пѣвца Телемахиды, и того, и того . . . и даже я видѣлъ тамъ многихъ знакомцевъ нашихъ. Дичь драматическая обнималась съ пѣнтическою; всѣ смѣялись.

Между прочими мнѣ понравилась маска С — ни, о которомъ я уже вамъ упоминалъ. Онъ былъ одѣтъ почталіономъ, и всѣмъ коротко знакомымъ своимъ разносилъ письма, заключавшія въ себѣ небольшіе куплеты. Вотъ тѣ, которые помню какъ могу, и переношу, какъ умѣю.

Хозяйкѣ дома.

Душа семьи, и мать, достойная похвалъ,
Ты счастіе роднихъ, ты ближнихъ идеалъ.

Одной красавицѣ.

Небесный взоръ очей твоихъ,
Какъ въ зеркалѣ, души являетъ совершенство;
Но одному онъ принесетъ блаженство,
И горе множеству другихъ! —

Дѣвушкѣ, которая прекрасно пѣла.

Какъ въ пѣніи твоемъ, серебристый голосъ, нѣжной,
Течетъ въ твоей груди спокойство безмятежно.

Мужу, у котораго жена мила какъ ангелъ.

Кто бъ позавидовать тебѣ не захотѣлъ?
Богиня смертному досталася въ удѣлъ.

Женѣ его.

Цвѣтокъ первѣйшихъ благъ, какъ радость, неизмѣнной,
Цвѣтетъ въ душѣ твоей безцѣнной.

Наконецъ сняли маски. До тѣхъ поръ никто не узналъ меня, кто не зналъ прежде. Окинувъ глазами собраніе, можно было подумать, что магическій жезлъ перенесъ меня въ рай Магометовъ. Парни, гдѣ кисть твоя! Стернъ, гдѣ твое перо! Возможно ли живописать подобно имъ всѣ прелести, меня окружающія? По крайней мѣрѣ возможно изумляться и молчать подобно мнѣ. Между роями красавицъ здѣшнихъ, друзья мои, вы не безъ основанія могли бы спросить, какимъ размѣромъ билось сердце вашего мечтателя? Не безъ основанія могъ бы я отвѣчать, что оно билось скорѣе Сафическимъ, нежели Александрійскимъ. И совѣтую вамъ, мои милые, если случай заброситъ васъ когда нибудь сюда, въ подраженіе одному чудаку Петербурскому, носить прохладительную канфару на груди своей, какъ амулетъ противъ стрѣлъ

Я былъ веселъ, потому что смотрѣлъ на [redacted] въ радужныя очки юности. Этотъ вечеръ будетъ записанъ красными чернилами въ календарь моей жизни; но пожалѣйте, други, о безпокойномъ духѣ моемъ, который всегда идетъ на встрѣчу къ непріятностямъ и мѣшаетъ мнѣ среди забавъ: удовольствія исчезнутъ какъ ракета, и лишь дымъ воспоминанія ляжетъ на сердцѣ.

Ахъ, если радости земной
Сокроется очарованье,
И мнѣ безвременно судьбой
Таится въ будущемъ страданье!
О, молодость! умчи съ собой
О счастіи воспоминанье!

Въ 3 часа утра новаго года, пожелавъ хозяевамъ счастія, мы отправились домой; и мнѣ еще на маковомъ изголовьѣ сна грезился маскарадъ, но — уже не маски.

Ревель, 4 [redacted]

Вы спросите, друзья, въ письмѣ [redacted] я не пишу о городѣ; страшные [redacted] поэму Пушкина, [redacted] оной? Вдыхая [redacted] о горшкѣ, [redacted] хотите того [redacted]

выхожу изъ темной своей улицы (Dunkel-Strasse), и, горе вашему любопытству! Если мое терпѣніе будетъ ему равняться, я не нощажу ни одного угла, ни одного переулка, ни одного кориза.

Всѣ улицы Ревельскія не прямы и такъ узки, что извощики обязаны ѣздить съ колокольчиками, дабы избѣжать встрѣчи. Любопытная и словоохотная кумушка черезъ нихъ легко можетъ видѣть все въ комнатѣ своей сосѣдки, счесть ея посуду и замѣтить даже къ кому изъ гостей она ласковѣе. Улицы кружатся, переплетаются, выходятъ другъ изъ друга, но ни одна другой ни одна самой себѣ не слѣдуетъ. Площадей только двѣ, и тѣ не велики, не правильны. Домы довольно высоки, съ пирамидальными кровлями (крытыми цвѣтно-муравленою черепицею), съ разбросанными въ шахматъ окнами и дверьми. Окна на улицу, очевидно, пробиты недавно, ибо въ военномъ городѣ, стѣсненномъ уже для меньшаго объема боевыхъ стѣнъ, опасно было въ случаѣ штурма подвергаться ярости осаждающихъ, открывая имъ дорогу въ домы. Купеческая разсчетливость докончивала то, что начала воинская осторожность: жилые покои всѣ обращены на дворы, а кладовыя на лицо домовъ, для удобности въ складкѣ товаровъ.

Фонари висятъ посреди улицъ, на веревкахъ; зеленая краска, железныя рѣшетки, и черныя съ бѣлыми полосы около всѣхъ рамъ придаютъ какой-то мрачный видъ городу. Часто въ самомъ Ревелѣ встрѣчаешь ворота съ стрѣльницами. Говорятъ, будто онѣ устроены были во время междоусобія гражданъ съ гарнизономъ Вышгородскаго замка, всегда занятаго чуждыми военными властями — и это несправедливо. Не междоусобія, которыхъ не было, но опасеніе приступа воздвигло оныя. Не зная нынѣшнихъ редюитовъ и ретраншаментовъ, тогда осажденные готовились въ сердцѣ города оспаривать каждый шагъ побѣдителю, и каждый шагъ выкупать цѣною крови.

Сначала пріѣзда моего сюда, увидя на улицахъ, на крыльцахъ, въ сѣняхъ, разсѣянный ельникъ, я ужаснулся смертности Ревельцевъ, воображая, что здѣсь, какъ и у насъ, это служитъ признакомъ похоронъ! — Ничего не бывало: ельникъ разсыпаютъ здѣсь для свѣжести воздуха и для чистоты.

Нѣкоторыя окружныя стѣны теперь уже въ самомъ городѣ. Онѣ всѣ, равно какъ и домы, сложены изъ вывѣтрившейся плиты, известняка, и мохъ лѣпится по трещинамъ ихъ. Готическія колокольни, почернѣвшія главы церквей, башенки, висящія на многихъ город-

ских зданіях, аркады ворот — все это нравится въ самой неправильности, изумляетъ самою странностію. Вотъ очень пріятное зданіе, называемое Шведскимъ рынкомъ. Вотъ ратуша Ревельская, гдѣ засѣдали нѣкогда богатые ратсгеры первой эпохи сего города: судили гражданъ, толковали о дѣлахъ могущей Ганзы, отправляли товары Новогородскіе за море, и на желѣзной перчаткѣ звенѣли серебромъ Нѣмецкимъ и Русскимъ. Но Архангельскъ подорвалъ Ревель; Англичане и Голландцы склонили на свою сторону вѣсы счастія и торговли его. Городъ не уменьшился, но богатство онаго насякло, наиболѣе теперь. Ратуша стоитъ по прежнему, но торговля сѣверная не течетъ уже черезъ нее въ Европу.

Во всемъ округѣ Ревельскомъ ходятъ пергаментныя, мелкія (не свыше рубля) марки, выпускаемыя сею ратушею. На счетъ этихъ денегъ очень остро сказалъ нѣкто ратсгеру, который хвалился, что клочки этой кожи, принося думѣ много пользы, не стоятъ ей почти ничего: — Я въ томъ увѣренъ, отвѣчалъ онъ: вамъ стоитъ только содрать кожу съ гражданъ, и деньги готовы.

Какая нужда мнѣ и вамъ, друзья мои, что въ Ревелѣ 1700 домовъ и близъ 12000 жителей; что въ немъ есть гимназія, разныя ма-

ловажныя фабрики, модные магазины? Есть ли тамъ древности, сохранились ли остатки прежнихъ укрѣпленій, бойницъ, церквей? говоритъ ли тамъ окрестности взору, а взоръ воображенію? Вотъ что хотите знать вы; вотъ о чемъ я буду бесѣдовать.

Лучшій видъ Ревеля отъ воротъ Систерфортскихъ; слѣва на отвѣсной скалѣ, надъ бездною, виситъ домъ графа Штейнбока, и печальный цвѣтъ подножія дѣлаетъ разительный контрастъ съ его бѣлизною. Далѣе, огромная стѣна замка Вышгородскаго дремлетъ на превысокихъ утесахъ; на ней смѣлыя башни, видъ полуразвалившіяся, поросшія дикими растеніями, возвышаютъ зубчатыя главы свои, запечатлѣнныя непогодами шести вѣковъ. Отъ Морскихъ воротъ картина оживляется близостію моря, спицовыми валами плещущаго въ оледенѣлые берега; и лишь черные вороны, лишь жадныя чайки вьются надъ водою и пронзительнымъ крикомъ своимъ пробуждаютъ эхо развалинъ прибрежныхъ. Вдали — на синевѣ моря, подъ завѣсою дымныхъ тумановъ — висятъ, будто снѣжныя облака, острова: Наргенъ и Вульфъ. Въ гаванихъ, безоружные корабли; кругомъ бастіоны и башни. Екатерининталь * и всѣ форштаты Ревель-

* Екатерининталь лучшее гулянье Ревельцевъ, ли-

ские, облеченные пушистым одѣялом зимы, и все это смѣшение старины съ сущностію возбуждаетъ во мнѣ мысли Оссіановскія. Погруженный въ его думы подъ сими древними раскатами, я, внимая теченію вѣковъ давно минувшихъ, не замѣчаю полета настоящихъ минутъ.

Однако же, друзья мои, лѣнивый философъ нашъ взоромъ не одного воображенія измѣрялъ стѣны Ревельскія. Между тѣмъ какъ мечты увлекали сердце, любопытство искало историческихъ истинъ, народныхъ преданій, даже басенныхъ вымысловъ; память сохранила ихъ, а разумъ отличилъ ложное отъ бывалого. Снисхожденію вашему остается выслушать разсказъ мой — онъ будетъ не дологъ, потому что не лѣта, а важные случаи лѣтъ знаменуютъ исторію. Притомъ дѣло идетъ не о событіяхъ всей Ливоніи, а только Ревеля. Я начинаю:

томъ; тамъ живутъ они на дачахъ, и тамъ же пріѣзжіе берутъ морскія ванны.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Ревель, декабря, 1820 года.

Вальдемаръ II, король Даніи, государь столь же храбрый какъ и суевѣрный, горя желаніемъ омыть грѣхи буйной жизни своей кровію идолопоклонниковъ, далъ обѣщаніе обратить въ христіанство жителей Эстоніи; переплылъ моря съ отборною дружиною своихъ воиновъ, соединился съ Нѣмцами и Литвою*, поразилъ въ жестокомъ бою жителей поморья, и поработилъ ихъ власти своей. Въ тѣ време-

* Съ нимъ соединились (по Арндту) князь Литовскій Венцеславъ и епископъ Ордена. Вальдемаръ приплылъ въ Эстонію 1217 года; три года воевалъ съ Эстами съ перемѣннымъ счастіемъ, и послѣ одного самаго жаркаго дѣла учредилъ орденъ Даненброга, будто бы въ память знамени, упавшаго съ неба на

на феодализма, когда и законная власть ограждала себя рвами и башнями, какъ могли хищники-завоеватели, безъ каменныхъ твердынь страшить другихъ, не трепетавъ сами? Датчане знали это — и скоро подъ ихъ рукою воздвиглись укрѣпленія Ревельскаго замка, Нѣмцами Dom, а Русскими Вышгородомъ именуемаго, въ 1219 году отъ р. Х.

Едва успѣли Датчане укрѣпить городъ, сильное войско подступило къ стѣнамъ его: это были жители острова Эзеля. Четырнадцать дней стояли они подъ Ревелемъ, разводили огни великіе, и грозились сжечь и бойцевъ и бойницы. Датчане сдѣлали рѣшительную вылазку, бились долго и мужественно, поражали и падали; кровь струилась, число одолѣвало храбрость. Нечаянный случай превратилъ судьбу сраженія: вѣтрила четырехъ кораблей купеческихъ забѣлѣлись на горизонтѣ, и Эзельцы, увидя ихъ, вообразили, что Вальдемаръ везетъ войско для спасенія Ревеля, обратились въ бѣгство, въ безпорядкѣ метались на ладьи свои, и поспѣшно уплыли на Эзель. Датчане перевѣшали старѣйшинъ округовъ Іервена и Аллентакена за то, что они помогали врагамъ совѣтами и оружіемъ, а Эстонцевъ обложили тройною, противу прежняго, поголовною податью (въ 1219).

Русскіе, которые Ливонію давно считали своею областію, посылали въ нее звѣроловцевъ, имѣли на Двинѣ крѣпостцу (Кукейносъ), и брали дань съ жителей, съ самихъ рыцарей Германскихъ, тамъ поселившихся*, весьма уди-

*Бурею занесенные Нѣмцы на приморскій берегъ Двины проложили рыцарямъ путь въ Ливонію, такъ названную по имени Ливовъ (Ливь), при Двинскомъ устьѣ обитавшихъ. Крестовые походы и миссіи воспламеняли тогда всѣ умы, занимали всѣ силы Европы: священникъ Августинскаго Ордена Мейнгардъ, испросивъ у Владиміра позволеніе, первый проповѣдалъ въ Ливоніи Слово Божіе въ 1184 году, крестилъ многихъ Леттовъ и Ливовъ и построилъ первую церковь въ Икекулѣ (Икескола) или, какъ говорятъ другіе, въ Кирхольмѣ. Новообращенные идолопоклонники скоро отреклись отъ христіанства и грозили сжечь или утопить проповѣдниковъ, прибывшихъ изъ Бремена. Папа Целестинъ III объявилъ отпущеніе грѣховъ, наравнѣ съ Палестинскими рыцарями, тѣмъ, кто захочетъ ополчиться для наказанія Ливонскихъ отступниковъ, и въ 1198 году миссіонеръ Бертольдъ съ войскомъ Нѣмецкимъ приплылъ въ Двину, хотѣлъ проповѣдывать спасеніе; но былъ скоро убитъ въ сраженіи противу Ливовъ. Остальные товарищи его погибли измѣною коварныхъ враговъ. Ревность къ Вѣрѣ не умалилась неудачами. Въ томъ же году епископъ Бременскій Альбертъ Букгевденъ, съ шестью стами Крестоносцевъ, явился на берегахъ Двины, построилъ въ 1200 году Ригу, создалъ многія церкви, укрѣпилъ свои завоеванія крѣпостями и замками, одинъ словомъ, между тысячами опасностей, въ безпрестанной

вились нежданному господству Датскому. Въ 1223 году Ярославъ, князь Новогородскій, явился со многочисленною ратью подъ стѣнами юнаго Ревеля: четыре недѣли облежалъ городъ, металъ стрѣлы и каменья; но, вѣроятно, имѣя недостатокъ въ стѣнобитныхъ орудіяхъ, не могъ взять его, и безъ успѣха возвратился домой, съ плѣнниками, съ золотомъ, награбленнымъ въ окрестностяхъ. Жители Эстоніи соединялись съ нимъ во время осады, и ревностно, хотя тщетно, помогали Русскимъ.

борьбѣ съ эгоизмомъ своихъ и варварствомъ покоренныхъ, основалъ сильную республику Ливонскую и Орденъ меченосцевъ, или братьевъ Креста Господня. Папа Иннокентій III далъ симъ духовнымъ рыцарямъ статутъ Тампліеровъ; но Орденъ существовалъ только 34 года. Неудачи его въ дѣлахъ съ Литвою и Эстонцами принудили магистра Волькинна просить гроссмейстера Тевтонскаго Ордена, славнаго Германа Зальца, о присоединеніи меченосцевъ къ рыцарямъ Тевтонскимъ. Совершенное разбитіе Волькинна въ 1237 году, Рингольдомъ, княземъ Литовскимъ, гдѣ онъ потерялъ жизнь съ 200 своихъ, ускорило рѣшеніемъ дѣла, и Папа Григорій IX благословилъ соединеніе Орденовъ: — вотъ какимъ образомъ пришли рыцари Нѣмецкіе и завладѣли всею Ливоніею. Летты или Латыши и Липы много способствовали Нѣмцамъ въ покореніи земляковъ своихъ; особенно храбрый прозелитъ Кобо или Копо (владѣтель Коббесели), отъ котораго ведутъ свое начало фамиліи Ливеновъ и Кошкулей, отличился ревностью къ Вѣрѣ.

Въ 1238 году, купцы Любека и Бремена, привлеченные молвою и надеждою корысти къ Ревелю, испросили у Вальдемара II позволеніе селиться близъ укрѣпленій замка, и, обогащенные выгодами, остались тамъ навсегда. Скоро новый городъ слился стѣнами съ старымъ въ одну окружность, а выгодное мѣстное положеніе онаго, въ торговомъ отношеніи ко всей сѣверной Европѣ, возвело Ревель на степень именитыхъ городовъ Ганзейскихъ*.

Между тѣмъ Орденъ, изъ гостя Ливоніи становился ея властелиномъ; еще звался данникомъ Россіи — и бралъ дань съ оброчниковъ Русскихъ; клялся великимъ князьямъ — и грабилъ ихъ области, обижалъ промышленниковъ на Чудскомъ озерѣ, на Наровѣ, купцовъ нашихъ въ своихъ городахъ. Недовольный покореніемъ идолопоклонниковъ, онъ отторгалъ и христіанскія земли. Въ 1223 году, пользуясь несчастіемъ своего сподвижника Вальдемара, заключеннаго графомъ Швериномъ, за обольщеніе его жены, въ замкѣ Данебергскомъ, епископы и рыцари захватили самый Ревель. Но, при соединеніи Меченосцевъ къ

* Настоящая эпоха вступленія Ревеля въ число Ганзейскихъ городовъ не опредѣлена. Однако въ 1284 году о немъ упоминается уже какъ о городѣ Ганзейска-

Ордену Тевтоническому (въ 1237 году) папа непремѣнно и справедливо требовалъ отъ нихъ, чтобы Вальдемару возвращены были прежнія владѣнія. Невольно и съ сожалѣніемъ отдали ему рыцари Везенбергъ, Нарву(?) и Ревель, значительно ими укрѣпленный; и воспламененные перунами Ватикана, противу Русскихъ обратили свое оружіе. Наконецъ и Юрьевъ (нынѣшній Дерптъ) палъ въ руки Крестоносцевъ Ливонскихъ (въ 1224 году). Мужественный князь Вячко, защищаясь въ немъ противу двадцати-тысячной Альбертовой арміи, съ горстью обреченцевъ смерти, палъ какъ Леонидъ. Одинъ только боярин Суздальскій спасся изо всей дружины его, чтобы возвѣстить Новугороду и потомству о геройскомъ подвигѣ.

Русскіе мстили огнемъ и мечемъ Ордену: посадникъ Симеонъ разбилъ Нѣмецкаго воеводу Трупду; князь Литовскій Давидъ (иначе кастелянъ Гарденскій), предводя Псковитянами, разорилъ Эстонію до самаго Ревеля (1323 года). Но и Меченосцы зломъ платили за зло, выжигая окрестности Изборска и Пскова.

Въ 1243 году Эстонцы, раздраженные угнетеніями новыхъ своихъ владѣльцевъ, подняли знамя свободы, мстительное желѣзо ихъ обагрилось кровью Нѣмецкою. Около двухъ ты-

сячъ дворянъ и рыцарей заплатили головами за жестокость свою. Замки пылали, осада грозила Ревелю, и Датчане принуждены были просить помощи Орденской. Гермейстръ Бернгардъ фонъ Дрейлевенъ повелъ войско, сильное числомъ, местью и оружіемъ, противу инсургентовъ. Эстонцы рѣшились умереть съ мечемъ въ рукѣ — и легли всѣ до одного, неподалеку отъ Ревеля. Ихъ было 10,000. Совершенное рабство всѣхъ Ливонцевъ было слѣдствіемъ сего благороднаго поступка, достойнаго Спарты и Гельвеціи.

Въ это время вся Эстонія наводнилась властію Ордена; Ревель все еще принадлежалъ Датчанамъ. Наконецъ Вальдемаръ III, тѣснимый Шведами, расхищаемый рыцарями, увидѣлъ невозможность сохранить желѣзомъ область, которую желѣзомъ пріобрѣли его дѣды — и рѣшился промѣнять оную на золото. Нѣмцы, купивъ Эстонію вмѣстѣ съ Ревелемъ за 19,000 марокъ (въ 1346 году), поселились въ его окрестностяхъ и смѣшались съ земляками своими, обитателями города; настроили крѣпкихъ замковъ; рѣзались, мирились, торговали съ Русскими. Часто мирныя ладьи рыцарскія посили страхъ грабежа на берега Невы и Волхова; но часто бранные шлемы ихъ обращались въ вѣсовыя чашки — и ратовищемъ

копья измѣрялись ткани привозныя, ибо разбой на водѣ и на сухомъ пути заставлялъ самыхъ купцовъ облекаться въ панцыри, а безданная торговля и береговое право заманивали въ торговлю дворянъ и рыцарей.

Однако удалые наѣздники Русскіе не давали ржавѣть мечамъ Крестоносцевъ: какъ снѣгъ, налетали они отъ Ладоги, Пскова, Новагорода на поля Эстоніи; жгли и палили все, что имѣло видъ существованія; истребляли замки, брали города, и, съ награбленнымъ добромъ, увлекая стада и рои плѣнниковъ, исчезали, какъ губительная молнія. Ливонія долго будетъ помнить щитъ-истребитель* князей Булгака и Оболенскаго, Щени и Пенко, Глинскаго, Мстиславскаго, Серебрянаго, Шигъ-Алея. Напрасно заключались мирные договоры; наслѣдная вражда тлѣла подъ дружелюбными хартіями, вдругъ вспыхивала и разливала пламя войны, не всегда счастливой для Россіи, всегда вредной для Ордена. Нѣмцы видѣли въ Русскихъ опасныхъ враговъ; Русскіе въ Ливонской республикѣ имѣли безпокойнаго сосѣда, который, страшась даже просвѣщенія Россіи, не допускалъ въ нее иноземныхъ художниковъ и ученыхъ, князьями и царями выписываемыхъ.

* Взять на щитъ — значило тогда разграбить въ конецъ.

Наконецъ отдохнула Ливонія подъ властію мудраго Плеттенберга. Имя его ограждало рыцарскія границы отъ впаденія Русскихъ, которые не забыли еще битвы при Могольмѣ (въ 1501 году). Но самъ Орденъ примѣтно ослабѣвалъ, утверждаясь не въ доблестяхъ, а въ разратѣ. Альбрехтъ Бранденбургскій, магистръ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи, принужденный уступить земли онаго Сигизмунду I, разрушеніемъ своего, основалъ Ливонскій (въ 1520 году). Введеніе Лютерова исповѣданія, принесеннаго Андреемъ Кнепкеномъ и Сильвестромъ Тегельмейстеромъ въ Ригу (въ 1552 году), разсѣяло еще большія несогласія. Граждане Ревеля скоро послѣдовали примѣру Рижцевъ — и Лютеранизмъ вдругъ обнялъ всю Эстонію. Конечно, не философія и не просвѣщеніе помогли ему, но алчность католическихъ епископовъ и равнодушіе вышнихъ классовъ къ вѣрѣ. О простомъ народѣ не думали. Онъ съ равнымъ безчувствіемъ слушалъ и Латинскія обѣдни и Нѣмецкія проповѣди, и еще долгое время едва-ли треть Эстоніи имѣла церкви, едва-ли треть церквей, пасторовъ. Дворянство Ливонское, составлявшее прежде только преимущественный (allodial) классъ подданныхъ (sujet, fief et vassal) Ордена, сему политическому переперотву обязано своимъ независимымъ существованіемъ.

Черезъ покупку (на время) у гермейстеровъ и епископовъ земель, или пріобрѣтеніемъ опыхъ закладами отъ рыцарей, арендами отъ Ордена, мало по малу входили они въ право наслѣдственныхъ владѣльцевъ; гроссмейстеръ Юнгингенъ (въ 1397) и нѣкоторые епископы, въ особенности Сильвестръ (въ 1457 году) расширили права дворянства позволеніемъ наслѣдовать и передавать наслѣдіе до 5 колѣна обоихъ половъ. По разрушеніи епископствъ, возрасли имѣнія и права дворянъ. Послѣ реформаціи явились они въ видѣ Коннаго Сословія (Corpus equestre), составляющаго уже часть республики. Наконецъ Сигисмундъ скрѣпилъ законнымъ позволеніемъ все то, что дворянство захватило случайностію. Въ эту же эпоху вассалы обратились въ крѣпостныхъ рабовъ владѣльцевъ своихъ, которые желѣзной рукой держали власть самоуправства на землѣ и на водахъ (zu Lande und zu Wasser), какъ писались они.

Орденъ, ревностно покровительствуя Лютерову исповѣданію, не перемѣнилъ однако же религіи. Кажется, въ забвеніи обрядовъ Католическихъ состояла вся ихъ приверженность къ вѣрѣ новой; и ни одинъ историкъ не счелъ за важное утомлять, когда рыцари обратились въ Лютеранство.

Между тѣмъ Грозный Іоаннъ, сокрушитель

Ордена, уже царствовалъ, уже собиралъ отторженныя пришельцами области — и неплатежъ дани, извѣстной у Нѣмцевъ подъ именемъ Claubens-Zins, подалъ случай къ новымъ боямъ съ рыцарями. Годъ 1558 былъ свѣтникомъ ихъ паденія: двадцать городовъ Ливонскихъ пали въ прахъ передъ воеводами Русскими, и побѣдный мечъ ихъ сверкалъ болѣе пяти разъ въ окружностяхъ Дерпта, Риги, Ревеля*. Подъ самыми стѣнами сего послѣдняго Михаилъ Репнинъ и Дмитрій Курлятевъ сняли крестоносные эскадроны, а въ 1560 году князья Курбскій и Адашевъ сожгли замокъ Фегфейеръ, принадлежавшій епископу Ревельскому. Юный Кетлеръ, послѣдній гермейстеръ дряхлѣющаго Ордена, не могъ своею дерзостію вдохнуть ему новыхъ силъ, и, видя Русскихъ владѣтелями Дерпта, Феллина, Везенберга, испытавъ свое бессиліе подъ Ланеомъ и въ битвѣ Эрмесской (въ 1560), не имѣлъ довольно твердости духа, чтобъ подражать предмѣстнику своему Фюрстенбергу, умершему и въ цѣпяхъ незапятнанымъ**; искалъ помощи у Си-

---

* Старѣйшины Ордена изумились, услышавъ, что Русскіе вторглись въ Ливонію; они праздновали въ это время на свадьбѣ какого-то Ревельскаго командора.

** Гермейстеръ Фюрстенбергъ не согласился на предложеніе Грознаго: отказаться отъ достоинства Ор-

гисмунда, и постыдно прожёпялъ мантію гермейстера на жезлъ герцогства Курляндскаго и Семигальскаго, отдавъ Полякамъ Ригу. Гордость рыцарей пробудилась для униженія: со слезами сложили они почетные знаки духовнаго своего Ордена, а самъ Орденъ прежде столь знаменитый, исчезъ какъ грозное привидѣніе.

Это произошло два года спустя послѣ конца власти рыцарской въ Ревелѣ. Сей городъ, забытый, оставленный гермейстеромъ, не однажды просилъ у него помощи, для сопротивленія Русскимъ, и не получалъ, ибо не могъ получить ея. Примѣръ Антона Тиля, бургомистра Дерптскаго, Минина Крестоносцевъ *, не возбудилъ соревнованія въ закаленныхъ своекорыстіемъ сердцахъ его собратій. Въ 1561 году Ревельцы въ послѣдній разъ извѣстили Орденъ о своей опасности — и поддались Шведамъ при королѣ Эрикѣ XIV.

денскаго, за полученіе власти герцогской, но подъ покровительствомъ Русской Короны, и умеръ въ Москвѣ, въ заточеніи.

* Когда князь Шуйскій въ 1558 году осаждалъ Дерптъ, сей достойный гражданинъ предлагалъ все, что онъ имѣлъ, для спасенія города, говорилъ и дрался какъ патріотъ; но это уже было поздно. Ни золото, ни храбрость не помогли рыцарямъ. Городъ сдал-

Въ 1571 году Ревель, защищаемый Шведами, упорно противился соединеннымъ силамъ Грознаго и Магнуса, минутнаго царя небывалаго царства Ливонскаго *. Русскіе повели насыпи, прикатили деревянныя башни, громили городъ изъ великанскихъ пушекъ своихъ; но духъ осажденныхъ не упалъ вмѣстѣ со стѣнами; море доставляло имъ помощь и убѣжище. Ревель держался. Скоро хлынули дожди осенніе, взвилась зима надъ головой, приспѣли морозы; а нетерпѣливые ратники тѣхъ временъ не любили воевать съ снѣгами, съ вьюгами и надъ кампями пытать саблей своихъ. Войско роптало. Каленыя ядра и льстивыя обѣщанія повѣренныхъ Магнуса: измѣнниковъ Крузе и Таубе, оставались тщены. Іоаннъ из-

* Герцогъ Магнусъ Голштинскій, сынъ Датскаго короля Христіерна III, промѣнялъ брату своему, Фридриху II, часть герцогства Шлезвигскаго, ему въ наслѣдство доставшуюся, на епископства Эзельское и Пильтенское (что въ Эстоніи), купленныя Фридрихомъ въ 1559 году отъ епископа Мюнгаузена, который не имѣлъ никакого права ихъ продать. Епископъ Морицъ Врангель послѣдовалъ сему постыдному примѣру, и вотъ причины, по которымъ Магнусъ имѣлъ притязаніе на часть Эстоніи. Іоаннъ Грозный, женивъ его на одной изъ своихъ родственницъ, объявилъ царемъ всей Ливоніи, потомъ заточилъ въ темницу, и цѣлый вѣкъ свой Магнусъ былъ игралищемъ судьбы и деспотовъ

вѣрился; смерть казалась свободнымъ гражданахъ краше подданства царю грозному, и воеводы Московскіе, боярин Яковлевъ, князья Кропоткинъ и Лыковъ не могли, ибо не умѣли, взять города; только буйствовали въ окрестностяхъ, взорвали монастырь св. Бригитты, и сняли осаду. Магнусъ со стыдомъ ушелъ въ Оберпаленъ; Русскіе двинулись на югъ Ливоніи не безъ добычи; но безъ славы.

Скоро новая гроза грянула надъ Ревелемъ. Въ бурную зиму 1557 года, пятидесяти-тысячное войско Іоанново облегло городъ. Въ концѣ января открылся огонь съ баттарей осадныхъ, и домы Ревельскіе запылали, твердыни рушились. Но воеводы (князья: Мстиславскій, Ростовскій, Шереметевъ), считаясь въ старшинствѣ, безъ пользы теряли людей въ окопахъ отъ стужи, въ полѣ отъ вылазокъ непріятельскихъ, и не отважились ни на что рѣшительное. Шереметевъ (Иванъ) обѣщалъ взять городъ или умереть, и сложилъ голову, не взявъ онаго. Между тѣмъ Ревельцы были въ крайности: ждали помощи съ моря и видѣли одни трупы союзниковъ; но вихри и мятели, отнимая надежду у нихъ, отнимали смѣлость и у Русскихъ. Горнъ (комендантъ города) вѣдалъ, что вожди Грознаго ненавидятъ другъ друга, а войска имъ не вѣрятъ — и

отвергалъ предложенія сдачи. Россіяне удалились.

Счастіе привлекаетъ друзей, неудачи множатъ непріятелей. Шенкенбергъ, прозванный Аннбаломъ, сынъ Ревельскаго ремесленника, предводя толпами крестьянъ, преслѣдовалъ шестинедѣльною осадою утомленныхъ Россіянъ, даже отнималъ города, бралъ наши замки, мучилъ, терзалъ плѣнниковъ. Онъ кончилъ жизнь на Псковской висѣлицѣ; но въ тѣ времена и герои, спасители отечества, гибли на плахѣ.

Въ 1590 году, Іоаннъ III, король Шведскій, воюя несчастливо противу царя Осодора, потерялъ въ одномъ Ревелѣ 6000 человѣкъ, отъ холода и болѣзней.

По смерти Баторія, Сигизмундъ III, избранный вдругъ на престолъ Литвы и Швеціи, принялъ сначала скипетръ Польши, съ обѣщаніемъ присовокупить къ ней Эстонію и съ Ревелемъ. Карлъ, герцогъ Зюйдерманландскій, регентъ королевства, сорвалъ съ него корону, которую хотѣлъ онъ раздробить, и самъ облекся въ порфиру Швеціи, подъ именемъ Карла IX. Въ 1600 году онъ высадилъ въ Ревель противу Сигизмунда 9000 воиновъ, завоевалъ всю Лифлянд; но въ 1605 году, разбитый Ходкевичемъ подъ высотами Кирх-

гольма, уже спѣшилъ черезъ Ревель въ Стокгольмъ. Въ этомъ сраженіи Карлъ обязанъ былъ спасеніемъ жизни Ливонскому дворянину Генриху Вреде, который отдавъ ему лошадь свою, былъ изрубленъ Поляками.

Полтора вѣка владѣли Шведы симъ древнимъ наслѣдіемъ Россіи. Эстоніею, какъ воротами, вторгались они въ сердце нашего отечества, проникали за Новгородъ, и мечемъ пожинали то, что забылъ истребить огонь Польскій. Но времена переходчивы! Россіяне, предводимые преобразовательнымъ духомъ Петра, ударами Шведовъ научились поражать ихъ самихъ, и скоро втоптали прежнихъ своихъ побѣдителей въ ущелья Финляндіи. Нарва пала; Рига склонилась къ стопамъ Исполина-Царя — и власть Русскихъ, подобно морю, обтекла кругомъ Ревеля: онъ стоялъ крѣпко. Коммендантомъ города былъ тогда неколебимый Паткуль, братъ Паткуля, знаменитаго своими бѣдствіями. Тщетно надвигались съ моря и съ суши силы Русскія, напрасно грозили батареи разрушеніемъ — онъ спокойно смотрѣлъ на встающіе раскаты предъ бастіонами своими — и готовился къ отчаянной оборонѣ, какой Кошкаровъ въ Лансѣ и Икскуль фонъ Паденормъ въ Нейгаузенѣ дали ему сла-

вные примѣры*. Къ несчастію, въ городѣ, отъ множества окрестныхъ жителей, туда сокрывшихся, оказалась язва; недостатокъ воды довершилъ бѣдствіе: Русскіе отвели ее въ сторону, переконавъ древній каменный водопроводъ, напояющій изъ такъ называемаго бумажнаго озера (собственно Ober-See) весь городъ. Ропотъ разлился въ народѣ и гарнизонѣ; Паткуль видѣлъ это, терпѣлъ самъ — и не сдавался. Но силы гражданъ истощились, жажда физическая превозмогла жажду славы, и всѣ бургомистры, ратсгеры, старѣйшины Ревельскіе, не смотря на коммендаита, послали депутацію къ побѣдителю, и отдали ему ключи города въ замѣну ключей водныхъ. Капитуляція конфирмована была Великимъ Петромъ 29 сентября 1710 года — и подполковникъ Зотовъ** смѣнилъ храбраго Паткуля.

---

* Стрѣлецкій голова Кошкаровъ въ 1560 году, съ двумя сотнями Русскихъ, заставилъ бѣжать войско Готарда Кетлера, осаждавшее Лаисъ; а Икскуль въ 1558 году, съ 400 воиновъ, около мѣсяца противился Русскимъ, и во время штурма хотѣлъ умереть на послѣднемъ камнѣ разбитаго города. «Нѣмцы сидѣли на смерть,» пишетъ нашъ лѣтописецъ; но Русскіе, уважая храбрость, выпустили остальныхъ съ честію.

** Сынъ перваго учителя Великаго Петра.

Съ тѣхъ поръ Эстонія наслаждается непарушимымъ спокойствіемъ, и Ревель не видалъ дыму враженаго на полихъ окружныхъ. Только въ 1790 году Шведскій флотъ, состоявшій изъ 23 кораблей и 8 фрегатовъ, явился подъ пушками дальнихъ баттарей Ревельскихъ, въ намѣреніи взять городъ; но адмиралъ Чичаговъ нажидалъ его съ 10 кораблями, сражался три часа, удачно отразилъ напоръ авангарда, и Шведы вдругъ обротились назадъ, страшась чтобы перемѣняющійся вѣтеръ не заперъ имъ выходу.

Полторы тысячи убитыми и два корабля, изъ коихъ одинъ сожженъ, а другой взятъ въ плѣнъ, составляли уронъ Шведовъ; они столь увѣрены были въ успѣхѣ своего предпріятія, что заготовили пригласительные билеты на ужинъ, который предполагали дать въ Екатеринеталѣ*.

На вопросъ о правахъ жителей Ревельскихъ въ особенности, лѣтопись Ливоніи безотвѣтна.

---

* Капитанъ плѣннаго корабля, называемаго принцъ Карлъ, ужиная въ день сраженія у адмирала Чичаго-

Впрочемъ, описаніе домашней жизни обитателей Вендена (столицы гермейстеровъ), Дерпта и Риги можетъ намъ вѣрно показать ихъ обычаи. Сначала смиреніе и бѣдность были девизомъ Крестоносцевъ Ливонскихъ, но въ послѣдствіи они оставили ихъ вассаламъ своимъ. Прохѣняли полотно и замшу рыцарскихъ одеждъ сперва на камлотъ, потомъ на сукно, наконецъ на бархатъ*. Украсили женъ своихъ перлами и дорогими алмазами, а сами охотнѣе наряжались въ золотыя цѣпи, нежели въ стальный кирасъ. Роскошь взошла до неимовѣрной степени. Фохтъ Вейсенштейна, фонъ-Тулень, носилъ на шеѣ цѣпочку въ 21 фунтъ изъ чистаго золота. Одинъ командоръ

да, сказалъ ему: «Мы ошиблись въ расчетѣ: думали угощать васъ, и нечаянно попали къ вамъ въ гости.»

На это была воля великаго хозяина міра — былъ отвѣтъ адмирала.

* Мантіи рыцарскія, по статуту были бѣлыя, съ чернымъ на лѣвой сторонѣ крестомъ. Но въ XV вѣкѣ черный цвѣтъ сталъ парадными; тогда же вошли въ моду и штибель-маништы и фишбейны. Дамы носили лѣховыя шапки, косынки и передники, унизанные жемчугами, штофныя и глазетовыя платья. На головѣ, на шеѣ, на рукахъ — кольцы, монисты и ожерелья безъ всякаго вкуса. Плеттенбергъ, желая ограничить роскошь, опредѣлилъ расходы и одежду всякаго по состоянію; но это не помогло.

Ревельскій не иначе проѣзжалъ по городу, какъ съ тремя конными, богатоубранными трубачами, возвѣщавшими его поѣздъ, и головной уборъ дѣвицы Тизенгаузенъ, невѣсты какого-то Рингенскаго помѣщика, цѣнился во сто тысячъ рейхсталеровъ. Со всѣмъ тѣмъ Ливонія, знаменитая въ отношеніяхъ торговомъ и военномъ, не была таковою въ просвѣщеніи. Блескъ золотыхъ парчей и сіяніе роскоши не освѣтили умомъ рыцарей, дворянъ и духовныхъ, погрязшихъ въ грубомъ невѣжествѣ. Они расточались на лошадей, соколовъ, собакъ, и даже въ церковь ходили съ сими послѣдними. Повѣсивъ мечъ и крестъ на стѣну, рыцари съ кружками въ рукахъ подвизались на поприщѣ разврата, и напрасно въ заморскихъ винахъ искали мужества предковъ своихъ. Буйствомъ встрѣчали дни, въ питьѣ провождали ночи. Шахматы, кости, шашки и родъ биліарда, Pilken-Tafel называемаго, были ихъ занятіемъ; чудесныя пляски и фигляры ихъ увеселеніемъ. Каждыя крестины, каждая свадьба подавали новыя причины къ пирамъ, и со всѣхъ концовъ стекались на оные дворянство и рыцарство. Встрѣчали далеко за городомъ невѣсту, которая едва передвигалась, задавленная множествомъ тяжелыхъ украшеній, и на богатоубранныхъ коняхъ скакали

кругомъ колесницы ея. Ломились столы отъ серебряной посуды, въ ожиданіи гостей, которые уже готовились состязаться на поприщѣ пресыщенія. Кельхъ сохранилъ намъ описаніе одного постнаго обѣда, Ревельскимъ епископомъ на турнирѣ даннаго: оный состоялъ изъ 50 различныхъ блюдъ. Тогда братья Ордена забыли уже предковъ своихъ, которые одними плодами земли угощали епископовъ!

По роду жизни дворянъ и рыцарей можно судить о развратѣ ихъ нравовъ. Безнаказанность преступленія произвела торжество порока. Не стало узъ священныхъ: одни желанія обратились въ законы. Рыцари бросали женъ своихъ и брали многихъ наложницъ — позабывъ и честь и вѣру; а гдѣ онѣ безъ уваженія тамъ всѣ страсти безъ узды. Въ 15 вѣкѣ нѣкто Тизенгаузенъ утопилъ въ мѣшкѣ сестру свою за то, что она желала вступить въ бракъ съ его секретаремъ!

Мѣщане, купцы и всѣ граждане Ревеля, въ подражаніе высшимъ классамъ, едва ли не превосходили своихъ учителей; цѣнтующая Ганза доставляла имъ средства для роскоши, а примѣръ дворянъ поспѣшествовалъ ее. Вѣчные праздники царствовали въ городахъ и замкахъ, вѣчныя слезы въ деревняхъ. — Эстонія была

тогда земнымъ раемъ! восклицаетъ Люденій. Конечно, онъ не былъ вассаломъ. Вся тягота налоговъ, работъ и войны падала на бѣдныхъ обитателей Эстоніи, коихъ владѣльцы мучили изъ прихотей?

Первая п[illegible]реждена была на Вышгородѣ [illegible]мъ Эрикомъ VIII, еще въ 131[illegible]е препятствовало большей ч[illegible]евельскихъ быть безграмотны[illegible]бительный у дворянъ, былъ такъ называемый Plattdeutsch. Дипломатическія бумаги до XVI вѣка писались всѣ по-Латыни; но съ 1511 года по-Нѣмецки, нарѣчіемъ, какимъ писалъ Рюссовъ. Ревель не произвелъ ни одного поэта; да и во всей Ливоніи, исключая хрониковъ, до XVIII вѣка совсѣмъ не было писателей.

Эстонское нарѣчіе Ревельскаго округа считается самымъ правильнымъ и чистымъ.

Ревель былъ командорствомъ Ордена; въ немъ всегда жили: одинъ командоръ и одинъ епископъ; послѣдній сверхъ сего имѣлъ во владѣніи замки Фегфейеръ и Борхгольмъ.

ма давняго времени. Эту привиллегію ему пожаловала Датская королева Маргарита Самбирія, съ приказаніемъ дѣлать монеты съ ушками, въ 1266 году.

Наконецъ замѣтимъ, что жители Ревельскіе, переходя изъ-подъ одной власти подъ другую, не переставали быть вольными, сохранили свой отличительный характеръ честности въ политическомъ быту, Любекскіе законы въ гражданскомъ судопроизводствѣ, и всегда своимъ согласіемъ скрѣпляли договоры, начертанные рукою побѣдителя или необходимости.

Вотъ и вся достопамятная хроника столицы Эстонской! Она, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ мѣсто въ лѣтописяхъ нашего отечества, ибо имѣла сильное вліяніе на судьбу сѣверныхъ ея областей. Притомъ столь близкое сосѣдство наше съ рыцарями креста и меча, съ сими дворянами Божіими, какъ звали ихъ Русскіе, дастъ ей какую-то особенную привлекательность, какой-то романическій характеръ, можетъ статься слишкомъ бѣдный для ума, но еще роскошный для воображенія. Сіи башни,

лелѣянныя вѣками, сіи бойницы, поросшія мохомъ древности, сіи развалины замковъ рыцарскихъ, вблизи и вдалекѣ отъ Ревеля разбросанныхъ — невольно погружаютъ въ думу; вѣка, давно протекшіе, мелькаютъ въ туманахъ воспоминанія, и съ ними вьется въ душѣ грустное предчувствіе будущаго.

Нынѣ безпрестанныя вьюги и бездонные снѣга помѣшали мнѣ осмотрѣть окрестныя развалины. Значущихъ нѣтъ ближе 50 верстъ. Прочія уступили свое мѣсто новымъ дачамъ. Но невольѣ до будущаго лѣта усмирилъ я кипящее любопытство свое, а тогда, если возможно будетъ, друзья мои, возвращеніе мое въ Ревель, я опишу вамъ остатки гордаго замка Везенберга, Падисъ-Клостера, Борхгольма, Фегфейера и другихъ. По названію сего послѣдняго (Fegfeuer) чистилищемъ, вы можете догадаться, что онъ принадлежалъ епископамъ, которые, соединивъ въ себѣ власть воинскую и духовную, владѣли умами безправными, для земныхъ выгодъ преграждали небо, и золотомъ разрѣшали узлы преступной совѣсти. Но скоро могущество ихъ, ослабленное примѣрами ихъ жизни, упало; споръ за преимущества, за одежду, дѣлежъ берегового права и захватываніе чужихъ земель, производили частыя ссоры между епископами и рыца-

рями, и случалось, что раздраженные братья Ордена осаждали ихъ замки; осыпаемые градомъ камней и проклятій, взбирались на гребни стѣнъ, и тогда все падало подъ сокрушительнымъ ихъ оружіемъ, все исчезало подъ пламенемъ мести. Бывали не разъ безуспѣшны предпріятія рыцарей; и не разъ случалось имъ, возвращаясь къ замкамъ своимъ, находить оные въ пеплѣ отъ факеловъ епископскихъ.

Въ четырехъ верстахъ отъ Ревеля по Нарвской дорогѣ, возвышаются развалины монастыря Св. Бригитты, Эрикомъ V построеннаго. Одна башня и нѣсколько стѣнъ пережили разрушеніе прочихъ. Подъ полурухнувшіе своды грозятъ любопытному страннику; тлѣніе сѣетъ на нихъ кудрявые мхи. Сказываютъ, что подземный* ходъ простирался отъ сего мужскаго монастыря въ монастырь женскій, среди Нижгорода существовавшій. Не ручаюсь за это преданіе; но за вѣрное выдаю, что подземелья сіи существовали, ибо выходы оныхъ не обрушены до сихъ поръ;

* Другой монастырь, котораго остатки видны въ Ревелѣ, построенъ во имя Св. Михаила, за 20 лѣтъ до заложенія города Эрикомъ II, королемъ Датскимъ. Коцебу написалъ довольно забавный романъ о упомянутомъ подземномъ ходѣ.

запоздалый суевѣръ, олицетворяя воображеніемъ старинныя сказки, мнитъ видѣть тамъ блуждающія привидѣнія, и спѣшитъ мимо, слѣдимый собственною боязнію. Воинство Грозпаго осаждая Ревель, взорвало сей монастырь и съ тѣхъ поръ опрокинутыя стѣны его лежатъ въ запылявшихъ рвахъ на память Католицизма и посѣщенія Русскихъ; съ тѣхъ поръ (какъ говоритъ юный поэтъ нашъ)*:

Не смѣла времени коснуться къ нимъ рука,
И возлегли на нихъ усталые вѣка.

По дорогѣ къ Перпау, не вдалекѣ отъ города, склоняются къ землѣ: огромный деревянный крестъ и два небольшихъ каменныхъ, поставленные въ воспоминаніе нѣсколькихъ Шварцен-Гейтеровъ, убитыхъ на этомъ мѣстѣ въ стычкѣ съ Русскими наѣздниками (въ 1515 году). Нѣмцы говорятъ, что они остались побѣдителями, и я вѣрю; однако же, видно, это было для нихъ большою рѣдкостію, потому что въ залѣ Черноголовыхъ братьевъ есть картина, представляющая въ разныхъ видахъ столь ничтожное дѣло.

Теперь обратимся къ самому Ревелю. — А что значитъ слово Ревель? восклицаете вы; откуда взялось оно? почему и когда обратилось въ прозваніе города? Признаюсь, друзья мои, на эти вопросы врядъ ли самые старожилы Ревельскіе могутъ отвѣчать съ увѣренностію. Правда, многіе антикваріи утверждаютъ, будто имя Reval происходитъ отъ сокращенія словъ Regenfall, т. е. паденія дождя; но какъ сей феноменъ тамъ очень не рѣдокъ, то и весьма трудно предположить, будто бы дождь былъ девизомъ первыхъ строителей сего города; и только подъ этимологическимъ молоткомъ г-дъ корнепокателей могло оно звучать подобнымъ образомъ. Другое преданіе, болѣе общее, но едва ли болѣе справедливое, говоритъ, что Вальдемаръ II, преслѣдуя дикую козу, попалъ въ нее стрѣлу; она сверглась съ утеса, на которомъ стоитъ теперь замокъ, и что король, въ память сего случая, назвалъ будущій городъ Ревелемъ, отъ слова Rehfall, т. е. паденіе серны; но, кажется, самое вѣроятное есть то, что имя Ревеля произтекаетъ отъ многихъ грядъ подводныхъ камней, по всѣмъ направленіямъ рейды его окружающихъ. Гряды сіи по-Англійски называются Reef, по-Нѣмецки и Датски Riff, от-

куда и къ намъ перешли съ природнымъ названіемъ рифовъ.

Что касается до Русскаго прозвища Ревеля Колыванемъ, происхожденіе онаго неизвѣстно. Баронъ Шафировъ, окольничій Петра Великаго, съ весьма остроумною политикою произвелъ имя Колывани отъ кола (т. е. ограды) Ивана *. Но мнѣ кажется ненужнымъ искать тому причинъ столь высоко: и вотъ каково о томъ мнѣніе профессора Рикерса, съ которымъ я бесѣдовалъ о всемъ, до Ревеля касающемся. Русскіе, приходя къ окружнымъ жителямъ Ревельскимъ, говорилъ онъ, и не разумѣя нарѣчія страны, въ насмѣшку называли ихъ какимъ нибудь страннымъ для слуха своего словомъ. Kule-wana (т. е. послушай, старикъ! послушай, братъ!) есть самый употребительный терминъ языка Эстонскаго; и такъ мудрено ли, что, называя Эстонцевъ Кулеванами, они передали имя обитателей города самому городу? Въ самомъ дѣлѣ, Русскіе простолюдины и теперь зовутъ Эстонцевъ Кулями и Кулицами, отъ слова kule; точно такъ и Англичанъ кличутъ они Ассями, отъ словъ I say (я говорю). Но оставимъ подобныя изы-

* Въ нотѣ къ Карлу XII, которою, объявляя войну Швеціи, Россія доказывала законность притязаній своихъ на Эстонію.

скаиія въ жертву были архивной, чтобы самимъ не сдѣлаться жертвою скуки, и обратимся къ древностямъ города. Взоръ памяти ведетъ меня на стѣны замка Вышгородскаго. Зима, облекая въ пушистый снѣгъ башни и раскаты, кажется, говоритъ: они отжили красное лѣто свое. Здѣсь-то шесть вѣковъ назадъ, безстрашные Датчане красовались трофеями, воспѣвали подвиги свои въ пѣснихъ побѣдныхъ, и черезъ синее море стремили взоры къ отчизнѣ, гдѣ ждало ихъ сердце любезной и тихій очагъ родины. Здѣсь звучалъ призывный рогъ эскадроновъ рыцарскихъ, возвращавшихся съ боя, или съ разъѣзда, или изъ дальняго похода Германскаго; и подъемный мостъ, гремя тяжкими цѣпями, ложился къ ногамъ нетерпѣливыхъ всадниковъ, и мочные переклады его, зыблясь, скрипѣли подъ копытами усталыхъ коней. Въ сіи-то каменныя забрала вползались нѣкогда стрѣлы Новгородскія и багрили ихъ кровью Датчанъ и Нѣмцевъ; вотъ башня, въ которой остались ядра наши со временъ Грознаго. Не смотря на глубокій снѣгъ я вскарабкался на валъ, и поклонился землякамъ своимъ. Сіи ядра каменныя, кажется, изъ дикаго гранита, округлены весьма хорошо; величиной будутъ съ 96 фунтовое каронадное ядро, и почти всѣ

(числомъ 8 или 9) врѣзались на одной линіи весьма высоко отъ горизонта земли. Нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ стѣну совсѣмъ, другія втиснуты только до половины.

Могу ли живописать, друзья мои, прелестные виды, которые безграничною панорамою раскидываются передъ глазами съ холма Вышегородскаго! Безмолвенъ схожу я съ высокихъ стѣнъ его, озираясь на рядъ круглыхъ и четвероугольныхъ башенъ, вѣнчающихъ замокъ. По нимъ изрѣдка вьется одинокая ива, или чахлый репейникъ, тихо бесѣдуя съ вѣтромъ мимолетнымъ.

Вотъ церковь Богородицы Рижской, собственно Domkirche называемая. Войдемъ въ нее посмотрѣть на гробницу знаменитаго Понта Де-ла-Гардія, котораго суевѣріе изгнало изъ его отечества, Франціи, счастіе увѣнчало славою искуснаго полководца, а ничтожныя почести были виною смерти. Комендантъ Нарвы, желая доказать свое усердіе къ побѣдителямъ Русскихъ, на возвратномъ пути ихъ въ Стокгольмъ, приготовилъ, для переѣзда Де-ла-Гардія черезъ Нарову, шпеку, отягощенную украшеніями и пушками. Едва выѣхалъ онъ на средину рѣки, почетные выстрѣлы раздались съ крѣпости; отвѣтный залпъ полетѣлъ со шпеки: онъ былъ послѣднимъ. Старое

дно, треснувъ отъ удара, пошло ко дну; волны поглотили героя. Тѣло его переняли уже на другой день, перевезли въ Ревель, и здѣсь снисходительная отчизна, земля, простерла къ изгнаннику хладныя свои объятія. Придѣлъ церкви скрываетъ въ себѣ весьма простую каменную его гробницу. Тамъ же похороненъ извѣстный храбростію въ войнѣ съ Шведами адмиралъ Самуилъ Грейгъ: богатое надгробіе возвышается надъ прахомъ его. Нѣсколько шаговъ раздѣляютъ два вѣка, двѣ знаменитыя эпохи нашей исторіи: междуцарствіе и Де-ла-Гардій! Грейгъ и Россіяне на скалахъ Свеаборга! Какая утѣшительная параллель! Болѣе въ Domkirche ничего нѣтъ замѣчательнаго, и хотя она заложена была Вальдемаромъ II, основателемъ города, но пожаръ истребилъ старинное зданіе; а это, воздвигнутое въ 1683 году, принадлежитъ не къ древней, но къ средней готической архитектурѣ.

Заглянувъ мелькомъ въ рыцарскій домъ (Ritterhaus), гдѣ теперь дворянская зала и присутственныя мѣста, мы не найдемъ пищи любопытству; одни гербы напоминаютъ тамъ о существованіи Ордена, а все прочее занялось настоящимъ вкусомъ. Передъ этимъ домомъ, на небольшой площади, учреждались въ старину турниры; здѣсь копья рыцарей ло-

мались о желѣзную грудь сопротивниковъ; здѣсь серебряный голубь на зыбкомъ шестѣ ожидалъ смертнаго удара, или скользкій шаръ манилъ и обманывалъ руку опытнаго ѣздока. Исторія сохранила только одинъ разсказъ о турнирѣ, здѣсь бывшемъ въ 1538 году. Всѣ Ливонскіе рыцари и дворяне съѣхались на оный; самъ гермейстеръ Бруггеней на немъ присутствовалъ; праздникъ начался пированьемъ, турниръ кончился битвою. Неизвѣстный рыцарь, въ блестящихъ латахъ, съ опущеннымъ наличникомъ, птицей влетѣлъ за рѣшетку, крутился по ристалищу на бурномъ конѣ, и вызывную перчатку повергъ передъ первымъ бойцомъ изъ лучшихъ рыцарей. Взоры всѣхъ устремились на невѣдомаго смѣльчака: противники разскакались, взяли стремена и, опустивъ копья, понеслись на встрѣчу другъ друга. Громко звукнули тяжкія латы; рыцарь Ревельскій вылетѣлъ изъ сѣдла и, оглушенный ударомъ неизвѣстнаго, простерся на землѣ, покрытый стыдомъ и прахомъ. Рукоплесканія огласили неизвѣстнаго рыцаря побѣдителемъ, и герольдъ возвѣстилъ, что онъ выигралъ призъ. Однако, принимая оный изъ рукъ гермейстера, должно было открыть лицо свое: побѣдитель долго не соглашался, медлилъ, и наконецъ тихо поднялъ забрало шле-

ма: — кто опишетъ изумленіе всѣхъ рыцарей? передъ ними стоялъ простой торговецъ Ревельскій! Въ порывѣ оскорбленной гордости возвѣстили они, что впередъ, кромѣ братьевъ Ордена, никто не будетъ впущенъ за рѣшетку. Дворяне и всѣ именитые жильцы города, униженные симъ исключеніемъ изъ турнира, горячо вступились за честь свою. Обѣ стороны требовали; ни одна не хотѣла уступить; спорили, грозили; отъ словъ дошло до ударовъ, и бой завязался; рыцари сѣчлись съ дворянами, съ Шварценъ-Гейтерами; копьями поражали другъ друга, рубились и кололись мечами.

Испуганный гермейстеръ просилъ, уговаривалъ, повелѣвалъ — его не слушали; повергъ шляпу, даже мантію на ристалище, въ знакъ окончанія турнира — никто не замѣчалъ этого. Наконецъ бургомистру Фегезаку, человѣку весьма уважаемому, удалось возстановить спокойствіе. Противники разстались, грозя другъ другу — и побоище кончилось смертію и ранами многихъ.

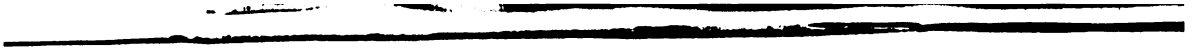
Бывшій дворецъ королей Шведскихъ занятъ теперь коронными присутственными мѣстами. Въ немъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ древности, и я поведу васъ отъ разрушающихся бойницъ Вышгорода въ Нижгородъ, сквозь навѣсныя

подъ баш[illegible] ворота. Было время, когда послѣ вечерней зари, они затворялись на всю ночь, и запоздавшій за дружнимъ стаканомъ Вышгородец должень былъ платить пошлину (Sperrgeld), чтобы пройти домой. Теперь уже нѣтъ скрипучихъ половинцъ, окованныхъ дебелыми полосами желѣза; но тяжкіе пробои, на которыхъ [illegible], существуютъ попрежнему.

Скатная, [illegible]ду огромною стѣною и [illegible]ъ г. Кольбарса, стоящемъ [illegible]Blocksberg называемой), и [illegible]лабиринту улицъ Нижгоро[illegible] хочу разсказать вамъ исторію новыхъ воротъ (Schmiedepforte), которыя въ теченіе двухъ вѣковъ затворены были, какъ врата храма Януса. Вотъ тому причины:

Во время феодальной власти рыцарей надъ Эстоніею, жизнь и смерть подданныхъ заключалась въ волѣ владѣльцевъ. Между сими послѣдними Икскуль, владѣтель Рейзенберга, отличался жестокостію къ вассаламъ своимъ. Не было границъ его тиранству, но были онѣ для терпѣнія человѣческаго. Должно замѣтить, что Ревель, въ силу законовъ, имъ сохраненныхъ, имѣлъ право каждое убійство, на городской землѣ совершенное, отмщевать смертію

убійцы. Икскуль не зналъ, или не хотѣлъ знать этого, и въ самыхъ стѣнахъ города замучилъ на смерть одного изъ своихъ вассаловъ. Бургомистры свѣдали о томъ, и молчали, боясь въ лицѣ его оскорбить всѣхъ дворянъ. Wo keine Klage ist, da ist kein Richter (нѣтъ жалобы, нѣтъ и суда), говорили они; но жалобы не замедлили. Старшины помѣстьевъ Икскулевыхъ и родственники убитаго, опираясь на Ревельскія права, гласно требовали разсуды — и наконецъ получили ее: магистратъ позволилъ имъ задержать преступника. Враги ждали его, друзья увѣдомили объ опасности; онъ презрѣлъ тѣхъ и другихъ, насмѣхался надъ ратсгерами, и шумнымъ поѣздомъ въѣхалъ въ Ревель. Надежда на богатство ослѣпила Икскуля: онъ былъ схваченъ, и судъ, не смотря на выкупъ, за него предложенный, произнесъ смертный приговоръ. Приспѣлъ день казни: раздраженные дворяне поклялись вырвать изъ рукъ правосудія собрата своего; съ оружіемъ столпились подъ стѣнами Ревеля, въ надеждѣ, что Икскуля поведутъ казнить за городъ; но обманулись. Его подвели подъ Кузнецкія ворота: безславная сѣкира сверкнула, и голова преступника скатилась къ ногамъ трепетныхъ гражданъ (въ 1535 году). Дворяне неистовство-



говъ — и умеръ, не удовлетворивъ своихъ заимодавцевъ. Заимодавцы, извѣстивъ родственниковъ де-Круа, въ Нидерландахъ жившихъ, по законамъ Шведскимъ не дозволили хоронить должника своего, доколѣ за него не уплатятъ наслѣдники; ждали ихъ и не дождались. Какъ видно, тѣ не захотѣли подражать Египтянамъ въ выкупѣ тѣла, и не пріѣхали; известковыя стѣны погреба сохранили тѣло де-Круа, въ немъ забытаго, до сихъ поръ. Черная бархатная мантія и шелковая одежда начинаютъ разрушаться, но верхніе шелковые же чулки цѣлы и крѣпки. Всѣ черты физіономіи его отличительны. Дюкъ де-Круа умеръ въ 1701 году.

Входя въ церковь, невольно изумляешься мрачной ея величественности! Взоры блуждаютъ подъ острокопечными готическими сводами, и полъ звенитъ отъ шаговъ звукомъ могильнымъ. Сомнительный день прокрадывается сквозь цвѣтныя стекла, въ частомъ свинцовомъ переплетѣ вставленныя, изъ коихъ многіе расписаны образами святыхъ. Вездѣ представляются останки Католической религіи, основавшей сію церковь въ 1317 году. Огромныя створчатыя святцы, съ живописными и рѣзными изображеніями Католическихъ святыхъ и папъ, возвышаются на алтарь. Живо-

пись опыхъ сохранилась довольно хорошо, и можетъ спорить съ работою Луки Кранаха. Другія иконы, украшающія переклады и простѣнки между сводами, гораздо нижей работы.

Надъ кудрявыми гербами рыцарей Нѣмецкихъ и Шведскихъ развѣшены ржавыя латы; надъ ними тлѣютъ пыльные обрывки знаменъ. Я вздохнулъ, разсматривая оныя. Можетъ быть подъ этимъ холоднымъ желѣзомъ кипѣла нѣкогда ретивая грудь славою и чистою любовью; въ этихъ пробоинахъ, полученныхъ за родину, внуки читали заповѣдь предковъ «не измѣнять ей.» Сіи знамена развѣвались воздухомъ брани! И что теперь все это? Залогъ тлѣнія и ничтожества! . . . Протечетъ еще нѣсколько лѣтъ, и любопытство напрасно вопроситъ нѣмыя развалины.

Лавки, рамы образовъ и портретовъ отягчены рѣзьбою, иногда весьма искусною. Полъ сложенъ изъ надгробныхъ камней погребенныхъ тутъ рыцарей — вкладчиковъ церкви. На нихъ изображены они, грубою оброшною работою, въ полномъ вооруженіи. Надписи почти всѣ стерлись ногами прихожанъ. На правой сторонѣ, въ стѣнѣ церкви, видѣнъ нишъ, вышиною въ полтора аршина, шириною и глубиною въ аршинъ. Говорятъ, будто въ него сажали виновныхъ церковниковъ для на-

казанія, тѣмъ жесточайшаго, что тамъ не возможно ни стать, ни сѣсть; желѣзная рѣшетка оправдываетъ это преданіе.

При насъ не было службы въ церкви св. Николая; время вооетъ высокіе своды ея; трещины бѣгутъ по стѣнамъ, и теперь для предосторожности стоятъ лѣса и подпоры. Жаль будетъ, если упадетъ сей, древнѣйшій въ городѣ, памятникъ Католицизма и готической архитектуры.

Наружность церкви имѣетъ въ себѣ много важнаго (il grandiose). Узкія окна и толстые контрфорсы, оживляя игру тѣней, придаютъ оной какой-то занимательный видъ. Низъ заслоненъ лавками, построенными для ярмарки, бывающей здѣсь въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ день св. Іоанна. Въ оградѣ, близъ воротъ, стоитъ часовня, въ которой погребенъ бывшій губернаторъ Эстоніи Гольштейнъ-Бекъ. Двери и окна заложены въ ней, какъ сказываютъ, не для сбереженія драгоцѣнностей, съ нимъ похороненныхъ, а, какъ думаютъ, для того, что ихъ уже нѣтъ.

Широкою улицею (Breite-Strasse), которая широка только по имени, мы приближаемся къ церкви св. Олая, сгорѣвшей прошедшимъ лѣтомъ, въ ночь на 16 іюля. Кирхшпиль оной, Ревельцами Олай-Торнъ называемый, сперва

былъ вышиною въ 84 сажени, т. е. равенъ съ куполомъ св. Петра въ Римѣ. Передъ пожаромъ высота его простиралась до 74 саженъ. Церковь Олая, послѣ своего построенія, горѣла восемь разъ, изъ коихъ три раза обращалась въ пепелъ, и снова усердіемъ богомольцевъ возставала въ прежней лѣпотѣ, на украшеніе городу, на диво всему краю, на пользу мореплавателей, которые по высокой башнѣ ея правили днемъ бѣгъ свой, между тысячами опасностей. Стѣны церкви и каменный низъ колокольни стоятъ еще, но верхъ оной упалъ. Лучъ молніи ударилъ въ одну изъ наугольныхъ пирамидъ, и огонь вдругъ обнялъ всю кровлю, проникъ во внутренность, испепелилъ все, что могло сгорѣть. Медь колоколовъ и кровель тала какъ воскъ, потоки стекла и свинцу дождили; пламя грозило гибелью всему городу, ужасъ волновалъ сердца жителей Ревельскихъ. Наконецъ, гигантская колокольня, шатая, рухнула черезъ улицу на горящіе домы, а башня, раскаленная какъ Этна, осталась извергать вкругъ себя опустошеніе: грохотъ и трескъ раздавались внутри ея, огонь свирѣпствовалъ снаружи. Къ счастію пошелъ дождь, который, смочивъ кровли домовъ, воспрепятствовалъ распространенію пожара — и въ 4 часа все кончилось.

Съ благоговѣніемъ вошелъ я по скрипучему снѣгу во внутренность зданія: вездѣ черныя полосы показываютъ слѣды, по коимъ текли волны опустошительной стихіи. Всѣ древности, какъ то: органы, латы и мечи рыцарскіе стали жертвою пламени. Такъ называемое ребро Олаево подверглось равной участи. Огромная китовая кость, повѣшенная надъ входомъ, въ знакъ союза съ Ганзейскими китоловцами, подала простолюдинамъ поводъ къ вымышленію басни, будто бы ребро сіе было Олаево, будто сей Олай былъ гигантъ невѣроятнаго роста, который выходя поутру изъ Нарвы въ Ревель, для присмотра за строеніемъ церкви, къ обѣду ежедневно возвращался назадъ.

Извнѣ и внутри взору ничего не представляется, кромѣ развалинъ, клейменъ пожара очерненныхъ. Вѣтеръ свѣваетъ снѣгъ и пепелъ съ осиротѣлыхъ стѣнъ, воетъ вкругъ разрушеннаго алтаря.

На одной наружной стѣнѣ, подъ пустымъ нишемъ, вдѣлано выпуклое изображеніе, какъ должно думать, идола Тора. Профессоръ Рикересъ написалъ о немъ весьма любопытное разсужденіе, а я постараюсь вамъ доставить, друзья мои, съ него рисунокъ, и тогда по-

толкуемъ, что значитъ жаба, на скелетѣ человѣческомъ лежащая.

Въ библіотекѣ Олаевской хранятся драгоцѣнныя для Нѣмцевъ, любопытныя для всѣхъ уважающихъ таланты, письма Лютера и Филиппа Меланхтона, его сподвижника, о Реформаціи, писанныя ими своеручно.

Олай или Олафъ, потомокъ Гаральда Смѣлаго, короля Норвежскаго, за освобожденіе отечества своего изъ-подъ ига Датчанъ и христіанскія добродѣтели, признанъ отъ однозем-цевъ за святаго. Скоро въ чужихъ земляхъ стали посвящать ему храмы, а въ 1329 году Датчане выстроили сію церковь въ честь имени Олая, за строеніемъ коей надзиралъ епископъ, тоже Олаемъ именовавшійся.

Берегъ, берегъ, друзья мои! Намъ осталось осмотрѣть только домъ Черноголовыхъ братьевъ. Пріятель и товарищъ мой Р-нъ уже предувѣдомилъ членовъ о посѣщеніи, и учтивые форштеэры общества вынесли намъ всѣ рѣдкости. Мимоходомъ окинувъ глазами обширную залу, я пожалѣлъ, что три Іоническія колонны, поддирающія плафонъ, мѣшаютъ простору. Еще весьма недавно старинные четвероугольные столбы сжѣнились этими колоннами, а съ ними вмѣстѣ выѣхали вонъ и портреты королей Шведскихъ. Между

прочихъ Карлъ XII переселился съ почетнаго мѣста въ переднюю — вѣроятно на стражу. Вотъ огромные кубки, изъ коихъ братья Шварценъ-Гейптеры попивали встарину малвазію: вотъ самый древній изъ нихъ, сдѣланный изъ ноги серны, можетъ быть, въ память Ревеля (Reh-fall). Изъ него-то Великій Петръ пилъ за здоровье Черноголоваго общества, въ которое вступилъ онъ членомъ по взятіи города; изъ него-то, друзья мои, пилъ и я, и съ восхищеніемъ поцѣловалъ то мѣсто, къ которому прикасались уста величайшаго изъ смертныхъ! Петръ, Екатерина II и Александръ I подарили обществу по серебряному кубку, сдѣланному наподобіе ноги дикой козы. Многія кружки деревянныя съ обручиками, а чаши почти всѣ украшены изображеніемъ св. Маврикія, который былъ Мауръ по роду, и полководецъ по ремеслу. Намъ особенно понравился очень замысловатый кубокъ, въ которомъ на шарикѣ плавалъ серебряный мальчикъ. Дѣло состояло въ трудности носомъ утопить пловца въ винѣ, иначе кубокъ наполнялся снова до тѣхъ поръ, покуда не утоплялся разумъ пьющаго. Желая испытать и въ этой игрѣ счастія, мы налили въ него вина, балансировали и ртомъ, и носомъ, и глазами — все напрасно; упрямый

человѣчекъ никакъ не хотѣлъ тонуть, и мы, позабавившись выдумкою прежнихъ лѣтъ, когда искусство нить было систематическою наукою, посмотрѣвъ на подпись руки Петровой и нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нему особъ, полюбовавшись серебреныхъ голубемъ, котораго привѣшивали на высоту для прыганья, пошли въ верхніе покои общества. Тамъ замѣчательнаго только: латы, ланцы, употреблявшіеся на турнирахъ, китовая кость и образъ, представляющій жизнь св. Маврикія. Говорятъ, будто при введеніи въ Ревель Лютерова Исповѣданія, онъ былъ оставленъ; но случай, спустя долгое время, открылъ его, и Шварценъ-Гейнтеры съ торжествомъ перенесли оный въ свою обитель. Образъ этотъ по живописи дорого цѣнился католиками; сказываютъ, что, не смотря на его тяжесть, они давали за него вѣсомъ серебра; но братья общества не согласились, и католики съ досады подослали подкупленнаго ими живописца, что бы онъ, взявшись поправить испорченныя сыростью мѣста, обезобразилъ рисунокъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. За истину сего анекдота не ручаюсь; но думаю, судя по работѣ, что невѣжество мастера и поправщика участвовали въ томъ болѣе, чѣмъ зависть ка-

Военно-торговое общество братьевъ Черноголовыхъ учредилось въ XIII вѣкѣ, прежде Рижскаго; но когда именно — не извѣстно. Шварцен-Гейптеры составляли и составляютъ городскую конную гвардію; лѣтъ 15 назадъ, они въ праздники парадировали на лошадяхъ въ старинномъ одѣяніи; но теперь даны имъ гражданскіе мундиры. Нынѣшній домъ общества построенъ въ XV вѣкѣ. Въ немъ основанъ клубъ Черноголовыхъ, иначе Einigkeit (т. е. согласіе) называемый, въ который принимаются члены изъ гражданъ города и офицеровъ Русской службы*.

Не буду описывать вамъ, друзья мои, домика и дворца Петра Великаго въ Екатеринентали** по многимъ причинамъ: во первыхъ

---

* Здѣсь однажды случился презабавный анекдотъ: одинъ иностранецъ, искавъ клуба Erholung (отдохновенія) ошибкою зашелъ въ Einigkeit, гдѣ двое Нѣмцевъ подрались въ сѣняхъ. Онъ засталъ ихъ въ самомъ жару ратоборства и спрашивалъ, но тутъ ли отдыхъ? «Какой отдыхъ?» отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, тузя другаго; «здѣсь согласіе!» «Was für Erholung? — hier ist Einigkeit!»

** Въ скромномъ дворцѣ Екатеринентальскомъ хранятся нѣкоторые инструменты и одежда Петра Великаго; а въ домикѣ, стоящемъ у пруда, показываютъ три кирпича, собственноручно имъ въ стѣну вложенныхъ.

потому, что я тамъ не былъ. За то разкажу анекдотъ о немъ самомъ.

Побѣдитель Карла XII, послѣ взятія Ревеля, осматривалъ Эстонію. Проѣзжая мимо замка дворянина Рамма, послалъ сказать ему, что онъ хочетъ у него обѣдать. — А я не хочу этого! отвѣчалъ Раммъ, упрямый защитникъ прежней власти. Петръ вспыхнулъ, прискакалъ въ замокъ, [illegible] своею наэлектризовалъ спину [illegible] гнѣвъ, тутъ и милость, гов[illegible]а: — некрепость и свѣдѣнія [illegible]лись Императору; онъ по[illegible] и наконецъ такъ обворожи[illegible]мъ и ласковостью прежня[illegible]онъ душой готовъ былъ же[illegible]ю Русскому. — Проси какой хочешь милости, сказалъ Петръ добродушному хозяину своему на прощанье, я исполню все. — Государь! отвѣчалъ Раммъ, подари мнѣ трость, которою меня наказывалъ: она будетъ памятникомъ моего заблужденія, Царской горячности и великодушія великаго человѣка. Петръ усмѣхнулся и отдалъ. Трость сія съ благоговѣніемъ хранится понынѣ у наслѣдниковъ Рамма.

Вотъ все, что я могъ собрать изъ книгъ и отъ достовѣрныхъ людей о Ревелѣ, о которомъ еще никто не говорилъ въ особенно-

сти. Исторія моя коротка, это правда; за то я не сочинилъ, а только написалъ оную. Надѣюсь, вы, друзья, простите вѣтренаго кавалериста за то, что періоды его не выровнены, не блистательны: я бросалъ ихъ съ пера моего, саблею очиненнаго, въ быстрые промежутки забавъ и усталости, подъ холоднымъ крыломъ сна. Простите и за длинныя письма мои — и за то, что, пробывъ двѣ недѣли въ Ревелѣ, я на два мѣсяца наслалъ къ вамъ скуки — рука не устаетъ писать, когда сердце съ ней въ заговорѣ. Не въ своемъ краснорѣчіи, а въ вашей благосклонности найду я ходатая моему многословію; но прощайте!... Я думаю выѣхать завтра вечеромъ, и черезъ три дня другъ вашъ отрясетъ чуждый снѣгъ на порогѣ пріятельскомъ.

потому, что я тамъ не былъ. За то раскажу анекдотъ о немъ самомъ.

Побѣдитель Карла XII, послѣ взятія Ревеля, осматривалъ Эстонію. Проѣзжая мимо замка дворянина Рамма, послалъ сказать ему, что онъ хочетъ у него обѣдать. — А я не хочу этого! отвѣчалъ Раммъ, упрямый защитникъ прежней власти. Петръ вспыхнулъ, прискакалъ въ замокъ, и тростью своею наэлектризовалъ спину дерзкаго. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость, говоритъ пословица: — искренность и свѣдѣнія Рамма понравились Императору; онъ помирился съ нимъ и наконецъ такъ обворожилъ своимъ умомъ и ласковостью прежняго недруга, что онъ душой готовъ былъ жертвовать Государю Русскому. — Проси какой хочешь милости, сказалъ Петръ добродушному хозяину своему на прощаньи, я исполню все. — Государь! отвѣчалъ Раммъ, подари мнѣ трость, которою меня наказывалъ: она будетъ памятникомъ моего заблужденія, Царской горячности и великодушія великаго человѣка. Петръ усмѣхнулся и отдалъ. Трость сія съ благоговѣніемъ хранится понынѣ у наслѣдниковъ Рамма.

Вотъ все, что я могъ собрать изъ книгъ и отъ достовѣрныхъ людей о Ревелѣ, о *которомъ еще* никто не говорилъ въ особенно-

сти. Исторія моя коротка, это правда; за то я не сочинилъ, а только написалъ оную. Надѣюсь, вы, друзья, простите вѣтренаго кавалериста за то, что періоды его не выровнены, не блистательны: я бросалъ ихъ съ пера моего, саблею очиненнаго, въ быстрые промежутки забавъ и усталости, подъ холоднымъ крыломъ сна. Простите и за длинныя письма мои — и за то, что, пробывъ двѣ недѣли въ Ревелѣ, я на два мѣсяца наслалъ къ вамъ скуки — рука не устаетъ писать, когда сердце съ ней въ заговорѣ. Не въ своемъ красноречіи, а въ вашей благосклонности найду я ходатая моему многословію; но прощайте!... Я думаю выѣхать завтра вечеромъ, и черезъ три дня другъ вашъ отрясетъ чуждый снѣгъ на порогѣ пріятельскомъ.

ДОРОЖНЫЯ ЗАПИСКИ.

НА ВОЗВРАТНОМЪ ПУТИ ИЗЪ РЕВЕЛЯ.

Станція Лоонъ, въ 70 верстахъ отъ Ревеля.

12-й часъ ночи, 7 января.

Для чего взоры не могутъ проницать туманную даль въ слѣдъ за быстрокрылою мыслію? тогда бы въ глазахъ моихъ прочитали вы, друзья отдаленные, все, что отражается въ нихъ волненіемъ сердца, все, что душа чувствуетъ, воображеніе обнимаетъ, и слово не можетъ выразить. Пусть молнія увьетъ перо мое, пусть слѣдъ его вспыхнетъ огненными чертами — и тогда еще выраженіе будетъ слабымъ отголоскомъ, однимъ призракомъ чувствъ невыразимыхъ! Мысли, сверкнувъ, исчезаютъ — какъ исчезаетъ на долинѣ мгновенная тѣнь сокола поднебеснаго.

стп. Исторія моя коротка, это правда; за то я не сочинилъ, а только написалъ оную. Надѣюсь, вы, друзья, простите вѣтренаго кавалериста за то, что періоды его не выровнены, не блистательны: я бросалъ ихъ съ пера моего, саблею очиненнаго, въ быстрые промежутки забавъ и усталости, подъ холоднымъ крыломъ сна. Простите и за длинныя письма мои — и за то, что, пробывъ двѣ недѣли въ Ревелѣ, я на два мѣсяца наслалъ къ вамъ скуки — рука не устаетъ писать, когда сердце съ ней въ заговорѣ. Не въ своемъ краснорѣчіи, а въ вашей благосклонности найду я ходатая моему многословію; но прощайте!... Я думаю выѣхать завтра вечеромъ, и черезъ три дня другъ вашъ отрясетъ чуждый снѣгъ на порогѣ пріятельскомъ.

съѣхались проводить любезнаго хлѣбосола Ревельскаго, который съ одною изъ дочерей своихъ отправлялся въ Петербургъ, вмѣстѣ съ нами. Изъ-за стола, за которымъ много разговаривали и мало ѣли, за которымъ шумѣло возліяніе въ честь Эрмія, хранителя дорогъ, чтобы онъ даровалъ намъ путь счастливый, гдѣ шутилъ, кто умѣлъ и смѣялся, кто былъ въ расположеніи — изъ-за стола поднялись въ 3 часа. Ямщики запѣли и скрипѣли передъ крыльцомъ — всѣ говорили: пора и всѣ медлили; порученія сыпались со всѣхъ сторонъ; наконецъ, волею и неволею надобно было ѣхать, чтобы въ темнотѣ не набалуиться на опасной дорогѣ первой станціи. Сѣли въ комнатѣ по обычаю старины Русской — встали, помолились шепотомъ домашнимъ; я сжалъ руку новымъ друзьямъ своимъ, бичъ хлопнулъ — и черезъ полминуты вѣтеръ донесъ къ намъ послѣднее прощайте, на трехъ нарѣчіяхъ посланное.

Проѣхавъ Екатериненталь, я оглянулся на Ревель: онъ гордо выдымалъ умытыя вечернимъ туманомъ стѣны и колокольни свои; солнце, падая за нимъ въ море, ярко обрисовывало громаду башенъ и шпицовъ, поддерживающихъ горизонтъ. Мало по малу, въ отдаленіи исчезали отдѣлки зданій, все сливалось въ одну су-

Часто, какъ теперь, думы исполненія и бурныя чувства роятся въ груди и въ головѣ моей. Гнѣвъ, воспоминанія, надежды, мечты вливаются, тѣснятся, рвутся въ душу мою вмѣстѣ и порознь, то услаждая, то терзая ее. Но гдѣ найду я ноты сердечныя, чтобы изобразить всѣ оттѣнки, всѣ измѣненія, всѣ звуки ощущеній моихъ? . . . О, если бы это холодное письмо, подобно ледяному зеркалу, собирающему лучи свѣта, могло собрать лучи оныхъ — отразить мои чувства на сердца ваши и представить тамъ хотя блѣдное ихъ изображеніе . . .

Но куда умолкли мои фантазіи? Обѣщали вамъ описывать, что было и есть на яву, и хотѣлъ уже нарисовать мутныя сновидѣнія разума! Вотъ существо!

Неохотно открылъ я сегодня утромъ глаза мои, снова закрылъ ихъ, какъ бы желая рѣсницами уловить сонъ минувшаго. Не радостно, друзья мои, разставаться съ людьми гостепріимными, съ знакомствомъ новымъ, съ мѣстомъ, гдѣ ничто не врачило веселости нашей. Грустно проститься, и можетъ быть навсегда, едва вблизи обозначились съ предметами. Но какъ бы то ни было, мы собрались къ выѣзду изъ дома генерала.

Друзья и сродники, знакомые и знакомцы

СТАНЦІЯ ПЕДРУСЪ.

8 января.

Едва зарумянилась утренняя звѣздочка на краю неба, мы уже скакали далѣе и далѣе: Встало солнце; зимній вѣтерокъ навѣвалъ мнѣй съ вѣтокъ, опушенныхъ снѣжинками; дымъ съ низкихъ хатъ розовыми клубами стлался по вѣтру; болтливыя сороки прыгали на кровляхъ, щуры порхали по дорогѣ, дятлы вились по изгородамъ. Странная нить мыслей человѣческихъ! Стукомъ своимъ они напомнили мнѣ бѣгство Игоря изъ плѣна Половецкаго, когда невѣдомый пѣвецъ провожаетъ его къ Донцу дружелюбному гармоническою пѣснію своею. — Все споспѣшествовало, говоритъ онъ, предпріятію князя. »Сороки не стре-

коташа, по лозамъ ползаша только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ.» Перечитавъ наизустъ нѣсколько отрывковъ изъ поэмы: Походъ Игоря на Половцевъ, въ виду Везенберга (по-Русски Раковора), мнѣ казалось, что я совершилъ тризну храбрымъ соотчичамъ моимъ, павшимъ на сихъ поляхъ, или подъ его стѣнами.

Большая часть Эстоніи, исключая округовъ: Венденскаго, Ревельскаго и Нарвскаго, плоска, хотя и возвышенна. Одинъ только рытвины, вѣроятно бывшія по сотвореніи міра ложемъ рѣкъ быстрыхъ и глубокихъ, оживляютъ единообразіе природы. Кто знаетъ, можетъ быть невѣдомыя племена плавали на ладьяхъ тамъ, куда мчатся теперь сани мои — гдѣ лѣтомъ блещетъ коса Эстонца?

Сколько я могъ замѣтить на проталинахъ скалъ, породы, составлявшія почву Эстоніи, наиболѣе принадлежатъ къ 3-й эпохѣ осадки химической (Flötzzeit). Къ Ревелю, всѣ поля покрыты ломаными для продажи плитами известняку, который всегда состоитъ тамъ изъ горизонтольныхъ слоевъ, рѣдко съ механическою примѣсью глины перемѣшанныхъ. Ближе къ Нарвѣ земля, какъ и въ окрестностяхъ Петербурга, усѣяна дратическими гранитными обломками, округленными силою воды, из-

рѣдка гнейсомъ, знакъ пребыванія края сего дномъ океана. Самая высокая гора въ Лифоніи есть Везенбергъ, на которой стоитъ того же имени замокъ: она возвышается надъ морскою поверхностію на 1200 футовъ.

Дурныя и узкія, по малочисленности проѣзжихъ, дороги, [illegible]лкія лошади и негодная упряжка з[illegible]комъ, дѣлаютъ путешествіе наше [illegible] пріятнымъ. Кстати о почтахъ: е[illegible] предлагалъ дворянству Лифонс[illegible] почты и корчмы. Послѣднее [illegible]; по регулярныхъ почтъ не б[illegible]да. До тѣхъ поръ вольные или [illegible]ы перевозили письма, а переѣзды наиболѣе совершались верхомъ.

СТАНЦІЯ ВАРГЕЛЬ.

4 часа по полудни.

За чашкою соленаго шоколада, который хозяйка сварила намъ на кисломъ молокѣ, пишу утренній разговоръ мой съ братомъ. Было тепло и солнечно, когда мы выѣхали съ почтоваго двора; но дума и разсѣянность мелькали на лицѣ моемъ. О чемъ ты задумался? спросилъ меня усмѣхаясь братъ мой; не новая ли критика занимаетъ тебя?

Я. Развѣ ты воображаешь, что я могу, какъ странствующій Тристрамъ Шанди, принимать періоды къ несочиненнымъ еще сочиненіямъ! Благодари судьбѣ, я не обязанъ думать впередъ о твореніяхъ, о которыхъ поэты *не думали ихъ творцы.*

Онъ. В[illegible]ьно же тебѣ выбирать подобныя мелочи. Если, какъ ты называешь шестое чувство твое, т. е. вкусъ эстетическій превратилось въ необходимость критиковать, почему не выберешь предмета, достойнаго труда, полезнаго для Литературы?

Я. Во-пе[illegible]хъ и въ третьихъ потому, чт[illegible]сь на свои силы. Притомъ [illegible] служба дѣлятъ время м[illegible]оворю я каждый день — и[illegible], за то приходитъ опытност[illegible], мнѣніе публики о лучши[illegible]писателяхъ почти справедливо, и потому напримѣръ: Жуковскому и Крылову едва ли прибавитъ достоинства и прекрасная критика — Пушкина и Баратынскаго не убьетъ и дурная. Но когда я вижу самозванцевъ-поэтовъ рядомъ съ патронами нашего Парнасса, когда замѣчаю людей, изъ коихъ одни хотятъ пробить дверь славы мѣднымъ лбомъ самохвальства, а другіе проползть къ ней въ замочную скважину — въ то время кровь моя кипитъ, и вотъ въ зеркалѣ Критики Мидасъ любуется своими ушами, которыхъ бы онъ не увидѣлъ иначе.

Онъ. Странный ты человѣкъ! доказываешь то, о чемъ знаетъ всякой, сколько нибудь ода-

брить никакою логикою въ спѣтѣ. Стоитъ и труда вызывать утопленниковъ Леты, и доказывать, какъ говоритъ Ривароль, что они извѣстны своими произведеніями.

Я. Все это очень хорошо и не совсѣмъ справедливо. У насъ господамъ авторамъ вѣрятъ часто на слово, а литературное имя подъ часъ можно купить и завтраками. Конечно знатоки не обманываются сусальною ихъ позолотою; но молодые люди, начинающіе писать, могутъ польститься ложнымъ блескомъ, и тогда — прощай образованность! Они уже жертвы испорченнаго вкуса, они ученики Фламандской школы Словесности.

Онъ. Не надѣешься ли ты обратить ихъ на путь истинный?

Я. По крайней мѣрѣ желая этого, я имѣлъ полезную цѣль. Никогда не скажу: Мы писали, но тѣмъ не менѣе буду говорить правду.

Онъ. Ты видѣлъ, что правда навлекла тебѣ многія неудовольствія.

Я. Это и быть не могло иначе. Очень знаю, что многіе обрекли меня на остракизмъ, не читавши; иные вошли по знакомству съ моими антагонистами, другіе по инстинкту, третьи изъ магическаго слова: такъ. Пораженные вопіютъ на несправедливость, но гдѣ, на какой га-

Онъ. Вольно же тебѣ выбирать подобныя мелочи. Если, какъ ты называешь шестое чувство твое, т. е. вкусъ эстетическій превратилось въ необходимость критиковать, почему не выберешь предмета, достойнаго труда, полезнаго для Литературы?

Я. Во-первыхъ, во-вторыхъ и въ третьихъ потому, что я еще не надѣюсь на свои силы. Притомъ лѣнь, разсѣянье и служба дѣлятъ время мое. До завтра! говорю я каждый день — и проходятъ мѣсяцы, за то приходитъ опытность. Далѣе, мыслю я, многіе публики о лучшихъ современныхъ писателяхъ почти справедливо, и потому напримѣръ: Жуковскому и Крылову едва ли прибавитъ достоинства и прекрасная критика — Пушкина и Баратынскаго не убьетъ и дурная. Но когда я вижу самозванцевъ-поэтовъ рядомъ съ патронами нашего Парнасса, когда замѣчаю людей, изъ коихъ одни хотятъ пробить дверь славы мѣднымъ лбомъ самохвальства, а другіе проползть къ ней въ замочную скважину — въ то время кровь моя кипитъ, и вотъ въ зеркалѣ Критики Мидасъ любуется своими ушами, которыхъ бы онъ не увидѣлъ иначе.

Онъ. Странный ты человѣкъ! доказываешь то, о чемъ знаетъ всякой, сколько нибудь одаренный здравымъ смысломъ, а глупцовъ не у-

вѣрить никакою логикою въ свѣтѣ. Стоитъ ли труда вызывать утопленниковъ изъ Леты, и доказывать, какъ говоритъ Ривароль, что они неизвѣстны своими произведеніями.

Я. Все это очень хорошо и не совсѣмъ справедливо. У насъ господамъ авторамъ вѣрятъ часто на слово, а литературное имя подъ часъ можно купить и завтраками. Конечно знатоки не обманываются сусальною ихъ позолотою; но молодые люди, начинающіе писать, могутъ обольститься ложнымъ блескомъ, и тогда — прощай образованность! Они уже вѣстники испорченнаго вкуса, они ученики Фламандской школы Словесности.

Онъ. Не надѣешься ли ты обратить ихъ на путь истинный?

Я. По крайней мѣрѣ желая этого, я имѣлъ полезную цѣль. Никогда не скажу: Мы пахали, но тѣмъ не менѣе буду говорить правду.

Онъ. Ты видѣлъ, что правда навлекла тебѣ многія неудовольствія.

Я. Это и быть не могло иначе. Очень знаю, что многіе обрекли меня на остракизмъ, не читавши; иные поэтому по знакомству съ моими антагонистами, другіе по инстинкту, третьи для магическаго слова: такъ. Пораженные вопіютъ на несправедливость, но гдѣ, на какой га-

лорѣ найдешь виноватаго? Эти господа сердятся даже, если вмѣсто пяти сотъ выпишешь изъ нихъ только двадцать дурныхъ стиховъ — а все изъ одной страсти быть еще разъ напечатанными, и дабы имѣть случай отъ чистаго сердца признаться публикѣ — что они геніи. Не пройдетъ недѣли и уже они разъѣзжаютъ на палочкахъ самолюбія, будто побѣдители. Знаю я то, что благо[illegible], мнѣ часто приписываютъ че[illegible]хъ безъименныхъ глупостей И[illegible]цъ вижу, что многія особы [illegible]ола, но наслышкѣ раздѣл[illegible]мъ мимоимъ злоязычіи, и [illegible]дто я на каждую женщину [illegible]ю комедію. Но я ли вино[illegible]о сихъ поръ слово: критика, значитъ одно съ бранью?

Онъ. Не ты одинъ, но всѣ вы. Зачѣмъ облекать разборы свои въ шуточную одежду и засѣвать сужденія оныхъ остротами, часто обидными?

Я. Послушай, mon cher! всѣ люди сколько нибудь злы: чтобы заставить ихъ читать правду, надобно польстить такой ихъ наклонности; а сухая ученость, неприправленная шутками, никакъ не понравится юношествующему вкусу нашей публики; словомъ, вниманіе читателей

надобно привлекать какъ электричество — остротами.

Онъ. Опять новое сравненіе и новое противорѣчіе! Не ты ли говоришь про многихъ писакъ нашихъ: они слишкомъ дружны съ своимъ самолюбіемъ, слишкомъ вѣрятъ своимъ пріятелямъ, чтобы дожить до потомства, а самъ угождаешь прихотямъ настоящаго времени. Еще одно замѣчаніе: сколько я вижу, тебя не даромъ упрекаютъ въ излишествѣ шутокъ, въ твоихъ рецензіяхъ, и не даромъ говорятъ, что ты гоняешься за остроуміемъ.

Я. Помилуй, можно ли говорить съ серьёзнымъ лицомъ о нелѣпостяхъ! Что до втораго, увлеченный природною веселостью, можетъ быть, я точно заслуживаю это нареканіе; но самъ въ себѣ не виноватъ въ изысканности.

Онъ. Острота, другъ мой, будучи тѣнью, отброшенною умомъ, освѣщеннымъ веселостью, слѣдуетъ за нимъ, когда онъ идетъ своею дорогой; но бѣжитъ, если умъ за нею гонится. Потому весьма легко отличить остроты натянутыя отъ природныхъ; даже предположивъ, что я и публика вѣримъ тебѣ въ непринужденности — ты не менѣе утомишь вниманіе наше самыми забавными, но многочисленными сравненіями, потому что всякому ощущенію есть границы.

Я. Foi d'un journaliste, обѣщаюсь исправиться и не обращать рецензій моихъ въ арсеналъ игрушекъ!

Онъ. Не лучше ли и совсѣмъ оставить безплодное поле критики? или, возвращаясь на прежнюю мысль: бросъ критиковать пустяки.

Я. А я опять повторю тебѣ, что кого бы и какъ бы ни разбирали, все таки, рано ли, поздно ли, это принесетъ пользу. Цѣль критики есть: выказывать дурное и хорошее; а хорошее можетъ найтись и въ забытыхъ фоліантахъ Боброва, даже Тредьяковскаго. Между тѣмъ въ спорахъ критическихъ образуется вкусъ, и правила языка принимаютъ твердость. При первомъ дуновеніи здравой критики разлетаются неумѣстныя похвалы друзей и неправая брань завистниковъ, а сочиненіе съ вѣрною оцѣнкою падаетъ въ руки любителей. Конечно, всякому не мудрено ошибиться; не всегда сужденія критики безгрѣшны; не всѣ мнѣнія могутъ быть общими, но въ такомъ случаѣ должны перевѣсить доказательства самыя удовлетворительныя.

Онъ. У насъ совсѣмъ напротивъ: мнѣніе большей части, по твоей же тактикѣ, склоняется на сторону послѣдней брани, потому что рѣдкій захочетъ повѣрять чужіе толки; по краней

Я. А я въ томъ увѣренъ; однако, если пять человѣкъ изъ сотни читающихъ разсудить о вещи, какъ должно — намѣреніе выполнено. Коротко сказать, Критика, не смотря на заговоры дробной шляхты литературной, обязана воздавать должному должное. Она, какъ благотворный Нилъ, разливомъ своимъ истребляетъ вредныхъ насѣкомыхъ, освѣжаетъ атмосферу вкуса, и плодотворитъ юныя растенія, оставляя на поляхъ Словесности....

Онъ. Песокъ.

Я. Пускай песокъ, только золотой. Однако, оставимъ всѣ высокопрености и шутки, ты вѣрно согласенъ, что Критика была и будетъ краеугольнымъ камнемъ Литературы.

Онъ. И камнемъ преткновенія для критиковъ. Но...

Пріѣхали, сказалъ извощикъ, отряхаясь и протягивая руку. Пей за здоровье Критики, сказалъ я ему, давая гривенникъ. — Видно она добрая барыня — ворчалъ, кланяясь Эстонецъ и мы, смѣючись, пошли въ комнату почтана-

НАРВА.

2 часа ночи, 9 Января.

Наконецъ мы оставили за собою землю, бывшую, такъ сказать, гульбищемъ народовъ сѣверныхъ, стремившихся расхищать Россію. Ливонія, вѣчная жертва пришельцевъ, посвятила для Исторіи кровавое воспоминаніе; первыя извѣстія о существованіи оной были уже не первыми ея бѣдствіями. Русскіе и Датчане, Поляки и Шведы протекали съ опустошеніемъ изъ края въ край; гордые, жестокіе рыцари мучили, какъ плотоядные, крестьянъ своихъ; враги отнимали у нихъ, что могли, владѣльцы, что хотѣли, а они хотѣли всего. Каждая мыза была замкомъ, каждый замокъ крѣпостью; стѣны рыцарей возвышались ру-

ками вассаловъ, а вассалы не имѣли хижинъ, куда приклонить голову, и поля господъ орошались ихъ кровавыми слезами. Война палила нивы, голодъ и моръ похищали жителей; наконецъ, сословіе гофлейтовъ, сія нечистая пѣна, произведеніе бурь политическихъ, стоило наѣздниковъ и сторонщиковъ* Русскихъ. Запала ими дорога торговая, и ни свои, ни чужіе не избѣгали грабежа. Но отвратимъ взоръ отъ ужасовъ, коимъ сердце не даетъ вѣры вопреки уму... Замки, тяготившіе землю, не существуютъ; феодализмъ лежитъ подъ ихъ развалинами; покой оживляетъ Эстонію, и она мало по малу собираетъ силы, истощенныя семивѣковыми бѣдствіями.

Эстонія была обитаема наиболѣе Эстами (т. е. Чудью); Ливонія вообще — разноплеменными народами по языку, однородными по образу жизни. Ливы и Летты (т. е. Латыши) скоро соединились съ Нѣмцами, для покоренія своихъ земляковъ, и не избѣгли общаго рабства. Всѣ Ливонцы, особенно Эсты, были народомъ грубымъ и безчеловѣчнымъ; часто

---

* Сторонщикъ, значило встарину то же, что теперь партизанъ и фуражиръ вмѣстѣ. Они шли стороною и впереди арміи, грабили окрестности, обходили, безпокоили непріятеля, доставали языковъ и привозили войску съѣстные припасы.

мужественнымъ, всегда коварнымъ. Звѣропо-
добные въ домашнемъ быту, невѣжественны
до невѣроятія въ военномъ, они не знали ни
броней, ни каменныхъ укрѣпленій. Забавно
было предпріятіе Семигаловъ, веревками ста-
щить въ Двину каменный замокъ, построенный
Мейнгардомъ, проповѣдникомъ въ Икскулѣ
(Икескола).

Ни одинъ с[illegible]нъ повѣствова-
тель изъ средъ[illegible] передалъ под-
виговъ своего[illegible]оздимъ. Слав-
ныя дѣла их[illegible]ею дней, быв-
шихъ свидѣт[illegible]враговъ ихъ,
Нѣмцевъ, со[illegible]немногія имена
героевъ Ливон[illegible]ижникъ Альберта, и Дабрель (изъ Торейды, т. е. Трейдена) были воеводы Ливскіе. Русинъ (изъ Сотекла), Варидотъ (изъ Антина) и Талибальдъ (изъ Беверина) были Летты, а Лейбитъ (изъ Леаля) Эстонецъ. Сей послѣдній въ 1214 году поднялъ всю Эстонію противу пришлецовъ Германскихъ; погромилъ окрестность Риги, заперъ Двину копьями, спалилъ землю измѣнниковъ Леттовъ. Но мечъ судьбы обоюду остръ, Рамеко и Дурвалдъ, сыновья несчастнаго Талибальда, замученнаго Эстами, подъ знаменемъ рыцарскимъ, отмстили сторицею смерть отца и сродниковъ, на самомъ Лейбитѣ

и его вѣрныхъ. Болѣе ста начальниковъ и многія тысячи Эстовъ погибли на кострахъ или въ мученьяхъ жестокихъ.

Я прежде замѣтилъ уже, что Эстонцы теперь исправляются нравственностію; но образъ платья, различный отъ Финскаго, и домашней жизни, не много измѣнились, кажется, отъ временъ первобытнаго ихъ состоянія.

Свѣтлая ночь озаряла башни Нарвскія; длинныя тѣни лежали по долинамъ снѣжнымъ. Подъѣзжая подъ мрачныя ворота, которыя вторили гуломъ топоту коней, я вспомнилъ послѣднюю осаду Нарвы, и, казалось, видѣлъ героя Шереметева съ мечемъ въ рукѣ, когда онъ, ступивъ одною ногой на боевую лѣстницу, обращается къ адъютанту Петра Великаго и хладнокровно отвѣчаетъ на приказъ его отступить: Скажи Государю, что я принадлежу теперь не ему, а потомству; впередъ! И Русскіе на стѣнахъ города; но бой еще горѣлъ въ срединѣ его; Шведы сѣклись и стрѣлялись съ нашими на улицахъ, въ домахъ, повсюду. Я прошелъ до ратуши, въ которую Великій Петръ влетѣлъ съ мечемъ въ рукѣ, и, говорятъ, въ пылу гнѣва ударилъ въ щеку коменданта. — Глупецъ! вскричалъ онъ ему, по-

вергал на столъ мечъ свой. Смотри, на немъ кровь моихъ подданныхъ, пролитая за васъ! Ты предвидѣлъ всѣ ужасы приступа, зналъ, что не можешь удержаться и безполезно подвергъ невинныхъ гражданъ ярости непріятеля!

Противъ ратуши я [illegible] узналъ гостепріимный домъ [illegible]а, гдѣ провелъ столь пріятный [illegible]ый Русскій путешественникъ [illegible]писатель своего путешествія.

На темной [illegible]ѣ собора и въ окнахъ строе[illegible] полнаго мѣсяца. Улицы [illegible]ше и чище Ревельскихъ; домы правильнѣе и единообразнѣе. Спустившись подъ высокій мостъ, ведущій на Вышгородъ, мы доѣхали до второй заставы, выѣхали изъ такъ называемыхъ Водяныхъ воротъ на мостъ Наровскій — и прекрасная картина открылась глазамъ нашимъ вльво и вправо. Огромные замки: Иванъ и Вышгорода, стоящіе на противуположныхъ берегахъ Наровскихъ; почернѣвшія высокія стѣны и зубчатыя башни ихъ, скалы и утесы, нависшія надъ рѣкою, и вся готическая древность военной архитектуры вселяютъ что-то мрачное и унылое.

лепа. Ливонскіе историки полагаютъ оную около 1221 года, но безъ всякаго основанія. Лербергъ, напротивъ того, говоритъ, что до 1280 года ничего не слышно было о семъ городѣ, и что въ первый разъ о немъ исторически упоминается въ актѣ (1321 года), подписанномъ королемъ Датскимъ Христофомъ II. Но если вѣрить первымъ, Нарва была дважды уступлена Орденомъ еще Вальдемару II, и очень естественно, что не Шведы, а Датчане построили оную. Иванъ-городъ построенъ Русскими, при великомъ князѣ Іоаннѣ Великомъ. Оба города переходили изъ рукъ въ руки, осады слѣдовали за осадами, битвы смѣнялись другими; изъ обѣихъ крѣпостей, стоящихъ на перелетъ стрѣлы, Русскіе грозили Нѣмцамъ, Нѣмцы тревожили Русскихъ. Наконецъ Шведы завладѣли Нарвою — но и при нихъ не однажды огонь нашъ палилъ внутренность города.

Завтра, чѣмъ свѣтъ — радуйтесь за меня, друзья мои — я ѣду смотрѣть водопадъ На-

СТАНЦІЯ ЧИРКОВИЦЫ.

9 Января.

на Нарвской станціи лошадь, я отпра-
рхомъ къ водопаду; скачу, и черезъ
минутъ останавливаю коня своего:

Тамъ, гдѣ гремучая Нарова
Съ утеса падаетъ крутова,
Сперва она, раскинувъ ледъ,
Къ порогамъ съ гордостью течетъ;
Вотъ ожемчуженной грядою
Толпится волны за волною
Въ стѣсненный, боязливый кругъ.
Вотъ близко пропасти, и вдругъ,
Сверкнувъ лучемъ хрустальной влаги,
Внизъ скачутъ полныя отваги,
И, прядая черезъ скалы,
Играютъ въ красотѣ чудесной

Отливомъ радуги небесной,
Огнями громовой стрѣлы;
Вотъ въ бурные слились валы
И съ грохотомъ алмазну стѣну,
Упавъ, разбрызгиваютъ въ пѣну.
Громами падающихъ водъ
Двоитъ сной шумъ водопоротъ,
И берегъ одичалый роя,
Парома грозная шумитъ
И снова, чуждая покоя,
Въ затворахъ мельницы кипитъ.

Рѣка нападая дѣлится на двое и образуетъ островъ, на которомъ стоятъ двѣ пильныя мельницы. Голова кружится, внимая шуму волнъ: онѣ стопутъ, разбиваясь о кремнистые утесы, стелются на нихъ вешлесками, и съ пѣною, съ ревомъ текутъ, стрѣлой несутся далѣе. Рыболовы увѣряютъ, что подъ наклоненными скалами порога есть пещеры, недоступныя водѣ. Многіе смѣльчаки пробирались туда сквозь бой водопорота и безвредны возвращались назадъ. Но посмотрите снова на водопадъ:

Струи, свергаясь пеленою,
Какъ бы играютъ межъ собою;
То брыжжутъ золотымъ сноповъ,
То гнутся радугою смѣлой,
То вспыхнувши цвѣтнымъ лучомъ,
Летятъ и гаснутъ въ пѣнѣ бѣлой.

И это еще не все, друзья мои! Вспомните,

что театръ редставляетъ морозъ въ 15 градусовъ, что солнце отражается въ тысячахъ разновидныхъ ледяныхъ кристалловъ:

Тамъ видѣнъ зеркаломъ пядь,
Оледенѣлый водопадъ;
И цѣпи мхомъ, и плющъ печальной
Корой подернуты кристальной;
Гра[illegible]азъ;
С[illegible]ь, съ нѣтней долины
К[illegible]ины,
[illegible]гъ глазъ.
[illegible]:
[illegible]ы,
[illegible],
[illegible]въ содроганье,
Скрипъ колесъ, жужжанье пилъ,
Свершили чувствъ очарованье,
И мнилось мнѣ, что взмахомъ крылъ,
По манію волшебной трости,
Я занесенъ къ Армидѣ въ гости
Или въ чертогъ безплотныхъ силъ.
И въ пурпуры сліянный тучи,
Кругомъ отъ брызговъ дымъ летучій,
И волнъ серебряный туманъ,
Все обольщенье уловляло,
И все въ мечтателѣ питало
Души оптическій обманъ.

Однако, я замѣтилъ, что мое воображеніе, привычное только летать, а не плавать, опустило мотыльковыя крылья свои, и отъ того, можетъ быть, замѣтите вы, что и поэзія моя

упала на точку замерзанія. — Отдаляясь отъ водопада, я не уставалъ любоваться имъ. Вдругъ печальное воспоминаніе о несчастіи одного изъ предковъ моихъ, какъ тучей набѣжало на довольную мысль мою . . . . . .

Медленно, съ грустною душой удалился я отъ пороговъ, и далекій шумъ водопада пробуждалъ въ памяти моей отголосокъ давно и недавно минувшаго.

— Тебя ждутъ, сказалъ генералъ, и мы помчались впередъ, и вотъ уже въ Чирковицахъ, за 4 станціи до Петербурга.

Что скажу я о дорогѣ и станціяхъ? И Русскіе и Нѣмцы брали съ насъ — какъ и вездѣ — дорого: это не мудрено; но, случалось, кормили весьма худо — и это непріятно. Любезные земляки наши и Эстонцы не упускали случая стянуть, что плохо лежало; но пропажа была только въ первую дорогу; теперь же все въ цѣлости — не вѣдаю, чему приписать такой феноменъ! Или мы стали осторожнѣе, или проводники честнѣе.

Въ гостинцы вамъ, друзья мои, везу нѣсколько рогулекъ Ревельскихъ. — Что это за вещь? спросите вы. По правдѣ сказать, не слишкомъ знаменитая; она, не менѣе и не бо-

лѣе какъ булка; но если вы примете на себя трудъ разсмотрѣть ее съ почтеннымъ собирателемъ древностей, Г. Х-мъ, въ характеристическомъ отношеніи, то и она по угловатой готической фигурѣ своей займетъ не послѣднее мѣсто между сайками и калачами, и, вѣроятно, составитъ историческое звѣно происхожденія народовъ.

КРАСНОЕ СЕЛО.

8 часовъ вечера.

Спутники наши поѣхали на Царское Село, а мы съ братомъ пьемъ здѣсь чай. Еще два часа, и я въ Петербургѣ! Чѣмъ ближе подъѣзжаю къ нему, тѣмъ болѣе желаю свидѣться съ друзьями и родными! тѣмъ сильнѣе бьется ретивое! — Хорошо въ гостяхъ, говоритъ пословица, но гдѣ лучше, какъ не дома. Такъ взлетѣвшая къ верху стрѣла возвращается даже отъ неба яснаго, и, быстрѣй, быстрѣй несется къ родной землѣ.

Сижу подъ окномъ и размышляю о будущемъ, вспоминая былое. Мнѣ пришло въ мысль, какъ, полтора года тому назадъ, во время маневровъ, я чуть не утонулъ, неподе-

леку отсюда. Возвращаясь верхомъ изъ Краснаго Села часовъ въ десять вечера, и желая проѣхать ближнею дорогою въ деревню, гдѣ кантонировалъ нашъ эскадронъ, я потерялъ бойную тропинку и ѣхалъ на удачу. Вы знаете, что Петербургъ окруженъ подземными болотами, на которых[illegible] жи и растенія образуютъ [illegible]ву. Не замѣчая, что конь м[illegible]рываться, я понуждалъ его [illegible] — наконецъ онъ прыгнулъ [illegible] — осѣлъ; обманутый травою [illegible]рехъ шагахъ найти берегъ, и [illegible]вилъ его прыгнуть впередъ, [illegible] поздно уже я замѣтилъ несчастіе [illegible]вою, голосъ мой исчезъ бы въ пустой окружности — и я зналъ это! Холодный потъ выступилъ на лицѣ, волосы поднялись дыбомъ; въ воображеніи моемъ изобразились всѣ разсказы о подобныхъ несчастіяхъ — конь мой рвался и бился; вода фонтаномъ брызгала изъ пробоинъ и клокотала подъ корою — окружность колебалась, бездна засасывала. Умирать такимъ образомъ и въ такія лѣта — ужасно!

Наконецъ я спрыгнулъ съ коня моего, и, ежеминутно обрываясь самъ, не желая однако же бросить на погибель товарища моего несчастія, ободрялъ его голосомъ и пово-

домъ, и вотъ ступилъ съ радостнымъ біеніемъ сердца на твердую землю. Вообразите, какой праздникъ для меня, какая холя копю моему!

Зачѣмъ, подобно Руссо, не могу я переливать чувствъ своихъ въ мысли, а мыслей въ краснорѣчіе? Тогда бы разсказъ мой развился лентою самоцѣтною! Но какъ бы то ни было, вотъ перечень трехнедѣльнаго моего существованія, каковъ онъ есть, каковъ я былъ. Можетъ статься, друзья мои, лѣтъ черезъ двадцать, можетъ и ранѣе, когда соберемся въ кружокъ по старинному, когда вздумается кому нибудь развернуть эту, вамъ посвященную, тетрадь разныхъ моихъ заблужденій, и когда улыбка воспоминанія порхнетъ на лицѣ моемъ — вѣрно холодный опытъ, заглянувъ черезъ плечо, скажетъ: — Ты во многомъ ошибался, тутъ много пустаго.

ПИСЬМА ИЗЪ ДАГЕСТАНА.

Дербентъ, 1-го сентября 1831 года.

Куда вы больно затѣйливы, любезные мои пріятели: пиши вамъ и часто, и много; описывай всю подноготную, и гдѣ, и какъ, и почему? Да что я вамъ за Саллюстіусъ, что за Комини! Мое дѣло сказать вамъ: вотъ что я видѣлъ, вотъ что мнѣ извѣстно . . . Но много ли увижу я чрезъ стволъ моей стальной зрительной трубки, много ли узнаю въ цѣпи стрѣлковъ на пикетѣ, въ *секретѣ?* — Я могу довольно вѣрно изобразить вамъ уголокъ картины, у которой пороховой дымъ служитъ горизонтомъ и рамами, но не спрашивайте у меня цѣлой панорамы, еще менѣе пла-

новъ сраженій и походовъ. На это не станетъ у меня ни средствъ, ни умѣнья, ни досуга.

Но вѣдь надобно же и васъ потѣшить; надобно же хоть сколько нибудь познакомить васъ съ театромъ Дагестанской войны. И такъ разогните карту Кавказа. Рѣки: Самбуръ (по-Русски Самура) и Койсу (при устьѣ раздѣляющаяся на рукава Аграханъ и Сулакъ), разбѣгаясь съ хребта, первая на юго-востокъ, другая на сѣверо-западъ, образуютъ огромный неправильный треугольникъ, пересѣченный параллельно берегу Каспія хребтомъ Салатавъ и его продолженіемъ. Верхъ этого треугольника заселенъ Лезгинскими племенами, извѣстными подъ общимъ именемъ Тавлинцевъ (отъ тавъ, гора); трапеція же, омываемая моремъ, занята Кумыками, Дженгутайцами, Каракайдахцами, Табасарацами. На самомъ хребтѣ съ юга живутъ вольные Табасарацы, за ними Акушинцы—внутрь горъ Аварцы, за ними по прямой линіи очень близокъ и Тифлисъ. Нынѣ, для управленія, къ Дагестанскому округу присоединенъ и Бакинскій округъ, такъ, что граница Дагестана, т. е. *страны горъ*, касается теперь Ширвани. Города: Тарки, Дербентъ, Куба — вотъ три оси, около которыхъ должны вертѣться колеса нашего разсказа . . . Покатимся.

Поэта Ермолова, Горскіе народы не смѣли подняться на Русскихъ и въ смутное время 1826 и 1827 годовъ, когда войска Аббасъ-Мирзы проникли до самой Самбуры, и все Засамурье подымалось съ ними за одно. Этому, правда, способствовало разновѣріе. Персіяне [illegible] Шаги, а всѣ Горцы Суннит[illegible]ть другъ друга на смерт[illegible]ніи, глядя на удачные разб[illegible]въ, Чеченцевъ и Черкесъ, [illegible]ны, около Кахетіи живущ[illegible]крѣпости Закаталъ въ серд[illegible]огихъ трудовъ и крови. Мало по малу духъ мятежа, грозимаго карою, проникъ и въ край давно покоренный, въ Дагестанъ. — Появленіе дерзкаго проповѣдника, Кази Муллы, сосредоточило, дало религіозный характеръ мятежу, хотя настоящія тому причины давно тлились подъ пепломъ страсти къ хищничеству. Стоитъ сказать слово объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ, занимающемъ всѣ базары Кавказа вѣстями о своихъ дѣлахъ или замыслахъ, про котораго поютъ женщины, качая ребенка, и ребята пугаютъ другъ друга.

Кази-Мугаммедъ родомъ Койсубулинецъ,

его былъ бѣглый Русскій солдатъ. Ребячество свое провелъ онъ въ Гимри, въ селеніи, лежащемъ на южномъ обрывѣ Салатава, прямо противъ Эрпилей. Бѣдникъ, подобно всѣмъ своимъ соотечественникамъ, возилъ на ослѣ виноградъ въ шахмальскія деревни, для промѣна его на пшеницу. Эта кочующая жизнь дала ему подробное познаніе мѣстностей — и онъ мастерски пользуется имъ противъ насъ. Въ послѣдствіи онъ отданъ былъ учиться грамотѣ къ одному муллѣ въ с. Бирикей (оно лежитъ при устьѣ Бугама). Мулла этотъ, замѣтивъ въ Кази-Мугаммедѣ необыкновенное прилежаніе и смышленность, послалъ его къ извѣстному ученостію кадію Мугаммѐду, во владѣніе Аслань-Хана Кази-Кумыкскаго. У него-то изучивъ Арабскій языкъ, напоря онъ духомъ мусульманскаго изувѣрства и нетерпимости. Скоро почитая или выдавая себя за вдохновеннаго свыше, Кази началъ проповѣдовать ненависть и возстаніе на невѣрныхъ. Аслань-Хану, человѣку равно властолюбивому, какъ далекому фанатизма, не понравилось это хозяйничанье въ его владѣніи; онъ выгналъ оттуда съ бою и учителя и ученика, говоря, что мусульманамъ за глаза довольно одного Мугаммеда. Это случилось въ 1821 году; съ той поры Кази притихъ, и въ немъ самомъ затихли, ка-

жется, надежды на извѣстность. Обстоятельства отростили имъ крылья.

Въ 1830 году, Западные Горцы начали производить свои набѣги. Другъ передъ другомъ рвались они отличиться; но въ Дагестанѣ, въ которомъ Кази-Мугаммедъ началъ уже дѣйствовать черезъ [illegible]ія, подговоры и обѣты, ни[illegible]роизошло . . . рѣка роптала [illegible] еще не выступала изъ бер[illegible]гестанцами висѣлъ, какъ [illegible]нусъ, сначала подъ коман[illegible]анта князя Эристова, потом[illegible]нта барона Розена 2-го. Только жители [illegible]миръ-Ханъ-Шуры, подвластные шамхалу, ушли изъ домовъ своихъ, и порой, почью тревожили перестрѣлкою лагерь, близъ деревни ихъ расположенный. Войска сдѣлали только рекогносцировку на Гимринскую гору, почевали въ снѣгу, полюбовались на разсѣянные въ Койсубулинскомъ ущельѣ деревни; стрѣлки прожѣняли нѣсколько пуль съ сторожевыми Горцами; артиллерія для опыта бросила нѣсколько гранатъ: онѣ всѣ лопнули на воздухѣ, ибо круть и глубина обрыва дѣлаютъ прямые выстрѣлы невозможными. Войска возвратились въ лагерь къ Шурѣ; осенью, 14-я дивизія возвра-

разошлись по своимъ штабъ-квартирамъ*. Зиму все было спокойно: почты ходили очень вѣрно отъ Кубы до самаго Кизляра; путники ѣздили по одиначкѣ; но съ появленіемъ подножнато корма, этого элемента наѣздниковъ, всѣ жители поморья начали уклоняться отъ своихъ обязанностей. Тамъ и сямъ совершались убійства . . . волненіе стало замѣтнѣе; наконецъ Наврузъ-Бекъ, одинъ изъ старинныхъ Дагестанскихъ наѣздниковъ, долго бывшій дружителемъ Русскихъ, и находившійся подъ слѣдствіемъ за дурное управленіе ввѣренныхъ ему деревень, бѣжалъ изъ Дербента съ удалыми сыновьями своими, набралъ шайку, напалъ на разсѣянныхъ въ лѣсу косцевъ Куринскаго полка, и вырѣзалъ многихъ измѣннически. Въ скоромъ времени поднялись и Каракайтахцы, ибо жители многихъ деревень были участниками сего разбоя. Кази-Мулла почти тогда же явился въ Дагестанѣ съ сильнымъ войскомъ Тавлинцевъ и Чеченцевъ; владѣнія шамхала подняли оружіе.

Трудно себѣ вообразить, какъ легко взбунтовать Азіятцевъ! Самые нелѣпые слухи, самыя невѣроятныя надежды, самые несбыточные обѣты идутъ у нихъ за чистое золото. И

* Одинъ батальонъ Куринскаго полка зимовалъ въ с. Казанищи.

что мудренаго! Люди, для которыхъ нѣтъ ни *вчера*, ни *завтра*, и отъ того ни опытности за минувшее, ни расчета на будущее; люди, которые не видятъ и въ настоящемъ того, что есть и какъ оно есть, а того менѣе, какъ оно быть должно; люди, которымъ Богъ далъ довольно ума, но обстоятельства не развернули ни сколько разума — очень легко мѣняютъ вѣрное на невѣрное, болѣе любятъ ружье, чѣмъ заступъ, и охотнѣе переносятъ нужду, чѣмъ трудъ. Правду сказать, Азіятцу не много терять. Сакля его безъ потолка; онъ кроетъ ее тростникомъ. Половина хлѣбовъ и луговъ его вытоптана; онъ продастъ въ тридорога остальное — и сытъ и правъ. Напѣвая себѣ боевую пѣсенку, онъ чиститъ винтовку въ глазахъ Русскаго постояльца. При томъ въ каждомъ Азіятцѣ неугасимъ какой-то инстинктъ разрушительности: для него нужнѣе врагъ, чѣмъ другъ, и онъ повсюду ищетъ первыхъ. Не то, чтобъ онъ ненавидѣлъ именно Русскихъ: онъ находитъ только, что Русскихъ выгоднѣе ему ненавидѣть, чѣмъ сосѣда, а для этого всѣ предлоги кажутся ему дѣльными. Разумѣется, умные мятежники пользуются всегда такою наклонностію, и умѣютъ знаменемъ святыни покрывать и связывать мелочныя страсти. Надо примолвить, что война съ

Полякам отозвалась и въ горахъ, дать Горцамъ, если не надежду на успѣхъ, то охоту къ долгой безкарности. Кавказъ шевелился: ему вздумалось стряхнуть съ хребта своего нашихъ великановъ . . . не горячись, голубчикъ! — Въ 1831 году скопища Кази-Муллы принимали видъ болѣе и болѣе грозный. Небольшой отрядъ Русскихъ, дважды выступая изъ лагеря подъ Кяфиръ-Кумыкомъ, успѣлъ разбить шайки возмутившихся жителей. Въ половинѣ мая генералъ-маіоръ Таубе проникъ въ ущелье къ д. Атлы-буйны *, имѣлъ жаркое дѣло съ Кази-Муллою, но возвратился безъ успѣха на линію. Тогда, какъ горные потоки, хлынули къ Таркамъ Лезгины и залили всю окрестность. Нѣсколько сотенъ храбрыхъ защищали огромную крѣпость Бурную, висящую надъ Тарками; но они были отрѣзаны отъ моря и отъ горъ . . . Отрядъ генерала Коханова громилъ въ то время деревни измѣнниковъ, но между имъ и Тарками шумѣли волны измѣны. Сношенія были невозможны.

Тарковскіе жители клялись, какъ обыкновенно, быть вѣрными власти законной, и, какъ обыкновенно, стоптали свою клятву. Въ ночи на 26-е мая, Кази-Мулла съ своими вой-

* Атлы-буйны на прямикъ отстоитъ 13 отъ Тарковъ.

сами вступилъ въ городъ тихомолкомъ; на разсвѣтѣ жители, подъ предлогомъ бѣгства отъ приближающагося врага, подкатили арбы съ нагорной стороны близко къ крѣпости, подъ защитою оныхъ кинулись къ стѣнамъ первые, не смотря на пальбу съ блокгаузовъ, и въ одинъ мигъ заняли стрѣльницы. Вложивъ въ каждую [illegible] у ружей по пяти, они поражали [illegible] хотѣлъ приблизиться . . . [illegible] кинжаловъ на удары штык[illegible] вырывали другъ у друга ружи[illegible]казать, что въ самой крѣпости [illegible]ть, и потому воду наносить въ [illegible]крутой дорогѣ, насѣченной въ [illegible]ота прикрыта стѣнкою съ зубцами; [illegible]льныя башни служатъ ей для боковой обороны. Не много выше, на поворотѣ дороги, стоялъ пороховой погребъ: на него-то устремились мятежники густыми толпами, чтобы однимъ ударомъ лишить гарнизонъ и воды и снарядовъ. Предпріятіе ихъ увѣнчалось успѣхомъ. Закрытые самою стѣнкою отъ выстрѣловъ пушечныхъ, они разломали оную, отбили двери погреба, и съ криками побѣды ворвались туда на дележъ патроновъ; другіе, упоенные удачею, поползли какъ змѣи выше — участь Бурной висѣла на волоскѣ . . . но вдругъ граната, рѣ-

шительно брошенная съ крѣпости, лопнула въ самыхъ дверяхъ погреба . . . этотъ мигъ былъ ужасенъ! . . . Утесъ дрогнулъ какъ листъ, громъ разорвалъ ухо, и черный столбъ, разсѣченный пламенемъ, взвился подъ облака . . . Камни и трупы вращались въ дымномъ вихрѣ, страшно чернѣя на заревѣ, и вдругъ этотъ столбъ развѣтвился широко, и, подобно адскому водомету, брызнулъ на землю изорванные, опаленные остатки взрыва. И все еще трепетало, шумѣло, звучало кругомъ; камни катались сами собою, стекла разсыпались въ пыль, затворы скрежетали, и пепельный дождь, перемѣшанный кровавыми членами, летѣлъ изъ воздуха.

Ужасъ, объявшій всѣхъ, для Русскихъ длился минуту. Маіоръ Оедосѣевъ, коммендантъ и воинскій начальникъ въ Бурной, предпринималъ и предъ симъ двѣ смѣлыя, хотя гибельныя вылазки, чтобы отбить воду. Онъ выслалъ третью, когда еще не опалъ дымъ взрыва. Солдаты наши, врѣзавшись между оглушенныхъ враговъ, кололи ихъ безпощадно, кровь лилась на кровь: но обезумѣлые Горцы кидались впередъ и гибли то на штыкахъ, то на острыхъ камняхъ, сброшенные съ крутизны. Это происшествіе ободрило осажденныхъ, усмирило на время осаждающихъ.

Ночь пала, но она не прекратила перестрѣлки. Горцы, выжитые продольными выстрѣлами изъ-подъ стѣнъ, заняли высоты, владѣющія крѣпостью, и били по бойницамъ на выборъ. Пули летали даже внутрь домовъ; раненые не были безопасны въ постеляхъ.

Между тѣмъ недостатокъ воды поджигалъ жажду. Плачъ женщинъ и жалобный ревъ четвероногихъ [illegible] тоску на самое безстрашное сер[illegible]ы и клики угрозъ и поврем[illegible]аздавались кругомъ крѣпости[illegible]шку уныпія, въ ней царствую[illegible]ть былъ неусыпенъ, гарнизо[illegible] что могла сдѣлать горсть л[illegible]исячъ, безпрестанно возраста[illegible]ъ едва ставало на пятую часть [illegible]жда возрастала, а отрядъ Богъ вѣсть гдѣ. Къ счастію, одинъ Татаринъ, изъ числа преданныхъ шамхалу, скрывшемуся въ крѣпости, взялся доставить вѣсть объ осадѣ генералу Коханову. Поутру онъ, показывая видъ, будто бѣжитъ изъ Бурной, спрыгнулъ со стѣны: по немъ открыли холостую пальбу; онъ удалялся, отстрѣливаясь, и наконецъ скрылся въ кустарникахъ, въ рядахъ вражескихъ. Сердце у каждаго солдата билось страхомъ и ожиданіемъ. Пройдетъ ли онъ? Дойдетъ ли онъ? Не измѣнитъ ли самъ?

Поверять ли ему? . . . День минулъ въ перестрѣлкѣ. Сонъ не смыкалъ очей осажденныхъ.

На третье утро съ крѣпости увидѣли, что Горцы, раздраженные безумолчнымъ огнемъ башни, стоящей внизу на водяной дорогѣ, и совершенно отлученной отъ всякой помощи, набросали на потолокъ ея дровъ, обложили вокругъ хворостомъ и сбираются сжечь и сжарить заживо заключившихся тамъ 12 человѣкъ солдатъ, которые рѣшились погибнуть скорѣе, чѣмъ сдаться. Участь, ожидавшая этихъ безстрашныхъ, была ужасна. Товарищи видѣли ихъ бѣдствіе, и не могли помочь имъ! . . . Нѣсколько головней, брошенныхъ на кровлю, закурились . . . Звѣрскіе крики радости огласились въ толпахъ осаждающихъ — но желѣзныя двери распахнулись внезапно, и маленькій гарнизонъ ринулся по дорогѣ внизъ къ водяной башнѣ, гдѣ другая кучка храбрыхъ отстрѣлялась отъ безпрестанныхъ нападеній, хотя и потеряла своего офицера. Одинъ убитый и трое раненыхъ заплатили за это счастливое переселеніе; но остальные спаслись отъ страдальческой смерти, тѣмъ вѣрнѣйшей, что у нихъ не было уже ни зерна пороху.

Если-бъ Кази-Мулла былъ опытнѣе, и попы его рѣшительнѣе, Бурная не могла бы

устоять, не смотря на львиную храбрость гарнизона. Съ нагорныхъ сторонъ стѣны такъ низки, что враги могли бы штурмовать ихъ съ плечъ товарищей, и такъ обширны, что если бы повели атаку со всѣхъ фасовъ, малочисленный гарнизонъ не зналъ бы, куда кинуться для отпора. Но блокгаузы ли, зажѣгающіе бо[illegible]рцевъ, или вели они напа[illegible]ь того, что имъ ближе бы[illegible]рода, только они будто на[illegible]на самую неприступную [illegible] разъ порывались отбить в[illegible]ли отражаемы съ урономъ, [illegible]напутье пулями и картечью. Но солнце клонилось къ западу и съ нимъ западала надежда осажденныхъ. Нѣтъ какъ нѣтъ отряда! Нѣтъ какъ нѣтъ спасенія! Нережетчики принесли вѣсть, что къ утру Кази-Мулла назначилъ рѣшительный приступъ, что Лезгины вяжутъ фашины и лѣстницы. Русскіе готовились умереть, не выдавая оружія, и въ этотъ мигъ услышали звукъ перестрѣлки, вторимый эхомъ горъ. Можно ли представить себѣ, не только описать другимъ, этотъ переходъ отъ отчаянія къ радости! Была уже ночь, когда Русская граната разсыпалась звѣздой спасенія — громъ пушекъ и ура!

ночевали на оружіи! Судьба потрясала жребіями боя и смерти въ таинственной урнѣ. Солнце встало кроваво, какъ боевое знамя; всѣ видѣли восходъ его; но сколь многимъ не суждено было видѣть его заката! — Я уже описалъ вамъ Тарковское сраженіе; вы сами можете вообразить чувства, волновавшія осажденныхъ, когда увидѣли они малочисленный отрядъ идущій въ неровный, сомнительный бой съ непріятелемъ, скрытымъ въ стѣнахъ, въ пятеро сильнѣйшимъ. Но чего, но кого не одолѣютъ Русскіе? Разбитый Кази-Мулла бѣжалъ, ночью, пѣшій. Но онъ не унылъ духомъ . . . Скоро узнали мы, что онъ въ теченіе 8 дней осаждалъ въ Чечнѣ крѣпость Внезапную, и вѣрно бы взялъ ее, истомивъ жаждою, если бъ не подоспѣлъ генералъ Бековичъ на выручку. 19-го іюня, генералъ Кохановъ разбилъ вблизи Тарковъ еще разъ мятежниковъ. Горцы вздумали напасть на Русскихъ середи бѣла-дня и почти на открытомъ мѣстѣ. Ихъ, какъ водится, обошли, подпустили на полкартечный выстрѣлъ и разнѣяли въ прахъ. Вотъ уже правда, что они отъ дыханія пушекъ летятъ какъ «пухъ отъ устъ Эола.» — Больше всѣхъ досталось тутъ Мехтулинцамъ, подручникамъ Ахметъ-Хана, которые еще въ Тарковскомъ дѣлѣ дрались

съ нами за одно, и потомъ пристали къ мятежникамъ.

22-го августа было дѣло въ Казанищахъ. Вы его знаете изъ моихъ писемъ. Въ промежуткахъ отрядъ жегъ деревни; въ послѣдствіи онъ сталъ лагеремъ близъ селенія Губденъ: это лучшая наблюдательная точка; тутъ ворота горъ и оттуда равное разстояніе до Тарковъ и Дербента, но два усиленныхъ перехода въ каждое. Въ это время я былъ въ Дербентѣ.

Между тѣмъ искры мятежа, раздуваемыя Кази-Муллою, вспыхнули пламенемъ въ вольной Табасарани. Вслѣдъ за ними взволновались и владѣнія Ибрагимъ-Бека Карчахскаго, наслѣдника Майсумовъ (князей) Табасарани, человѣка издавна преданнаго Русскимъ. Это принудило генералъ-адъютанта Панкратьева, главноуправляющаго Закавказскимъ краемъ, по отбытіи графа Паскевича-Эриванскаго въ столицу, отрядить для усмиренія Табасарани, два батальона 42-го егерскаго полка, съ нѣсколькими сотнями Ширванской конницы. Отрядъ этотъ порученъ былъ храброму полковнику Миклашевскому, тому самому, который въ 1828 году съ цѣпью стрѣлковъ сбилъ Турокъ съ Топдагскаго кладбища, втоптавъ ихъ въ ворота Карса, ворвался съ ними вмѣстѣ внутрь

и былъ главнымъ виновникомъ внезапнаго взятія этой крѣпости. Онъ промчался грозой по Табасарани, по непроходимымъ лѣсамъ и крутизнамъ; имѣлъ сраженіе на горѣ Гарбакурани, при Каруль-Гуа, при Петаринъ-Гирве, спалилъ девять селеній, покорилъ новый магалъ, заставилъ присягнуть старшинъ прочихъ — но вдругъ отозванный въ Ширвань, ушелъ изъ Дагестана*. Экспедиція его продолжалась 15 дней; но долго будутъ помнить въ горахъ Кара-Полковника (т. е. чернаго), какъ называютъ его Горцы.

Въ это самое время слухи о намѣреніи Казы-Муллы напасть на Дербентъ, возросли до вѣроятія. По вечерамъ Татары тѣснились въ кружки по перекресткамъ и базарамъ; женщины, встрѣчаясь на улицахъ, восклицали: «Ваксей джанъ джюванъ — на варъ, на олуръ?» (Ахти, молодушка! что слышно, что-то будетъ!) и нерѣдко присѣвши на корточки, забывали закрывать лица отъ прохожихъ. Мальчишки, прыгая на одной ногѣ, напѣвали: Кази-Мулла геляды (идетъ)! Взадъ и впередъ возили пушки, снаряды. Русскія кумушки тащили, какъ муравьи, свою рухлядь въ крѣ-

* Тому причиной были сборища Турецкихъ войскъ

ность . . . въ городѣ кипѣла какая-то мрачная дѣятельность. Мнѣ все это казалось очень забавно: стоитъ ли жизнь такихъ хлопотъ? думалъ я, и преспокойно закуривалъ фитилемъ трубку.

Желая однако жъ узнать мнѣнія Дербентцевъ, преданности [illegible] признаться, мало вѣрилъ, я [illegible] учивъ папахъ на брови, закут[illegible]ю чуху, вмѣшивался въ тол[illegible]лся къ народнымъ толкамъ.

— Ему ли [illegible] прійти сюда! говорили иные [illegible] кивая съ гордостью красны[illegible]му чета былъ Русскій сардарь [illegible], да простоялъ же подъ Дербентомъ цѣлую зиму. Съ той стороны баттареи, какъ начнутъ жарить, такъ бывало у земли лихорадка дѣлается, а бомбыто, бомбы! Какъ ударится одна о другую въ воздухѣ, да и упадутъ наземь; въ большой мечети штукъ пять нашли сплющенныхъ, сло-

---

* *Золотая-нога* — такъ называютъ Дагестанцы гр. Валеріана Зубова. Они никакъ не вѣрятъ, что политическія перемѣны въ Россіи, въ слѣдствіе чего Зубовъ былъ отозванъ въ столицу, а вовсе не храбрость Дербентцевъ, были причиною зимовки Русскихъ въ 20 верстахъ отъ города. Весною городъ сдался, едва построили первыя баттареи. Это было

вно блюда. Да и то, если бъ *мы сами* не захотѣли выгнать хана, ничего бы не взяли Русскіе. Про старинное нечего и поминать: сколько разъ подступали сюда и Горцы, и Индѣйцы, и Крымцы — да грязь стѣли!

— Сожгу и гробъ отцевъ, да и прадѣдовъ этого Омарова отродья! говорилъ другой, недавно, что задумалъ *онъ!* Всѣмъ, кто постарѣе — головы долой, кто помоложе, въ плѣнъ, а женщинъ нашихъ по рукамъ разобрать! . . . Говорятъ, ужъ приказъ далъ своимъ, все золото съ женскихъ монисть ему принести, когда будутъ грабить Дербентъ, а другое прочее что кому попало*. Проклятый недоучекъ, да еще насъ же не считаетъ мусульманами и они, говоритъ, хуже гяуровъ! . . .

— Плюю на бороду этого Тази-Муллы* и друзей его, и разбойниковъ его! воскликнулъ третій, выставляя ручку кинжала въ оправѣ съ блестящей насѣчкою. Пусть только лопатники Аварцы покажутъ сюда носъ, такъ мы имъ дадимъ себя знать!

Но между этой хвастни появлялъ и голосъ сомнѣнія, чтобъ не сказать, страха. Купцы, которые подъ миродатнымъ званіемъ Рус-

---

* Это истина. Такими-то обѣщаніями наиболѣе прельстились Горцы.

* Тази — собака. Игра словъ, вмѣсто Кази.

скихъ давнымъ давно отвыкли отъ оружія, оглядывались назадъ, и поговоривали что Русскихъ здѣсь черезъ чуръ мало; что микелляры ** городскіе въ сношеніяхъ съ Кази-Муллою, что они пожалуй впустятъ его ночью; что городскія стѣны кругомъ шесть верстъ, а въ городѣ нѣтъ народа на осьмую часть этой длины, и у половины взрослыхъ нѣтъ ружей! Иные толковали даже, что конницею можно вбрести въ море, объѣхать стѣны и ударить съ открытой стороны . . . Всѣ горы опрокинутся на насъ! говорили самые робкіе. Абдурзахъ-кади, Исса-бекъ, Шамарданъ-бекъ и другіе окрестные владѣльцы давно таятъ измѣну, давно звали сюда Кази-Муллу, и теперь уже явно пристали къ нему. Отъ генерала Коханова мы отрѣзаны. Кара-полковникъ ушелъ въ Ширвань, а того и смотри, что Асланъ-ханъ нагрянетъ за одно съ нашими врагами. Говорятъ же, что и Акуша и Аварія подымаются!

Въ этихъ рѣчахъ было много правды.

** Такъ зовутъ суннитовъ Дербентскихъ. Шагиды, по ненависти, клеветали на нихъ.

Наконецъ 19-го августа, верстъ за 15 отъ города, наѣздники Кази-Муллы завязали перестрѣлку съ Дербентскими разъѣздами черезъ рѣчку. Непріятель напиралъ — Дербентцы свились назадъ. Къ вечеру 3-й батальонъ Куринскаго пѣхотнаго полка оставилъ свои казармы, за 2 версты отъ города, выстроенныя на высотахъ Кефары, вступилъ съ барабаннымъ боемъ въ Дербентъ, и расположился на приморскихъ стѣнахъ. Крѣпость Нарынь-Кале занята была батальономъ Грузинскимъ линейнымъ No. 10-го, подъ командою маіора Ширятинскаго. Стѣны города во всемъ ихъ пространствѣ ввѣрены были защитѣ жителей.

Исправляющій должность Дербентскаго коменданта, сдѣлалъ заранѣе всѣ нужныя распоряженія. Мѣста по фасамъ были расписаны для дѣйствія — точки сбора на случай приступа. Полуразрушенныя стѣны увѣнчаны наскоро грудною обороною изъ досокъ, изъ корзинъ съ землею, изъ хвороста. Ночь прошла въ ожида

И вотъ, у ста закурился дымъ по доро — это горѣли стоги сѣна. И взадъ и впередъ, взвивая кровли осыпаны были зри , разбросивъ по вѣтру чадр гали изъ дома въ домъ; вез и сабли; на углахъ крѣпости видѣлись въ высотѣ артиллеристы, заряжающіе орудія. Барабаны гремѣли. Городъ, не видавшій въ теченіе 30 лѣтъ ничего воинственнаго, превратился вдругъ въ боевой станъ. Въ 7 часовъ запылали Куринскія казармы въ Кефарахъ, и клубы чернаго дыма, какъ перья великанскаго шишака, осѣнили противулежащую гору. Первый подскакалъ къ башнѣ (когда-то сторожевой, на углу этой горы стоящей) статный Черкесъ, мелькнулъ на черномъ полѣ дыма, и будто улетѣлъ съ нимъ . . . за нимъ другой, третій . . . Дербентская конница, какъ стадо свиристелей,

шумя влетѣла въ ворота — и вотъ разсѣянныя толпы непріятельской пѣхоты показывались по всѣмъ дорогамъ и садамъ, вѣя бѣлыми значками. Пушка заревѣла съ крѣпости — ядро запрыгало между врагами, и клики вражды съ обѣихъ сторонъ огласили воздухъ. Надобно сказать, что Дербентъ сѣвернымъ бокомъ стоитъ надъ ущеліемъ, которое охватываетъ съ запада крѣпость опаго, Нарынь-Кале, и потомъ простирается въ гору. Крутой берегъ этого ущелія увѣнчанъ двумя башнями, когда-то сторожевыми, но теперь покинутыми. Эти башни были въ тотъ же мигъ заняты мятежниками, и изъ-за нихъ-то завели они перестрѣлку по стѣнамъ, по улицамъ, въ окна домовъ, и начали складывать изъ камней завалы (tranchée). Меня удивили и потѣшили четверо Дербентскихъ жителей; залегши на горѣ за камнями, они одни одинехоньки, на пистолетный выстрѣлъ отъ враговъ, оставались три битыхъ часа, и не давали высунуть носа изъ-за гребня холма своими мѣткими выстрѣлами: вотъ, что значитъ рѣшительность! Но между тѣмъ завалы росли. Лезгины какъ муравьи таскали по камню, сей часъ ложились за ними, и посылали къ намъ брань и пули. Въ нѣсколько часовъ обѣ башни были соединены стѣнкою, и въ бока разведены были

крылья (épaulements). Пальба не умолкала. Жители егоряча не жалѣли пороху: всякой хотѣлъ доказать свое удальство или усердіе . . . Ружечные выстрѣлы держали тактъ въ этой увертюрѣ . . . видъ былъ единственный.

Подъ вечеръ, въ слѣдъ за одинмъ капитаномъ, я сѣлъ [illegible] калъ къ морю провѣдать, что [illegible] Виноградные сады, перерѣза[illegible] и терновыми оградами, подх[illegible] вилоть къ стѣнамъ города. [illegible], непріятельскіе стрѣлки пы[illegible]ть шаговъ на 30. Всхожу на [illegible]злярскихъ воротъ — такая пальба, что неоу жарко! . . . Нѣсколько человѣкъ Лезгинъ хотятъ унести своего раненаго: на раненаго упалъ убитый, на убитаго третій. Горцы хотятъ выручить тѣла товарищей — все напрасно. Бѣдняга раненый бился подъ трупами, выбрался, поползъ, порвался перелѣзть черезъ плетень, и вновь пробитый многими пулями, повисъ поперегъ, какъ орденъ Златаго руна. Впередъ, впередъ! . . . чего жалѣть! Вотъ несутъ и Русскаго раненаго.

На основаніи разрушенной приморской башни поставлено было легкое орудіе. Глядимъ: кучка непріятельскихъ всадниковъ пріѣхала

надо кровавое омовеніе за эту дерзость. Фейерверкеръ! Хватитъ ли туда ядро? — Фейерверкеръ увѣритъ, что не хватитъ. А вотъ пустимъ на Божью волю! — Капитанъ, съ которымъ я пріѣхалъ, присѣлъ на лафетъ, подвинтилъ по діопгру, подушку. — *Пли!* Ядро всплескалось, какъ утка по отмели; прыжокъ, другой, и какъ разъ въ средину толпы! . . . Любо стало видѣть, какъ разбрызнуло оно купальниковъ . . . Ага, дружки! какова наша чугунное мыло? Наводимъ трубку — тащатъ троихъ — и всѣ прочь, и всѣ въ розсыпь. Готова ли? — Пли! и снова прощальное ядро взвило пыль по полю; одного молодца угодило въ полъкопя, и онъ вмѣстѣ съ буцефаломъ своимъ мельницею закрутился въ воздухѣ. Между тѣмъ близъ нижняго базара вынесли два единорога, чтобы пронизывать во фланги прибашенные завалы. Гранаты лопались на горѣ, вздымая прахъ и дымъ на зарѣвѣ заката. Дикій ревъ радости нашихъ Азіятцевъ провожалъ каждый удачный выстрѣлъ; напротивъ, клики укора раздавались въ скрытыхъ толпахъ осаждающихъ, если ударъ миновалъ цѣль. Рѣже и рѣже летѣли на встрѣчу угрозы и пули. Наконецъ вечерній намазъ укротилъ перепалку. Въ теченіе этого дня непріятель обходилъ городъ, съ Горской сторо-

ропы занимал гребни холмовъ, а съ Кубинской сады.

Мнѣ впервые удалось быть въ осажденномъ городѣ, и потому я съ большимъ любопытствомъ обѣгалъ стѣны. Картина ночи была великолѣпна. Огни вражескихъ биваковъ, разложенные за [illegible] исовывали зубчатые гребни [illegible], то багровыми чертами. [illegible] рко пылали солдатскія из [illegible] сные дрова. Видно было, к [illegible] ребѣгали, махая головнями. [illegible] авала, ибо Лезгины подноси [illegible] нямъ, то желая отрѣзать воду, то зажечь ворота, подбрасывая подъ нихъ хворость. Самый городъ чернѣлся, глубоко потопленный въ тѣни, за древними стѣнами; но за то крѣпость, озаренная пожаромъ, высоко и грозно вздымала бѣлое чело свое. Казалось, по временамъ она испыхивала румянцемъ гнѣва; мѣдныя уста гремѣли, и эхо горъ съ ропотомъ вторило глаголу смерти, между тѣмъ, какъ зловѣщій свистъ ядра порывался сквозь мрачный воздухъ. Дикій хоръ бодрствующихъ Дербенцевъ: Хабардаръ, они хабардаръ! (остерегайся) — и будто въ отвѣтъ ему вѣчная пѣсня послѣдователей Кази-Муллы: «Ля илля

змѣился отблескъ двухъ костровъ [illegible]. Такъ прошла первая ночь.

Встало солнце, и непріятель разыгрался. Конница и пѣхота потянулись къ морю, вѣроятно пытаясь ворваться въ городъ съ открытой стороны. Орудія заговорили и съ крѣпости, и съ двухъ новыхъ барбетовъ, устроенныхъ ночью на дряхлыхъ стѣнахъ города. Вотъ всходитъ къ намъ на стѣну Ибрагимъ, бекъ Карчахскій — держитъ рѣчь къ Дербентцамъ — зоветъ ихъ на вылазку подкрѣпить его нукеровъ. Идемъ, идемъ. Двое Русскихъ тутъ бывшихъ (одинъ штабсъ-капитанъ и я), не дожидаясь, покуда отомкнутъ ворота, спускаемся со стѣны. Сорокъ удалыхъ нукеровъ Ибрагима кидаются впередъ: градъ пуль встрѣчаетъ насъ съ сторожевыхъ башенъ, градъ пуль осыпаетъ въ бокъ изъ заваловъ, на локтѣ ущелья заложенныхъ. — Югюрь, югюрь! (бѣгомъ) кричатъ со стѣны Татары. Мы бѣжимъ, спукаемся въ рытвину, прядаемъ на камни, взбѣгаемъ по крутизнѣ на гору — ядра ревутъ черезъ насъ предтечей гибели. — *Хоччакларъ!* (молодцы) кричу я Татарамъ: кто выстрѣлитъ больше разу изъ ружья, *Алавынъ дюшанъ-ды* (тотъ врагъ Божій). *Сиверма клынчъ виррекъ*, (ударимъ лучше съ обнаженными саблями), и съ этимъ словомъ, послѣ немногихъ

выстрѣловъ кидаемся на завалъ, съ обнаженными кинжалами. Ура! наша взяла, пули чрезъ голову, смятый врагъ бѣжитъ, башни наши, знамя наше — пошла рѣзня. Нукеры Ибрагима, по обычаю, рѣжутъ голоны; мы преслѣдуемъ непріятеля, который перестрѣливаясь разсыпается по [illegible]ямъ, по стремнинамъ; отбива[illegible]мъ плѣнныхъ. Но непріятель [illegible]бращается на насъ превосход[illegible]олпы Лезгинъ съ воплемъ стр[illegible]у, и мы отступаемъ тихо, [illegible] по слѣдамъ кровь и трупы, [illegible]авалы гражеские. — Замѣчу одно: съ Азіятцами можно надежно итти впередъ, но за то отступать съ ними бѣда! Они бѣгаютъ по горамъ, какъ серны, и не любятъ оглядываться назадъ. Кто не легокъ на ногу, тому накладно быть съ ними въ дѣлѣ.

22 числа еще разъ ходили на вылазку съ Татарами съ Кубинской стороны. Усердіе жителей росло съ каждою удачею. Комендантскія ворота осаждены были толпами Дербентцевъ, желавшихъ вооружиться. Бывало Римская чернь кричала передъ сенатомъ: зрѣлищъ и хлѣба! здѣшняя просила ружей и пороху. Имъ розданы были всѣ залишнія ружья

вооружились, кто чѣмъ могъ. Вездѣ точили кинжалы, вездѣ ковали копья для отраженія со стѣнъ въ случаѣ приступа. — 23-го съ утра была Русская вылазка въ приморскіе сады: выбили непріятеля изъ предмѣстія, которое онъ покушался зажигать. Часу въ 6 вечера дремалъ я на стѣнѣ, утомленный долгою безсонницею, какъ вдругъ крики пробуждаютъ меня . . . Неужели приступъ? Смотрю: Татары и Русская рота дѣлаютъ вылазку съ моря и изъ Кизлярскихъ воротъ, противъ кладбища Кырхларъ, на которомъ усилились мятежники, сбираясь туда молиться на гробъ очень уважаемыхъ, хотя очень мало знаемыхъ суннитами, сорока мучениковъ. Знамя Кази-Муллы цѣлый уже день вѣяло на одной изъ надгробныхъ часовень, и словно дразнило Русскихъ. Идутъ, близятся! . . . Ретивое во мнѣ такъ и вспыхнуло: ну летомъ бы полетѣлъ туда! Приковавъ долгомъ къ своему мѣсту, я принужденъ былъ въ этотъ разъ остаться только зрителемъ боя, который совершался предъ глазами, какъ на ладони. Татары, подъ начальствомъ Фергат-бека, полезли изъ садовъ; Русскіе, человѣкъ около сотни, шли изъ Кизлярскихъ воротъ; съ лѣвой стороны имъ на помощь выходила изъ главныхъ еще кучка Дербентскихъ жителей. Между тѣмъ съ

горы безпрестанно спускались Лезгины на подкрѣпленіе своихъ, перебѣгая поле подъ ядрами и картечью. Пальба закипѣла будто въ котлѣ, когда Русскіе пошли въ штыки; но ряды стоячихъ надгробныхъ камней сложали строй; убійственный огонь изъ двухъ часовень и дли[illegible] остановилъ сперва Дербентцевъ[illegible]ескихъ . . . Первые обратил[illegible]рые замялись . . . Минута кол[illegible]асна для зрителей. Стоило ви[illegible] и кровли Дербента, усыпанны[illegible]ь людей обоего пола и всѣхъ [illegible] несмотря на опасность. Крики у[illegible] и одобренія гремѣли въ слѣдъ нашимъ, но когда волна отхлынула, мертвое молчаніе воцарилось на стѣнахъ . . . И Дербентцы и Лезгины вскочили изъ-за брустверовъ, но никто не стрѣлялъ другъ по другу: взоры и души всѣхъ прикованы были къ судьбѣ стычки — она рѣшилась. Видно было, какъ выскочилъ впередъ капитанъ, командовавшій ротою, махнулъ саблей; пушка, подвезенная ближе, брызнула картечью, пальба удвоилась съ кладбища, но Русское ура заглушило ее. Курицы бросились противъ камней, оживленныхъ огнемъ, въ штыки — и непріятель дрогнулъ, побѣ[illegible]

гибли на штыкахъ. Ядра пожинали бѣглецовъ въ полѣ. Бой примолкъ, но еще бѣлое знамя раздувалось на куполѣ; нѣсколько отчаянныхъ защищали узкую лѣсенку въ стѣнѣ часовни, но мы видѣли, какъ одинъ солдатъ пробился на верхъ, какъ онъ закололъ послѣдняго врага, сбросилъ его внизъ и сорвалъ знамя. Мы, какъ Гомеровскіе Троянцы, рукоплескали со стѣнъ побѣдителямъ.

Но скучно было бы, друзья мои, волочить васъ по всѣмъ вылазкамъ, и день за днемъ описывать происшествія блокады. Скажу только, что 24 числа непріятель, руководимый Турецкими знахарями мѣстности, отвелъ воду, отъ чего только два самородка остались въ цѣломъ городѣ; что нѣсколько разъ осаждающіе густыми толпами стремились къ стѣнамъ и отраженные, ограничивались одной перестрѣлкой. Гарнизонъ былъ неутомимъ и неусыпенъ. Усталые отъ пальбы днемъ, солдаты поправляли ночью стѣны, насыпали брустверы, устроивали траверзы; начальники подавали собою примѣръ отваги и дѣятельности. Мусульмане соревновали Русскимъ. — Между тѣмъ мятежники, привлеченные жаждой добычи, за недостаткомъ ея вымещали свою досаду разрушеніемъ. Все, что могло гибнуть отъ огня и желѣза — гибло. Винные запо-

ды, загородные домики — пылали. Фруктовыя деревья падали подъ топоромъ, виноградники посѣкались или исторгались съ корнемъ. Самъ Кази-Мулла обрекалъ жѣста на истребленіе. Плѣнники разсказывали про него тму чудесъ: какъ онъ летаетъ послѣ намаза въ Мекку [illegible]рей; какъ онъ съ однимъ нук[illegible]кою подходилъ къ стѣнамъ Де[illegible] него разбѣжалась куча людей. [illegible]режнно возьметъ нашъ городъ[illegible]и . . . Не далѣе, какъ сего [illegible] бадилъ молиться на жоре, и [illegible] ему подождать еще три дня пр[illegible]ни грѣхи, а потомъ навѣрно отдастъ намъ побѣду. — Такую-то теплую вѣру успѣлъ вселить Кази-Мулла къ своей святости! Дѣльнаго изъ подобныхъ разсказовъ извлекли мы очень немного. Кази-Мулла средняго роста, не красивъ, по лицу рябинки, борода рѣдкая, глаза сѣрые, но свѣтлы и проницательны. Говоритъ мало, но выразительно; угрюмъ, много пишетъ и часто молится. Въ битвѣ не участвуетъ мечемъ, но ободряетъ своихъ мужествомъ и увѣщаніями. Къ себѣ не допускаетъ никого близко и никогда ночью. Если приближается къ нему какой бы ни было пришлецъ, двое стражей держатъ ружья на взводѣ, и многія сабли на-

голо готовы изрубить въ куски всякаго, по малѣйшему мановенію вождя; маневръ, который господинъ Кази-Мугаммедъ не рѣдко изволитъ продѣлывать, къ немалому назиданію и удовольствію Горской публики. Кажется, дѣйствуя убѣжденіями на умы легковѣрные, онъ не презираетъ и суевѣрными средствами. Вообразите, какую штуку хотѣлъ было онъ выкинуть во время осады. Въ садахъ попались ему въ плѣнъ нѣсколько мальчиковъ, которые тайкомъ улизнули за виноградомъ. Онъ приласкалъ изъ нихъ нѣкоторыхъ, далъ имъ прокламаціи къ жителямъ, коихъ приглашалъ соединиться съ мусульманами, его послѣдователями, на истребленіе гяуровъ, и отослалъ въ городъ. Эти листы велѣлъ онъ имъ потихоньку разсовать по карманамъ взрослыхъ Дербентцевъ въ то время, когда народъ толпится ввечеру у фонтана за водою, чтобы суевѣрные подумали: Самъ Мугаммедъ положилъ мнѣ въ карманъ это посланіе! — Вопреки его желанію, чудо не сбылось. Ребята разсказали наказъ Кази-Муллы родственникамъ, тѣ донесли коменданту, и дѣло разгласилось. Этого мало: въ пятый день осады, къ ночи подъѣхалъ къ воротамъ одинъ всадникъ со связанными руками. Узнали въ немъ Дербентскаго жителя, ѣздившаго въ Кубу.

Онъ увѣрялъ, что Кази-Мулла не велѣлъ его грабить, и послалъ въ Дербентъ; но полное на немъ вооруженіе и много денегъ въ карманахъ дали подозрѣніе. Давай обыскивать пристальнѣе, и находятъ въ куранѣ множество ярлыковъ съ печатью Кази-Муллы. Потянули къ допр[illegible]ся, смѣшался и наконецъ п[illegible]то ярлыки даны ему для вруч[illegible] бы согласился дѣйствовать [illegible]дающими. Они бы служили [illegible]зь войско Кази-Муллы, и о[illegible]ѣ грабежа. Къ счастію, так[illegible]ыхъ людей, по крайней мѣрѣ [illegible]ось. Но жители вѣрили, что они есть, что они готовятъ измѣну. Прошло пять, прошло шесть дней, а ни откуда ни вѣсточки. Коммендантъ, для ободренія духа горожанъ, не разъ распускалъ слухи, что идетъ то отрядъ Миклашевскаго, то отрядъ генерала Коханова; но это дѣйствовало не надолго. Меня очень любятъ Татары, за то, что я не чуждаюсь ихъ обычаевъ, говорю ихъ языкомъ, и потому каждый разъ когда я выходилъ на стѣны подразнить и побранить враговъ, прогуливаясь съ трубкою въ зубахъ, куча Дербентцевъ окружала меня... Я всегда приносилъ имъ полные карманы кремней и патроновъ и еще втрое болѣе новостей; горо-

днiшь имъ турусы на колесахъ, и они спокойны на нѣсколько часовъ, а тамъ опять новые разсказы и новыя надежды. И то и другое стало однакожъ изсякать по прошествiи недѣли. Въ городѣ было мало хлѣба, и ни сколько сѣна; рогатый скотъ началъ падать; кони голодали; жители утомлялись безсмѣнною стражею, а извѣстiя, что Кази-Мулла готовитъ лѣстницы и фашины къ скорому приступу, стали несомнѣнны. Поговаривали, будто въ темныя ночи, осаждающiе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, подползши къ подошвѣ стѣнъ, сдѣлали нѣсколько лазеекъ въ городъ, если не для нападенiя, то для сообщенiя съ единомышленниками, въ числѣ коихъ обвиняли суннитовъ. Надобно было увѣриться въ этомъ осмотромъ. Я просился произвести его, спустившись по веревкѣ за стѣну, подъ выстрѣлами непрiятельскими. На утро 27-го августа долженъ я былъ совершить свое опасное путешествiе, но разсвѣтъ оказалъ бѣгство Кази-Муллы и всего его войска. — Качты, качты, (бѣжалъ!) раздалось со стѣнъ. — Кони, кони! Я вспрыгнулъ въ сѣдло, и выскакалъ въ сiя растворенныя ворота. Сладко подышать вольнымъ воздухомъ, радостно порыскать по полю послѣ невольнаго затворничества. Пускаю коня во всю прыть на гору. Костры гаснутъ во вражескихъ завалахъ. Здѣсь недав-

ная кровь, тамъ свѣжія могилы, кости пиршества на пеплѣ пожара, потерянные чуреки по дорогѣ, разбросанные мѣшки, изломанныя арбы, подбитые кони, усталые быки — и быстрые слѣды горскихъ башмаковъ на прахѣ — вотъ все, что осталось отъ многочисленныхъ полчищъ смѣлаго Кази-Муллы. Онъ исчезъ, какъ вѣтеръ. Я заскакалъ далеко въ гору цѣлкомъ. Оглядываюсь — за мной и въ виду ни души, а тутъ каждый кустъ, каждый камень могъ скрывать врага. Возвращаюсь ... прислушиваюсь ... что это, не громъ ли? Нѣтъ, это вѣстовые выстрѣлы въ отрядѣ генерала Кохановa. — Слава Богу! осада кончена.

Походъ въ Дагестанъ Генералъ-Адъютанта Панкратьева въ 1831 году.

Лагерь близъ с. Джимикентъ, 15 Окт. 1831.

Между тѣмъ, какъ избавленные отъ осады Дербентцы топили печки штурмовыми лѣстницами и фашинами, готовленными Кази-Муллою для приступа — бѣглецъ Кази-Мулла отправился, словно побѣдитель, праздновать свою свадьбу въ Кюрекъ, съ дочерью своего наставника, муллы Мугаммеда. Не слишкомъ, видно, надѣясь на гуріи зеленаго цвѣта въ раю правовѣрныхъ, онъ взялъ въ задатокъ будущаго блаженства красноцекую Горянку — но ни жирный пловъ пиршества, ни свѣжія ласки молодой супруги не утомили дѣятельности наувѣра. — Каждый день, подъ предлогомъ шаріата, т. е. толкованія Корона, проповѣдывалъ

онъ ненависть къ Русскимъ и независимость отъ всѣхъ властей. Возванія его исполненныя блестящихъ парадоксовъ, летѣли какъ искры во всѣ стороны, и зажигали соломенные умы Горцевъ. Въ это время мы стояли подъ стѣнами Дербента, и, какъ водится, отъ бездѣлья досадовали на [illegible]

Ничего н[illegible]довъ и пересудовъ нашей [illegible]ныхъ. Все бы мы стояли [illegible] весело; все бы ходили, ко[illegible] на землѣ гладь. Если жъ д[illegible]нныхъ распоро-женій, то [illegible] не годился бы передъ нами въ барабанщики. Тутъ бы сдѣлать такъ, тамъ этакъ!..... Къ счастію Русскаго оружія, отъ насъ требуютъ только повиновенія, а не совѣтовъ, и удачный конецъ даетъ дѣлу вѣнецъ. То же самое было и теперь.

Генералъ-адъютантъ Панкратьевъ, оставшись по отбытіи графа Паскевича-Эриванскаго командующимъ войсками за Кавказомъ, заблаговременно сосредоточилъ значительный отрядъ подъ Шамахою, для укрощенія мятежа въ Дагестанѣ; но шаткая политика Персидская и распространеніе слуховъ о вторженіи Персіянъ въ наши предѣлы, препятствовали удалить отъ

лѣ онъ удостовѣрился въ миролюбіи Персидскаго правительства, войска отъ Шамахи двинуты были въ Дагестанъ, и къ концу сентября соединились съ отрядомъ генерала Коханова. Вотъ составъ этого соединеннаго отряда: 2 батальона Эриванскаго карабинернаго, 6 ротъ Куринскаго, 2 батальона Апшеронскаго и 2 батальона 42-го Егерскаго полковъ, при 19 орудіяхъ и 4-хъ горныхъ единорогахъ. Конница состояла изъ Донскаго казачьяго Басова полка, изъ 3-хъ полковъ конно-мусульманскихъ и одного конно-волонтернаго, да сотни дѣ Куринской и Бакинской конницы; всего пѣхоты около 3, 500 чел., а кавалеріи до 3,000. Наконецъ мы ожили. Мужъ боя и совѣта прибылъ въ Дербентъ 30-го сентября. Добрая слава за долго предлетѣла ему въ Дагестанъ. Его пріѣздъ ободрилъ новыхъ подчиненныхъ надеждою, а прежнихъ сослуживцевъ увѣренностію въ успѣхѣ. Солдаты зашевелились, и, не смотря на слякоть, кружки около огней росли. — Когда же? скоро ли въ дѣло? — слышалось повсюду; но болѣзнь держала вождя нашего на ложѣ, а ненастье отрядъ на мѣстѣ. Между тѣмъ командующій войсками не терялъ времени. Не щадя себя на пользу отечества, онъ борясь съ болѣзнію, неутомимо занимался дѣлами края, и прежде чѣмъ прибѣгнуть

къ трехграннымъ доказательствамъ, пыталъ всѣ средства убѣжденія — а онъ владѣетъ ими въ совершенствѣ. Прокламаціи его, написаныя цвѣтистымъ слогомъ Востока, разсѣвались въ ущелія, гдѣ таились мятежники. Глядимъ: мало по малу старшины окружныхъ селеній потянулись въ Дербентъ съ повинною, и жители сползались изъ норъ на прежнія пепелища. Скоро вся Теркемень закипѣла народомъ, и отрядъ пересталъ нуждаться продовольствіемъ. Ласковыя сношенія съ Пуцалъ-Ханомъ Аварскимъ и его матерью, Паху-Бехи, обезпечили флангъ нашъ. Они обязались на границахъ своихъ выставить войско и не впускать въ Аварію мятежниковъ. Втиши и втайнѣ готовились важныя событія.

И вотъ, на ночь 2-го октября, вовсе не ожиданно упали палки на барабанъ..... зовутъ фельдфебелей къ адъютантамъ: приказъ выступить налегкѣ: куда? зачѣмъ? никто не знаетъ, не вѣдаетъ. Но тайное тогда — теперъ уже не тайна. Командующій нами сдѣлалъ мастерское распоряженіе. Зная, что Табасараицы рѣшились защищаться до крайности и готовы собраться въ одинъ мигъ въ то мѣсто, куда направлено будетъ нападеніе, онъ раздѣлилъ войско на три отряда, чтобы раздѣлить ихъ силы, обмануть ихъ ожиданія. Но:

ковникъ Басовъ долженъ былъ сдѣлать диверсію вправо на Маджалисъ; полковникъ князь Дадіанъ влѣво въ Кучин; главный, т. е. средній отрядъ, назначенный дѣйствовать прямо отъ Великента на Дювекъ, порученъ былъ храброму полковнику Миклашевскому, и съ нимъ то въ 11 часовъ мы двинулись впередъ, съ 2 батальонами его полка, 42-го егерей, 1-мъ Куринскаго, съ 1-мъ и 2-мъ конно-мусульманскими полками, при четырехъ орудіяхъ.

Ночь была темна, какъ судейская совѣсть. Скупое небо погасило всѣ огоньки свои. Мы брели по колѣно въ грязи, цѣпляясь за терновники, запутавшіе окрестный лѣсъ непроницаемою оградою, и каждый мигъ въ опасности слетѣть въ рѣчку Царбахъ, по крутому берегу которой шли. Вы бы сказали, что идетъ армія мертвецовъ, покинувшихъ свои могилы — такъ безмолвно, такъ неслышимо двинулись мы впередъ по извилистому яру, въ двойномъ мракѣ ночи и тѣни лѣса, надъ нами склоненъ склоненнаго. Колеса не стучали, подковы не брякали по болоту: нигдѣ ни голоса, ни искры. Лишь изрѣдка раздавался по бору ударъ бича или звукъ пушечной цѣпи. Съ невѣроятнымъ трудомъ вытаскивали мы на людяхъ орудія ... наконецъ не только подъ на-

ми, но и под[illegible] артельными повозками, кони пристали, выбились изъ силъ . . . аріергардъ оттянулся .... Полковникъ Миклашевскій налетѣлъ соколомъ. Руби колеса, жги повозки, жги артиллерійскія дроги! Стоитъ ли эта дрянь, чтобы изъ-за нея опаздывать! Истребляй: я за все отвѣчаю! Велѣно — сдѣлано. Въ пять минут[illegible]ста — вещи разобрали по [illegible] пристегнули подъ пушки; [illegible]ъ и офицерскихъ верховыхъ [illegible] пошли быстро, легко, весело. [illegible]ово ободряло солдатъ лучше [illegible] Съ неимовѣрною скорос[illegible]ы 35 верстъ, и часу въ 9-мъ [illegible] впереди жаркую перестѣлку: это дралась наша Татарская конница. Шомпола зазвучали. Гренадеры!.. ходу!..... Скорымъ шагомъ, бѣглымъ шагомъ! ..... Выстрѣлы изъ лѣсу начинаютъ насъ пронизывать — на силу-то догадались. Если бъ непрітели заранѣе заняли чащу, многіе бы изъ насъ не донесли своихъ головъ до Дювека — да вотъ и онъ — легокъ на поминѣ..... вотъ Дювекъ, который считается неприступною твердынею Табасарани — *Неприступная* — забавное выраженіе! Его нѣтъ, слава Богу, въ словарѣ Русскаго солдата. Впередъ, впередъ!... Дѣло загорѣлось. Селеніе Дювекъ

стоитъ въ развалѣ ущелія на скатѣ большой горы. Надъ нимъ на полтора пушечныхъ выстрѣла лѣпится выше деревня Хустыль. Рѣчка Дарбахъ, извиваясь въ крутомъ, но широкомъ руслѣ, образуетъ передъ Дювекомъ колѣно. Правый ея берегъ противъ селенія отъ множества ключей, не имѣющихъ истока, затопленъ вязкимъ болотомъ; дремучій лѣсъ обнимаетъ всю окрестность. Егеря 42 полка пошли вправо чрезъ топь — мы влѣво чрезъ крутой оврагъ, на днѣ котораго текущій ручей, впадая въ Дарбахъ, образуетъ предъ Дювекомъ букву У — всѣ подъ убійственнымъ огнемъ изъ лѣсу, изъ домовъ, изъ заваловъ. Передъ нами еще ходили на приступъ наши спѣшенные мусульмане; но когда Мамать-ага, безстрашный помощникъ полковаго командира, былъ убитъ, когда они потеряли лучшихъ стрѣлковъ своихъ, Куринцы ихъ опередили — слѣзли въ оврагъ, стали подниматься на противуположную кручу..... густѣй, густѣй гранаты полетѣли надъ нашими застрѣльщиками.... ура, штыки! а ужъ дѣло рѣшеное, что противъ Русскаго штыка ни что устоять не можетъ; завалы были отбиты, непріятель стоптанъ, но ожесточенный пораженіемъ, засѣлъ въ домахъ, стрѣлялся, рѣзался; ему было жаль богатыхъ пожитковъ, свезенныхъ въ Дювекъ изъ всѣхъ

окрестныхъ возмутившихся деревень, какъ въ твердыню, которой не могъ взять и самъ ужасный шахъ-Надиръ, куда не проникалъ даже Ермоловъ, котораго слава ярче Искендеровой и шахъ-Надировой за Кавказомъ. Пришлось штурмовать камень за камнемъ, шагъ за шагомъ. Кровь лилась — огонь очищалъ отъ ней землю, послѣ шестичасовой битвы ала въ руки наши; но изъ л тней, изъ-за плитъ кладбища гнали стрѣлять въ побѣдите. чь примиряла ихъ на время каръ, какъ два ангела-истр и Дюбекъ изъ конца въ кон. а.

Чудно-прелестенъ былъ видъ этой ночи. Пламя катилось волнами и змѣемъ пробивалось сквозь высокія кровли домовъ, большею частію двухъ-ярусныхъ ... вся гора была озарена, и по ней вверху видны были лица, слышны крики женщинъ, ожидавшихъ приступа къ Хустылю. Между дымомъ и огнемъ черпѣлись остеклѣвшія развалины — и изъ этого-то ада солдаты и мусульманскіе всадники тащили, везли добычу, заслуженную кровью, выносили раненыхъ. Поодоль, нѣсколько человѣкъ рыли общую могилу падшимъ своимъ товарищамъ. Коротка солдатская молитва и за свою жизнь,

и за душу земляка!! Ни одной слезы, ни одного слова не уронилъ никто по убитыхъ; но за то, какъ выразительны были лица окружающихъ въ заревѣ пожара, то прислоненныя къ штыкамъ, то поднятыя въ небу! . . . всѣ кинули по горсти земли, чужой земли на очи собратіи . . . *Sit vobis terra levis* (да будетъ легка надъ вами земля), сказалъ я про себя. Каждый изъ васъ легъ, какъ усталый часовой по смѣнѣ . . . когда же настанетъ и моя смѣна! Повременные выстрѣлы гремѣли *requiem*.

Съ убитыми и ранеными потеряли мы въ этомъ дѣлѣ 4-хъ офицеровъ и до 90 нижнихъ чиновъ, включая въ то число и мусульманъ, дравшихся отлично, особенно полка князя Баратова, которому досталось обскакать Дювекъ слѣва по лѣсу. Лошадей легло болѣе 60-ти

Деревня стала потухать. Развалины углясь дымили. Тогда полковникъ Миклашевскій приказалъ развести огромные костры, передъ отдыхавшимъ на полѣ строемъ по сю сторону Дарбаха . . . и вдругъ безъ боя безъ шума снялись мы, пославъ напередъ Татарскую конницу. Кони ихъ гнулись и кряхтѣли подъ тяжестію добычи. Повозки были нагружены ею до нельзя. Солдаты были утомлены и боемъ, и походомъ, и безсонницею . . . но шли скоро. весело — побѣда оперяетъ хоть кого, при-

томъ каждый чувствовалъ, что если непріятель станетъ напирать на насъ въ тѣснинѣ, гдѣ каждый кустъ, каждый пень ему стѣна — потеря будетъ значительна. Но, къ счастію, Дювекцы, ожидавшіе, что мы на утро пойдемъ штурмовать верхнюю деревню, были обмануты — и поздно спохватились насъ преслѣдовать. Мы съ легкою перепалкою прошли дефилею, и на утро очутились опять въ своемъ лагерѣ подъ Великентомъ, совершивъ въ 35 часовъ два перехода и битву. Это чисто по орлиному: налетѣлъ, ударилъ, схватилъ, исчезъ.

То-то пошелъ пиръ горой по возвратѣ! Солдаты валяются на цвѣтныхъ коврахъ, продаютъ дорогія конскія сбруи, золотые женскіе уборы, оружіе, блестящее серебромъ и насѣчкою; покупщиковъ наѣхало видимо невидимо. Пѣсни, веселье — гуляй, душа! Всѣ не нахвалятся Миклашевскимъ;— и точно за дѣло. Безъ его рѣшительности и быстроты, безъ его храбрости, незнающей зарока, благоразумный планъ генерала Панкратьева могъ остаться напрасенъ. Онъ зналъ, кому довѣрить важнѣйшее дѣло — Миклашевскій умѣлъ оправдать это довѣріе.

Въ это самое время полковникъ Басовъ съ казачьимъ своимъ полкомъ, съ 2 батальонами Апшеронцевъ и 2 ротами Курпицевъ при 6

орудіяхъ, выступилъ на селеніе Маджалисъ, чтобы помѣшать Каракайтахцамъ подать руку помощи вольной Табасараки. Передъ селеніемъ на угорьѣ онъ встрѣченъ былъ выстрѣлами, но отъ быстраго натиска, неготовый къ нападенію непріятель бѣжалъ, и старшины Маджалиса вышли просить пощады, представляя доказательства, что стрѣляли не они, а Башлинцы. Между тѣмъ полковникъ Басовъ, слыша жаркую пальбу подъ Дюбекомъ, рѣшился итти туда прямо чрезъ гору, чтобы въ случаѣ надобности усилить отрядъ Миклашевскаго; но вышедши на Дюбекскую дорогу, онъ засталъ только зарево пожара и возвратный слѣдъ нашъ. Подвигъ былъ конченъ.

Съ своей стороны полковникъ князь Дадьянъ, съ 2 батальонами Эриванскаго карабинернаго, 4 орудіями и 5 горными единорогами, да съ 3-мя и волонтерными конно-мусульманскими полками, врѣзался въ непроходимыя доселѣ ущелія Табасарани. По стремнинамъ, по дебрямъ, по которымъ отъ вѣка не слышался скрыпъ колеса, проходилъ онъ съ пушками, сражаясь на каждомъ шагу, поражая на каждой встрѣчѣ. 12 деревень легло пепломъ на слѣдъ Русскихъ; изъ нихъ въ важнѣйшихъ, Кучни и Гюжеди (гнѣздо измѣнника Абдурзахъ-кадія), захвачена была значи-

тельная добыча и много плѣнныхъ. 8-го октября всѣ эти экспедиціи были кончены. 11-го тронулись мы далѣе къ с. Башламъ. Ужъ давнымъ давно грыземъ мы зубы на это многолятежное скопище. Говорятъ, что Башлинцы очень храбры и отличные стрѣлки — тѣмъ лучше: я ужъ далъ солдатамъ задатку за Башлинскую винтовку. Теперь мы стоимъ подъ с. Джимикентомъ. Дождь лилмя: надъ головой облака словно грецкая губка — а подъ нами земля будто растаяла . . . еще хуже: она превратилась въ грязь, въ эту пятую стихію, открытую Наполеономъ въ Литвѣ. Палатки наши плаваютъ, какъ стада чаекъ по болоту. Журавли перекликаются ночью съ часовыми; лягушки квакаютъ кругомъ. Холодъ, сырость, слякоть! Дрова не горятъ, огонь не грѣетъ; лежишь крендельмъ, боясь притикнуться носомъ къ полотну, чтобы вода не пролилась потокомъ, а къ довершенію забавъ, полевыя мыши, на которыхъ видно за грѣхи наслалъ потопъ, спасаются на буркѣ моей отъ мокрой смерти, такъ, что карманы мои обратились въ невольныя мышеловки. Прощайте до перваго краснаго дня, друзья мои! Подъ этакую погоду развѣ, развѣ можно писать статью.

— Объ удовольствіяхъ походной жизни!

Лагерь при с. Темиръ-Ханъ-Шура. 25 окт. 1831.

Видали ль вы когда нибудь войско на привалѣ? Это очень живописно, особенно какъ теперь, глубокою осенью. Между рядами въ козлы составленныхъ ружей лежатъ кружками и кучами солдаты; кто спитъ прикорнувъ надъ телячьимъ ранцемъ, кто размачиваетъ въ манеркѣ сухарь. Иные, набравъ хвороста или бурьяна, заботливо раздуваютъ минутные огоньки, и уже навѣрно подлѣ каждаго явится какой нибудь шутникъ-разскащикъ, отъ прибаутокъ котораго вся рота привыкла смѣяться за полверсты. Офицеры завтракаютъ у начальниковъ или у того изъ товарищей, кто позажиточнѣе. Казаки, воткнувъ въ землю пики,

отдыхаютъ въ сторонѣ. Пестрыя толпы Азіятскихъ всадниковъ снуютъ взадъ и передъ — имъ не посидится на мѣстѣ. Кони обоза, сдвинутаго вмѣстѣ, кушаютъ въ упряжи сѣнцо, подброшенное имъ разсчетливою рукою. Удивиться можно, какъ огромны обозы въ Кавказскомъ корпусѣ; идетъ, скрипитъ, тянется — и конца не видать! Но когда узнаешь, что Закавказскіе полки кочуютъ изъ края въ край всю свою службу, и потому въ необходимости таскать все свое хозяйство съ собою; что они ходятъ въ непріязненной землѣ, лишенной всѣхъ средствъ продовольствія, не только удобствъ жизни; что не рѣдко они принуждены возить съ собой даже дрова для топки — то убѣжденіе заступаетъ мѣсто удивленія. И вотъ палки звучатъ по барабану — все зашевелилось; кони ржутъ, прядутъ ушами, фурмана суетятся около повозокъ; капонеры укладываютъ вьюки сѣна на орудія. По возамъ! по возамъ! солдаты строятся; деньщики подтягиваютъ подпруги . . . даже куроч[illegible] и пѣтушки, послушные дисциплинѣ, бѣгутъ въ своимъ вьюкамъ, и клохча взбираются на безпокойный нашестъ, гдѣ они учатся верховой ѣздѣ и продѣлываютъ эквилибрическія штуки, привязанные за одну лапку. Новый бой — это подъемъ. — На плечо! справа

отдѣленіями — маршъ! Пошли, тронулись, барабанъ разсыпается частой дробью, идемъ... но куда идемъ? быть не можетъ, чтобы въ Башлы. Башлынскіе старшины пріѣзжали съ повинною головою, а повинную голову и мечъ не сѣчетъ. Генералъ Панкратьевъ, зная, какъ важна поспѣшность въ пору, помиловалъ покорныхъ именемъ Государя Императора — гдѣ краше имя Царское, какъ не въ помилованіи! Округи Башлы и Кубечи и весь Каракайтахъ дали вновь присягу на вѣрность. Сильное общество Акушинское то же. Раскаявшимся Табасарцамъ даровано помилованіе, съ условіемъ, чтобы они изгнали отъ себя измѣнника Абдурзахъ-кадія, избравъ на его мѣсто другаго. Послѣ перуна кары, грянувшаго въ сердцѣ горъ, блеснула Горцамъ и радуга надежды на прощеніе. Это благоразумная политика командующаго нами: кстати погрозить, кстати приласкать, чтобы не ожесточить заблужденныхъ, имѣла самыя выгодныя слѣдствія для Русскихъ, самыя благодѣтельныя для покорившихся. Но впереди мятежныя владѣнія шамхальскія не внимали еще ни грозѣ, ни милости, и мятежники готовились отразить силу силою; ихъ-то развѣять двинулись мы, и 22-го октября стали лагеремъ за Темиръ-Ханъ-Шурою. Рѣшено. Завтра пой-

деж въ дѣло, штурмовать с. Эрпили, заслоненное оврагами и крутизнами, защищенное десятью тысячами Горцевъ, которые ждутъ насъ съ крѣпкими запалами и засѣками. Мятежниками повелѣваетъ Умалатъ-бей — храбрый сподвижникъ Кази-Муллы, который произвелъ его въ шамхалы. Утро [illegible] мы помолодецки этого [illegible] ожиданіи будущихъ благъ [illegible] ночь во славу Божію, и з[illegible]а меня добудились.

Поздно раз[illegible]й осеннее утро. Непроницаем[illegible]ъ на всей окрестности, и [illegible]ремѣли барабаны. Войска пошли тремя колоннами. Въ головѣ 1-й, назначенной обойти Эрпили справа по Каранайской дорогѣ, неслись Басова казаки, Бакинская и Куринская конница, 2 батальона егерей 42-го полка и 7 ротъ Эриванскаго карабинернаго при 8 орудіяхъ. Колонну эту велъ полковникъ Миклашевскій. Второю командовалъ генералъ-маіоръ Кохановъ: она состояла изъ двухъ батальоновъ Апшеронскаго и одного батальона Куринскаго при 7 орудіяхъ; за нею слѣдовалъ резервъ изъ 3-хъ конно-мусульманскихъ полковъ, подъ командою генералъ-маіора Калбалай-хана. Всѣ тяжести оставлены были въ лагеряхъ, подъ

прикрытіемъ 2-хъ ротъ Куринцевъ съ 6 орудіями и двумя сотнями всадниковъ. Мы шли полемъ сквозь густой туманъ: въ самомъ близкомъ разстояніи невозможно было различить предметовъ; но благодаря вѣрной картѣ и зоркому глазу г. Панкратьева, отрядъ двигался впередъ, не уклоняясь ни шагу отъ даннаго направленія. Вы бы сказали: это корабль, разсѣкающій волны и туманы по наложенію опытнаго кормщика. Вотъ раздалась команда влѣво, и полки, каждый особою колонною, равнялись головами, вытянули строй съ большими промежутками. По обыкновенію, я былъ въ стрѣлкахъ, раскинутыхъ впереди. Иногда повѣтръ вѣтра разрѣжалъ туманъ, и тогда сосѣднія колонны черпѣлись и ружья мерцали на минуту; потомъ все задергивалось непроницаемою пеленою. Сардарь* нашъ поспѣлъ между насъ на лихомъ конѣ, окруженный штабомъ своимъ. Турецкая гайта (конница), Ширванскіе и Дагестанскіе беки, Линейные и Донскіе казаки, скакали слѣдомъ пестрою толпою. Побѣдъ его являлся и исчезалъ подобно радугѣ, средь тучи, готовой уже рынуть

---

* Сардарь, по-Персидски главнокомандующій. Запросто мы всегда употребляемъ это слово: оно про-

молнію. Близка, близка встрѣча: заряжай ружья! Вѣтеръ какъ нарочно пахнулъ сильнѣе, туманъ приподнялъ мохровыя полы своей мантіи, и впереди насъ открылся слѣва крутой оврагъ, за которымъ вздымалась лѣсистая гора; прямо длинный бугоръ, вооруженный засѣками изъ деревьевъ и копаными завалами. Далѣе по холмамъ колебалось что-то, какъ рѣдкій лѣсъ отъ вѣтра. Это деревья, говорили одни. Это всадники, утверждали другіе. Гранаты рѣшили споръ нашъ. Грохотъ пошелъ по горамъ, когда заговорила баттарея, выскакавшая впередъ . . . Въ самомъ дѣлѣ то была конница. Она слилась, взвилась — и слѣдъ простылъ. Куда не жалуютъ Азіятцы гранатъ! Въ это время наши мусульманскіе удальцы стали доѣзжать до самыхъ заваловъ. Тахъ, тахъ . . . вся ихъ линія разцвѣтилась пальбою, и справа егеря съ Эриванцами пошли на нихъ безъ выстрѣла въ штыки. Полковникъ Миклашевскій на бѣломъ конѣ вздымался въ гору впереди обѣихъ колоннъ — шинель играла на немъ по вѣтру . . . ура! ура! Апшеронскіе стрѣлки тогда же безстрашно кинулись черезъ оврагъ . . . лѣвѣе ихъ забирали въ гору Басова казаки. Мы подбѣжали на полвыстрѣла подъ средину — но стали, ожидая приказанія. Пальба закипѣ-

ла . . . бѣглый огонь мелькалъ сквозь пары, какъ фейерверкъ. Крики угрозъ съ обѣихъ сторонъ, бой барабановъ, стонъ земли отъ пушечныхъ выстрѣловъ, отражаемыхъ отголосками хребта — ну, право, сердце не нарадовалось! Гранаты, прерывая туманъ, гремѣли, будто катясь по ступенямъ — свистъ пуль производилъ эффектъ чудесный; могу васъ увѣрить, что эта фуга стоила всѣхъ чертовскихъ нотъ изъ Фрейщица.

Я большой охотникъ наблюдать, какое дѣйствіе, какое впечатлѣніе производитъ на солдатъ опасность. Любопытно пробѣжать тогда по фронту, вглядываясь въ глаза и лица. На этотъ разъ я не замѣтилъ однако жъ ни очень долгихъ, ни очень блѣдныхъ. Въ молодыхъ солдатахъ видѣлось болѣе любопытства, чѣмъ безпокойства. Иные правда слишкомъ заботливо осматривали кремни свои, иные даже кланялись пулямъ, которыя жужжали мимо какъ шмели — но надъ такими смѣялись. — Видно знакомая пролетѣла? — Эй ты, Саратовецъ ... что ты словно передъ попомъ раскланялся? Что бережешь свою шапку? — Батюшка Царь богатъ, другую дастъ! Лови, лови за хвостикъ! и тому подобныя остроты слышались по цѣпи. Сколько мнѣ удалось замѣтить, такъ самые храбрые въ дѣлѣ бы-

вають или рекруты или старые солдаты. Первые потому, что не понимают опасности, другіе потому, что съ ней свыклись . . . средина ни то, ни се. Но всѣ Русскіе солдаты, хоть и не слишкомъ богомольны, за то въ душѣ набожны. Крестись, крестись, ребята! говорили они, когда мы подвинулись ближе подъ выстрѣлы — [illegible]сь, и всякой взглянулъ на сѣ[illegible]о родныхъ своихъ. Только по[illegible]ъ старый солдатъ, прокончи[illegible]для котораго кровь и вино ста[illegible]новенными вещами, не крести[illegible]ень шутливъ и веселъ — въ [illegible]ылась коротенькая трубка. —[illegible]ститься! ворчалъ онъ, поправляя одною рукою табакъ, а въ другой держа ружье на перевѣсѣ . . . у меня руки заняты! Всѣ съ негодованіемъ взглянули на вольнодумца — не прошли пяти шаговъ —онъ падаетъ на землю убитый. —По дѣламъ покаралъ Богъ! шептали товарищи. — Ура! впередъ! . . . Намъ досталось бѣжать по мокрому скату, изрытому стадомъ дикихъ кабановъ. Иной бы подумалъ это пахоть; ноги уходили въ глубь, клейкая грязь лѣпилась на нихъ по полупуду, но это былъ мигъ. Ужъ подъ завалами — и все еще не видимъ враговъ, такъ густъ туманъ; наконецъ сошлись

въ упоръ . . . дуло въ грудь, штыки въ спину, прядемъ на завалы, продираемся сквозь засѣки, и непріятель бѣжитъ, оставляя трупы, кровь и плѣнъ по слѣду. Счастье наше, что пары мѣшали мятежникамъ цѣльно бить въ насъ съ такого выгоднаго мѣста. Счастье ихъ, что пары припятствовали намъ ихъ преслѣдовать; они разсѣялись, разбѣжались по камнямъ, по кустарникамъ, по оврагамъ. Дѣло рѣшилось въ два часа. Обойдены справа и слѣва по крутизнамъ, которыя считали они неприступными; поражены въ центрѣ, который мечтали неодолимымъ по тройной оградѣ укрѣпленій — враги отхлынули, скрылись со стыдомъ, оставя болѣе 150 тѣлъ на мѣстѣ. Славный распорядокъ битвою г. Панкратьева, и быстрота, съ которою онъ исполненъ, были причиною, что потеря наша ничтожна: ранено двое офицеровъ (одинъ изъ нихъ смертельно), нижнихъ чиновъ убито и ранено 40, лошадей легло 51.

Пользуясь изумленіемъ непріятеля, г. Панкратьевъ послалъ по большой Эрпилинской дорогѣ 3-й мусульманскій полкъ и 1 батальонъ Апшеронцевъ съ 2 орудіями, чтобы занять деревню. Сгоряча не чувствуя усталости, пробѣжали мы верстъ семь съ горы на гору, по овражистому берегу рѣки, по которому пролегаетъ дорога. Изрѣдка свистали

пули, пущенныя изъ противолежащаго лѣса, и наконецъ Эрпили открылись намъ длинною чертою. Пройти въ нихъ должно было черезъ утлый мостикъ, и потомъ черезъ узкую гать мельницы... Это было дѣло одной минуты ... въ три натиска штыками, Эрпили стали чисты. Басова Казаки подоспѣли слѣва, егеря втѣснились туда справа вмѣ[illegible] мусульманскихъ всадниковъ п[illegible] олонтернаго, командуемаго [illegible] феровымъ, адъютантомъ г. [illegible] ъ командующій войсками, в[illegible] ъ своихъ подчиненныхъ, съ[illegible] ке въ Эрпиляхъ. Барабаны [illegible] вѣютъ, будто крылья побѣды. — [illegible] жію Николая! Хвала и честь вождямъ Его! Еще перепалка играла по лѣсу, прилежащему къ деревнѣ, а дѣло грабежа и разрушенія уже началось. Добыча въ вещахъ, въ деньгахъ, въ рогатомъ скотѣ была огромна. Мятежники всѣхъ окрестныхъ деревень свезли и, такъ сказать, согнали туда все свое имущество, надѣясь на твердыню мѣстоположенія, и еще болѣе на множество, на отвагу защитниковъ Эрпилинскихъ — они горько ошиблись. Солдаты, Татары, Турки вытаскивали ковры, паласы (тонкій, особый родъ ковровъ), вонзали штыки въ землю и въ стѣны, ища кладовъ, рыли, добывали, находили

ихъ, выносили серебро, украшенія, богатыя кольчуги, бросали одно для другаго, ловили скотъ, били, кололи засѣвшихъ въ сакляхъ мятежниковъ. Одинъ Лезгинъ, видя бѣду, рѣшился было дать стрѣчка, и какъ тутъ навернулся на кучу солдатъ. Окруженный ими, онъ хотѣлъ спастись хитростію, увѣряя, что онъ посланъ къ Сардарю съ письмомъ. Я видѣлъ издали, какъ бѣдняга выворачивалъ карманъ за карманомъ, рылся за пазухою — нѣтъ какъ нѣтъ бумаги! Что съ нимъ толковать! закричали вышедшіе изъ терпѣнія солдаты — и подняли его на штыки.

Густѣла ночь, когда мы начали отступать. Г. Панкратьевъ не велѣлъ предавать Эриилей пламени, по просьбѣ шамхала, предвидя, что эта милость обратитъ Эриилинцевъ на сторону Русскихъ — и не ошибся.

Огромные костры пылаютъ до сихъ поръ въ лагерѣ, и все, что имѣетъ двѣ руки — варитъ и жаритъ — правда, и есть изъ чего: болѣе 10 т. головъ рогатаго скота досталось побѣдителямъ. Медомъ и масломъ хоть прудъ пруди... вѣтеръ взвиваетъ муку вмѣсто пыли. Вотъ тутъ-то подивитесь вы вмѣстимости или тягучести Русскаго желудка! Съ ночи до утра, съ зари до вечера, солдаты не отходятъ отъ котловъ... *спятъ подлѣ.* Каждый въ просопкахъ запускаетъ

лапу въ котелъ, вытаскиваетъ кусокъ, и дрем-летъ надъ нимъ съ сладкою улыбкой.

Живописный безпорядокъ и разнообразіе шатровъ, станъ конницы превратился въ базаръ и въ толкучій рынокъ. Татары, казаки, солдаты ва[illegible]атыхъ коврахъ, навалennыхъ [illegible]одаютъ, жѣняютъ богатое о[illegible]ья, нарѣчи, монисты. Мѣдная [illegible]тается по жерзвой землѣ. [illegible]безцѣнокъ, тяжелое отдаютъ [illegible]. . . по толпы продавцевъ в[illegible] около духанщиковъ, т. е. [illegible]потому что порой чарка солдату дороже алмаза. О, вы еще не знаете, какую важную ролю играетъ духанъ за Кавказомъ! Я важу особымъ письмомъ опишу ее, друзья мои: это будетъ что-то въ родѣ . . . между Теньеромъ и Измайловымъ.

Лагерь подъ с. Галемъ Бекъ-Ауломъ. 28 окт. 1831.

Отдыхаю. Быстрѣй, чѣмъ взоръ, пробѣгающій по слѣдамъ пера моего, свершили мы новую побѣду вслѣдъ достойнаго нашего вождя! За то и разбитъ я отъ трудовъ, будто меня ковали молотомъ, а душу отъ дождя хоть выжми. Впрочемъ, воспоминаніе о Чиркейскомъ дѣлѣ освѣжаетъ, грѣетъ каждаго въ нашемъ отрядѣ, и я посылаю этотъ разсказъ вамъ въ гостинецъ — пишу себѣ на удовольствіе.

Эрпилинская побѣда навела ужасъ на окрестныхъ Горцевъ — надо было пользоваться такимъ *впечатлѣніемъ* Русскаго оружія, и 25-го октября командующій войсками двинулъ о-

трядъ * къ мѣстечку Чиркею, лежащему за Сулакомъ. Свѣдавъ изъ разсказовъ, что на Сулакѣ есть деревянный мостъ передъ самымъ селеніемъ, с[illegible]дарь рѣшился захватить его врасплохъ, и [illegible]ля того опередилъ насъ съ одною Татарскою конницею и 4 орудіями. *Чанъ, чанъ!* т. [illegible] соколами перелетѣли 30 [illegible]щихъ Сулакъ отъ лагеря. [illegible]ъ были на сторожѣ — разъ[illegible]сь повсюду, и военачальника[illegible] враги за версту, со всѣми [illegible]я ни свинцу ни пороху. Разсы[illegible] Татаръ, напрасно хотѣлъ онъ заманить ихъ въ перестрѣлку и отрѣзать отъ берега — Черкейцы не дались въ западню. Засѣвъ въ каменные завалы вдоль здѣшняго берега, они въ числѣ 500 открыли злой огонь по наступающимъ, но мусульмане наши, предводимые безстрашнымъ Пусалъ-агою, сыномъ хана Казн-Кумыкскаго, который, выхвативъ знамя изъ рукъ падающаго своего бейдахдара (знаменщика), пошелъ на завалы, выбили ихъ вонъ. Аскеръ-Али бекъ и командующіе мусульманскими полками, маіоръ Мещеряковъ и

---

* Отрядъ состоялъ изъ 2500 человѣкъ пѣхоты и 1500 кавалеріи, при 12 орудіяхъ. Вагенбургъ остался подъ с. Кяфиръ-Кумыкомъ, прикрытый батальономъ

гвардіи штабсъ-капитанъ Юферовъ, втоптали непріятеля въ ущеліе, по которому вилась дорога къ Чиркею. Гвардіи капитанъ Всеволожскій, адъютантъ командующаго, посланный имъ для ободренія стрѣлковъ нашихъ, отличился особенною храбростію, кидаясь съ пики неоднократно на завалы. Пусалъ-ага и Ибрагимъ-бекъ Карчахскій, посѣкая бѣгущихъ, подскакали къ самому мосту подъ градомъ пуль — но мостъ уже былъ полуразобранъ; и какъ разрушеніе его было готово заранѣе, то въ нѣсколько минутъ остальныя мостницы были сорваны, и Черкесцы, покровительствуемые перекрестнымъ огнемъ изъ заваловъ, начали рубить переклады. Отвага стала безполезна — наши отступили въ отбитые завалы.

Въ это время подоспѣла артиллерія, и 2 пушки съ праваго холма, 2 единорога противъ селенія пробудили громовое эхо Кавказа, посылая смерть и разрушенье. Неумолкающая перестрѣлка кипѣла съ обѣихъ сторонъ Сулака. Пули перелетали черезъ голову сардаря, и ложились у ногъ его. Удальцы, одушевленные его словомъ, не разъ пытались завладѣть предмостьемъ, и перебѣжать на другую сторону по переkладамъ — но человѣкъ не птица: невозможное осталось невозможнымъ.

Издали послышали мы перекаты пушечной

нальбы, и ускорили ходъ. Мы подымались въ гору по тѣснинѣ, по дорогѣ, изрытой дождевыми потоками. — Всадникъ за всадникомъ неслись къ намъ на встрѣчу! Скорѣй, скорѣй, одной шагъ! Почти бѣжимъ, потъ градомъ — и вотъ поднялись на хребетъ, заслонявшій намъ видъ Чиркея. Глядимъ — это очарованіе! Покуда пу[illegible]имались по крутизнѣ на канат[illegible] отвесть очей отъ картины, [illegible]кою панорамою окладывалась [illegible] Влѣвѣ черѣлъ хребетъ Салат[illegible]ый Сулакомъ на двое. Проры[illegible]й сверху до низу, обращал[illegible], и западающее солнце, зол[illegible]ну его, одѣвало глубокою тѣнью нашъ отр[illegible]; огневыя облака тихо катялись по гребню Салатафа, и будто падали въ разсѣлину, померкали, гасли. Лѣвый берегъ Сулака вздымался крутою горою, подернутою мрачнымъ кустарникомъ. По ней робко тѣснились безчисленныя стада барановъ, которыхъ смушками славенъ и богатъ Чиркей издавна. Прямо передъ очами, въ обрывистой, мрачной впадинѣ, селеніе Чиркей сходило съ крутизны красивыми уступами, расширялись къ верху. Съ правой стороны его, будто на опрокинутой чашѣ, восходила до тучъ огромная скала усѣченнымъ конусомъ;

волнистые хребты тянулись другъ надъ другомъ съ обѣихъ сторонъ. Русло Сулака терялось между ихъ случайностями — самой рѣки не было видно за крутизнами. Какъ дика и величава и грозна являлась тамъ природа но еще грознѣй стала она отъ пражды человѣка! Вся гора курилась дымомъ пороха, подобно волкану; отвсюду мелькали убійственные выстрѣлы, и повременно сверкалъ перунъ орудій, заглушая ревомъ своимъ перестрѣлку. Какое чудное эхо отвѣчало ему изъ глубины ущелій — казалось, то были отрывистые вздохи раненаго исполина, и потомъ оно разсыпалось грохоча будто скала, разбитая въ дребезги. Горцы перекликались дикими воплями, и только нарѣдка показывались надъ завалами ихъ шапки и папахи. Сталь Русскихъ штыковъ, мѣдь Русскихъ пушекъ горѣла пурпуромъ заката. Мы строились на горѣ, готовые хлынуть къ берегу. Впереди, на высокомъ холмѣ рисовалась живописная куча всадниковъ — то былъ командующій нашъ со своею свитою..... гонцы скакали отъ него и къ нему; очи всѣхъ были устремлены на его мановеніе.... онъ далъ его.

Привѣтный кличъ: Курицы впередъ! стрѣлки впередъ! вызвалъ меня изъ созерцанія картины, которою любовался я, не скажу какъ

художникъ, не скажу какъ поэтъ (перо и кисть мнѣ полхо даются и удаются), по крайней мѣрѣ больше, нежели какъ солдатъ. Бѣгомъ спустились мы съ горы, окаченные пулями изъ патирадныхъ завалонъ, высѣченныхъ, сложенныхъ въ камнѣ одинъ надъ другимъ и сосредоточе[illegible] дороги. Крутой оврагъ пере[illegible]огу; черезъ него брошенъ бы[illegible]ибельный для многихъ — то [illegible] мость Эль-Сыррать, остры[illegible]исящій надъ бездною Муга[illegible]залось, мимо ушей неслась сар[illegible]то сыпались пули. Иѣкогда бы[illegible] на раненыхъ: они летѣли впередъ, [illegible]ожали впередъ. И вотъ мимо, черезъ груды побитыхъ коней нашихъ всадниковъ, мы вбѣгаемъ въ завалы. — Селамъ алейкюмъ Нусалъ-ага! Алла-сахла-сынъ Ибрагимъ-бекъ! — Хошъ гялдунъ, хошъ гялдунъ, хошъ (милости просимъ)! Они сидятъ подъ своими знаменами, уже изстрѣленными, окровавленными. — Ну что новаго? что хорошаго? — Чиркейцы изломали мость, остались только переклады. Прощайте же: теперь наша очередь попытать счастья — впередъ, ребята! Мы перебѣгаемъ вдоль завалонъ, и спускаемся въ тѣснину, по дну которой вьется узкая тропа, и у подошвы скалы круто

поворотя влѣво, идетъ или, лучше сказать, виситъ надъ Сулакомъ, на пистолетный выстрѣлъ отъ противолежащаго берега. Чиркейцы очень хорошо знали важность этой точки, и не дали намъ показать носа изъ ущелины: каждый, кто только ставилъ впередъ ногу, былъ раненъ. Полковникъ Гофманъ вслѣдъ за нами привелъ батальонъ своего полка — лошадь подъ нимъ была убита, шинель прострѣлена. Немного погодя, пришло человѣкъ 200 охотниковъ Эриванскаго карабинернаго — но всѣ, видя физическую невозможность до ночи приблизиться къ мосту, принуждены были ограничиться перестрѣлкою. Между тѣмъ войско стало по горѣ стѣнами. Штыки, сверкая, подобились щетинѣ какого-то необъятнаго чудовища. Сардарь нашъ носился изъ края въ край, и подъ свистомъ пуль самъ назначалъ мѣста подъ баттареи — скоро загремѣла поставленная противъ самаго Чиркея. Любо и страшно было смотрѣть, какъ чугунъ билъ и рушилъ все въ сердцѣ многолюднаго селенія. Каждый ударъ видимо ниспровергалъ утлые домы. Гранаты, чертя померкшее небо, какъ падучія звѣзды, лопались, вспыхивали молніями, и второй выстрѣлъ будто отвѣчалъ на первый, его рипувшій, и за ними долго, долго катились отрывистые отголоски по уще-

линамъ. Порой за пылью и дымомъ вырывалось пламя пожара. Крики и плачъ вдали оливались въ какое-то дивное роптанье, будто кипѣніе котла, будто вой вѣтра въ пещерѣ. Смерклось. Перепалка рѣдѣла . . . барабаны и рожки зазвучали зорю. Какъ невыразимо величеств[illegible]узыка серди битвы! какъ го[illegible]ю звучала она въ горахъ Кав[illegible]стали стрѣлять — имъ дивны б[illegible]и. Эхо Чиркея впервые откл[illegible]вые наши барабаны. Все сти[illegible]дко брызгали огненные фо[illegible]да и отсюда; лишь ревъ и [illegible]Сулака, кипящаго въ глубинѣ каменнаго русла, нарушали безмолвіе ночи. Иногда переклики враговъ, стекающихся въ завалы, возникали за рѣкой — мѣрное *слушай* часовыхъ въ цѣпяхъ, раскинутыхъ по хребтамъ окрестнымъ — раздавалось на нашемъ берегу. Солдаты весело балагурили въ низменныхъ шанцахъ: я лежалъ прислушиваясь къ ихъ разговорамъ. Ночной холодъ проницалъ меня насквозь. Голодъ и жажда воевали въ желудкѣ, а гдѣ найти воды? гдѣ достать сухаря? Солдаты пошли въ дѣло безъ ранцевъ. Я не панъ Твардовскій, и не продалъ бы души за бочку вина, ни за боченокъ золота — но кошелекъ съ золотомъ — (прав-

ду сказать, весьма вѣтротлѣнный) охотно бы отдалъ тогда за стаканъ воды, *простой* воды! за кусокъ хлѣба — *чернаго* хлѣба! Въ эти грустныя минуты, когда умъ переселяется въ желудокъ и сердце воспоминаетъ о прелестяхъ ужина — слышу, вызываютъ охотника осмотрѣть мостъ . . . я увѣренъ, что голодный менѣе сытаго дорожитъ жизнію — вѣроятно, потому всѣ великіе полководцы нарочно мало заботились кормить свои войска. Я вскочилъ гоголемъ: протираюсь между множествомъ солдатъ, коими начинено было путевое ущелье, завертываюсь въ шинель, оборачиваю ружье погономъ впередъ, чтобы оно не блестѣло, и лѣпясь подъ скалою, тихохолкомъ выбираюсь на дорогу — шириной немного болѣе сажени. Черныя вставали, хмурились передо мною утесы обоихъ береговъ. На каждомъ шагу обломки плитъ измѣняли звукомъ моему ходу, и, признаюсь, ретивое забилось, когда незванные выстрѣлы озарили меня. Стою какъ камень между камнями — а не замѣченъ! Я насчиталъ 87 шаговъ отъ поворота до предмостія. Ползу какъ змѣя къ закраинѣ берега — присматриваюсь: лежитъ одинъ переклядъ сажени въ 4, но и тотъ сдвинутъ въ сторону, и едва, едва, держится. Внизу, въ глубинѣ саженъ 10-ти, крутился и пѣнился

мятежный Сулакъ, и надъ нимъ склонялись головами объ скалы подножій моста: ну, съ берега на берегъ казалось рукой подать! Мостъ замыкался воротами, висящими на каменныхъ верелхъ. Влѣвѣ, гдѣ Сулакъ образовалъ колѣно, бѣлѣлись одна надъ другою три сакли, которыя могли пронизывать мостъ съ боку! отъ самыхъ воротъ и надъ самыми воротами, тянулись по горѣ въ нѣсколько рядовъ завалы. Все это въ темнотѣ не могъ я разсмотрѣть сразу. Я былъ такъ близокъ отъ враговъ, что слышалъ тихій говоръ — видѣлъ, какъ они носили каменья, заваливая ворота, возвышая завалы, и вдругъ, на бѣду мою, меня почуяли за рѣкой собаки. Лай ихъ раздался зловѣщимъ по горамъ отголоскомъ, и пули зачикали около меня по каменьямъ. Припавъ къ землѣ, словно мѣдный грошъ, я счастливо отлежался. Собаки смолкли, огонь прекратился и я назадъ, назадъ. Въ ущеліи встрѣтился я съ инженеръ-штабсъ-капитаномъ Горбачевскимъ, съ сапернымъ поручикомъ Вильде и артиллеріи штабсъ-капитаномъ Дейтрихомъ — они собрались на осмотръ, съ котораго я возвратился. Желая повѣрить все своимъ опытомъ, храбрые офицеры эти въ солдатскихъ шинеляхъ, съ ружьями отправились

какъ удобнѣе строить новый мостъ, они рѣшили построить напротивъ моста баттарею, чтобы разбить сакли и прикрыть переправу. Рабочихъ сюда! Долой бѣлую аммуницію — живо, тихо! Потащили бревна, привезенныя съ собою — и счастливо сложили ихъ у предмостія. Потомъ отправились выбирать мѣсто подъ баттарею, между завалами и краемъ берега. Ходимъ, разглядываемъ — нелегкая принесла туда пастушьихъ собакъ не успѣвшихъ ретироваться въ Чиркей. Четвероногіе стражи ходячей баранины изволили притаиться въ каменьяхъ, и потревоженные нами, подняли такой гвалтъ, что Боже упаси! Это бы все ничего; но солдаты, не предувѣдомленные о нашей экспедиціи, воображая, что подкрадывается изъ засады непріятель, открыли огонь. Отвѣтные выстрѣлы полетѣли отъ Чиркейцевъ: свои и чужіе принялись строчить насъ на перекрестъ . . .

. . . Было жарко, правду сказать — но темнота мѣшала цѣльности; мы припали къ землѣ, и докричались своимъ, чтобъ они не стрѣляли. Все стихло. Выбрали мѣсто. Заложили цѣпь стрѣлковъ впереди; означили камешками направленіе фасовъ и амбразуръ эполемента; потребовали инструментовъ и рабочихъ. Начали выводить стѣну, разбирая камни завала. Солдаты работали тихо, без-

молено, какъ муравьи — но они были неопытны въ этомъ дѣлѣ: мало было разсказывать, пришлось показывать и самому, какъ и что выполнить; я ворочалъ плиты, укладывая ихъ въ связяхъ мерлоновъ, ибо малѣйшее замедленіе или неосторожность могли стоить жизни многимъ. Прежняя наука пригодилась мнѣ теперь (вы знаете, что я готовилъ себя когда-то въ инженеры или артиллеристы)! мнѣ поручили выстроить лѣвую половину укрѣпленія — и работа росла, кипѣла. Каждый слой камня перекладывали мы землею, чтобъ камни не брякали и плотнѣе ложились — одѣвали ихъ снаружи, чтобы не бѣлѣлись. Скоро мы вывели стѣну въ сажень вышиною, для прикрытія артиллеристовъ отъ навѣсныхъ выстрѣловъ съ крутизны, владѣющихъ нашимъ берегомъ. Въ сторону развели крылья, для помѣщенія. Потомъ надо было расчистить дорогу для провозу пушекъ — это заняло довольно времени. Часу въ пятомъ предъ свѣтомъ ввезли и надвинули орудія — а непріятель, занятый и самъ поправкою заваловъ, ничего о томъ не зналъ и не вѣдалъ. Шутка попробуемъ, какъ низко возмутъ орудія!

Перунъ блеснулъ — ядро ударилось въ каменный черепъ, и дважды осыпало окрест-

Изумленные Горцы съ крикомъ пустили градъ пуль на огонь пушки. Другое ядро направлено было на дальній огонекъ, видно разложенный подъ котломъ въ глубокомъ завалѣ... оно какъ разъ легло въ средину тѣней — и онѣ разсѣялись, пламя погасло . . . видно, Русскій чугунъ не очень удобоваримъ . . . плохая онъ приправа Горскому плову! Умолкли всѣ: всѣ ждали утра; оно уже сѣрѣло по высямъ горъ; зубцы ихъ обозначались; громады, сдвинутыя около Чиркея неодолимою твердынею, разсвѣтали постепенно. Туманъ клубился изъ оврагокъ, будто ровъ, изрытыхъ природою въ оборону этому гнѣзду храбрыхъ разбойниковъ, стекшихся изъ Чечни и Салатафскихъ деревень на помощь ближнимъ. Первый лучъ солнца, сверкнувшій на темѣ Кавказа, казалось, зажегъ снова огонь вражды и громы пушекъ. Баттарея изъ 10 орудій, устроенная по приказу командующаго противъ самаго Чиркея, произнесла глаголъ смерти. Двѣ пушки нашей баттареи, перевозимыя то вправо, то влѣво въ запасныя амбразуры, прыснули картечью по заваламъ, устроеннымъ въ садахъ, лѣстницей другъ надъ другомъ, ядрами по саклямъ предмостія. Каменные осколки летѣли во всѣ стороны — деревья ложились, будто пожатыя ураганомъ. Ружей-

ная пальба ...горѣлась съ новою силою . . . дымъ густыми клубами катился по горѣ, и потомъ медленно сливался съ облаками, задѣвающими за ... овы скалъ. Картина была великолѣпна!!

Позабавившись стрѣльбою изъ ружья по головамъ Г... ихся перебѣгать изъ разруш... воротамъ, я дивился мѣт... ыстрѣловъ. Выставленныя ...атки въ одинъ мигъ пора... и пулями. Всякой, кто с... съ баттареи въ завалы, бы... ень; кто протягивалъ ногу, платилъ за это удобство дорого. Я бы счелъ за сказку, что свинецъ пробиваетъ желѣзо — но убѣдился въ томъ, увидя пять ружей прострѣленныхъ сквозь стволъ; у нѣкоторыхъ сверхъ того пули, пробивъ обѣ стѣнки, сломали стальные шомпола. Толстые желѣзные листы, покрывающіе кровлю зарядныхъ ящиковъ, превратились на нашей баттареѣ въ рѣшето. Множество штыковъ было сломано пулями. Правду сказать, мы очень близко были отъ непріятелей — а ихъ винтовки берутъ невѣроятно далеко. Я усталъ; я былъ истощенъ трудами и безсонницею, ибо и за прошлую ночь пролежалъ въ секретѣ.

шечное ведро, невольная, неодолимая дремота наложила свинцовую печать на мои вѣки. Нѣсколько раненыхъ лежали подлѣ, стеная. Ноги мои упирались въ убитаго — ни тѣхъ, ни другаго нельзя было вынести съ баттареи — она, какъ островъ, возвышалась на скатѣ, открытомъ даже пистолетнымъ выстрѣламъ враговъ. На меня нашелъ какой-то жалобный стихъ . . . свистъ ядеръ съ большой баттареи слышался мнѣ стономъ вдовъ и сиротъ: для чего люди терзаютъ другъ друга безпощадно? подумалъ я . . . но не успѣлъ додумать: я заснулъ богатырскимъ сномъ . . . Ни громъ пушекъ рядомъ со мною, ни свистъ пуль мимо не пробудили меня — черезъ полчаса, полагаю, меня разбудилъ бомбардиръ, которому нужно стало окунуть въ ведро банникъ. Озираюсь — бой еще горитъ во всей силѣ.

Между тѣмъ командующій войсками, обозрѣвая орлинымъ окомъ возможности — послалъ Басова казаковъ отыскивать бродъ гораздо выше Чиркея; а противъ самаго Чиркея, усилить огонь большой баттареи, приказалъ попытать броду или переправы вплавь. Слово любимаго вождя одушевило Русскихъ безпримѣрною отвагою. Мусульманскіе всадники, Линейные казаки изъ конвоя командующаго,

ринулись съ крутизны на копяхъ въ рѣку, да и кто подъ глазами его не пошелъ бы въ огонь и въ воду! Егеря 42-го полка, баталіона маіора Кандаурова, исполнили это въ полномъ смыслѣ слова. Предводимые штабсъ-капитаномъ Баратовымъ и поручикомъ Хвостиковымъ, от[illegible] кинулись въ бурный потокъ ки[illegible]рѣлой съ крутаго ложа...но что[illegible]юди противъ всемогущей Пр[illegible]шные были сбиты, разнесены [illegible]ною — съ большимъ трудомъ же[illegible] Но непріятель съ удивленіемъ [illegible] увидѣлъ, что Русскимъ пѣть[illegible]иготовленіе къ постройкѣ моста, для чего изъ ущелія начали уже набрасывать доски и фашины, поразило ихъ еще болѣе . . . эти попытки показали имъ мѣру нашей храбрости — они смутились, оробѣли . . . стали переговариваться съ наступающими — кричать аманъ (пощада), махать шапками, и наконецъ, не смотря на жаркій картечный огонь, выслали старшинъ на берегъ для условій. Командующій, видя, что онъ можетъ достигнуть цѣли, не теряя людей, велѣлъ прекратить пальбу . . . Но малу она умолкла обоюду.

Пріятна минута перемирія послѣ боя, какъ тѣнь въ пылу дня, какъ перемежка болѣзни.

Всѣ вдругъ поднялись изъ заваловъ, будто выросли изъ земли. Гора покрылась непріятелями, унизанная ими какъ многоразличными бусами — и съ какимъ любопытствомъ зрѣли, считали мы ихъ очами! . . . Ихъ было болѣе 4,000. Опершись на ружьи или гордо взбрасывая ихъ за плечо, стояли Горцы, угрюмо поглядывая на насъ изъ-подъ мохнатыхъ шапокъ своихъ . . . Живописныя группы столпились у спуска къ рѣкѣ, чтобы напиться или освѣжить лице (изъ завалова прогулка за водою стоила бы жизни). Припавъ къ рѣкѣ, они жадно глотали мимолетную влагу, черпали рукой, купали головы. Вдали выносили ихъ раненыхъ, убитыхъ. Стараясь нетерпѣніемъ разсмотрѣть все поближе, я спрыгнулъ съ амбразуры, и прямо спустился къ мосту, лѣпясь за уступы скалы. Старшины селенія, окруженные разноплеменными Горцами, видными старыми людьми, приближались къ разрушенному мосту; между ними мелькали бѣлыя чалмы приверженцевъ Кази-Муллы. Мнѣ хотѣлось промѣнять съ Черкейцами нѣсколько словъ — и я обратилъ рѣчь къ молодому человѣку — юность менѣе недовѣрчива и менѣе осторожна.—Алейкюмъ селамъ хоччахъ! (молодецъ). — Сагъ-олъ! саг-олъ (благодарю). —Зачѣмъ вы сражаетесь съ нами! сказалъ я: добрые

люди должны быть друзьями! — Зачѣмъ же вы идете къ намъ, если вы добрые? — Вы сами начали ссору: вы приходили грабить нахальцевъ: были подъ Тарками, подъ Дербентомъ, Эрпилахъ. — У насъ каждому воля итти, куда хочешь. Вездѣ есть добрые люди, есть и разбойники! — Пусть такъ. Зачѣмъ же вы принимаете и скрываете нашего врага, Кази-Муллу? . . . Семейство его до сихъ поръ между вами. — Нѣтъ. Онъ давно отъ насъ уѣхалъ, а жена его вчерась бѣжала въ горы... ступайте же назадъ! — Нѣтъ, пріятель! Русскіе не отступаютъ безъ удовлетворенія. Вы видите, что нельзя перелетѣть за рѣку! Вы видѣли, что мы едва, едва не перешли за нее . . . простоимъ еще недѣлю, мѣсяцъ, и построимъ мостъ, запрудимъ Сулакъ нашъ, и хоть потеряемъ половину солдатъ, а непремѣнно возьмемъ Чиркей. Тогда не ждите пощады.

Горецъ нахмурился и молчалъ; другіе сердито шептались между собою. Я продолжалъ: вы славно дрались, а бой не проходитъ даромъ. Я чай, много у васъ ранено, убито? Лица Горцевъ померкли вдругъ, будто тяжелою мыслію: иные потупили очи, иные отворотились.—Не спрашивай насъ объ этомъ, отвѣчали они . . . на жизнь и смерть Божія

воля. — Впослѣдствіи отъ самихъ старшинъ свѣдали, что у нихъ потери болѣе 300 человѣкъ. Одна граната, пробивъ стѣну, лопнула подлѣ столба, поддерживавшаго потолокъ — онъ палъ, потолокъ рухнулъ и подавилъ 60 человѣкъ вдругъ. Эта граната была Самсонъ въ миніатурѣ между горскими Филистимлянами.

Съ нашей стороны командующій войсками прислалъ для переговоровъ маіора Аббасъ-Кули-Баки-Ханова, мусульманина, извѣстнаго своею ученостію, достойнаго преданностію. Со стороны Чиркейцевъ договаривался именитый между нихъ человѣкъ, Джеммалъ. Послѣ многихъ споровъ и возраженій, Чиркейцы предались великодушію Русскаго Правительства на слѣдующихъ условіяхъ.

1-е. Мѣстечко Чиркей покоряется отнынѣ Престолу Его Императорскаго Величества, и обязывается исполнять всѣ приказанія Русскаго начальства.

2-е. Чиркейцы обѣщаются не принимать къ себѣ ни Кази-Муллы, ни его сообщниковъ.

3-е. Они должны возвратить орудіе, взятое Кази-Муллою у отряда генерала отъ кавалеріи Эммануэля.

И такъ въ одинъ день совершено покореніе одного изъ неприступнѣйшихъ селеній

Кавказъ, которое оградилъ онъ въ лонѣ своемъ и крутью горъ, и быстрымъ потокомъ! Люди не признававшіе отъ вѣка никакихъ властей, склонились предъ оружіемъ Русскаго Царя. Что жъ можетъ противустать Его волѣ, уму Его вождей, отвагѣ Его воиновъ, когда здѣсь самую природу побѣдили силы человѣка!.

Меж[illegible]или кругомъ, высматривал[illegible], забывъ, что очень не без[illegible] на честь Азіятца, не зная[illegible]го никакихъ правъ и правил[illegible]юдаемыхъ Европейцами. З[illegible]бопытство, многіе стали взводить курки, а когда увидѣли, что топографъ чертитъ что-то карандашемъ, нѣсколько ружей склонились на прицѣлъ, съ явными угрозами. Эта осторожность пришла поздненько. Все, что нужно было знать и снять, было узнано и снято.

Къ вечеру сѣнили насъ изъ шапцевъ — и какъ сладко и какъ крѣпко уснулъ я подъ открытымъ небомъ, на голомъ камнѣ у огонька! Въ двадцати шагахъ отъ меня стояли палатки съ ранеными — но я не слыхалъ ихъ стона, не смотря на то, что имъ дѣлали операціи. Убитыми и ранеными потеряли мы въ

этомъ дѣлѣ до 80 человѣкъ. Конямъ тоже досталось порядочно; ихъ положили до 75.

Еще звѣзды сверкали, трепетали въ небѣ, и холодные лучи ихъ сыпались на лица спящихъ инесмъ — а ужъ барабаны гремѣли, призывая къ походу. Отъ звука ихъ, будто отъ дыханія бури, легли палатки стана. Сперва тронулись тяжести: лазаретъ, артиллерія, обозъ; въ замкѣ и мы, но ужъ было свѣтло, когда пошли мы. Дождевыя облака, подобныя сѣрому дыму, клубились въ ущеліяхъ, будто изъ жерлъ адскихъ. На горахъ уже низвергался дождь, и вздутый имъ водопадъ, съ лѣвой стороны Чиркея, пѣнясь клубился по уступамъ горнымъ. Казалось, онъ падалъ прямо изъ тучь, гонимыхъ, расшибаемыхъ о ребра гигантскаго утеса. Смиренъ и печаленъ лежалъ покоренный Чиркей, и будто со стыда притался въ ущеліи. Жерло Сулака въ вышинѣ унизалось парами, которые катились, неслись, падали съ хребта Салатавскаго, будто снѣжные обвалы. Я все оборачивался назадъ, все любовался этимъ печальнымъ зрѣлищемъ — но скоро гряда холмовъ и дождевая завѣса заградили горизонтъ мой.

Ну ужъ погода, ну ужъ переходецъ, прости Господи!..... или, или — какъ журавль по болоту — одну ногу высвободишь, а другая

вязнетъ. Ливень цѣлый день преслѣдовалъ насъ какъ ревнивый мужъ — вѣтеръ проницалъ въ самыя сокровенныя складки души. Насилу-то дотащились до Галембекъ-Аула. Пришли, стали — вода по колѣно, а ужъ грязь-то, грязь, такая что сдѣлала бы честь любому Азіятскому городку. Палатки наши — ни дать ни взять, чертогъ Русалокъ. Разложили огромные костры — хотѣли посушиться — куда тебѣ! съ одной стороны жгло и паръ валилъ клубами, съ другой въ это же время платье втрое мокло отъ дождя. Уставъ вертѣться даромъ передъ огнемъ, я рѣшился, мокрый какъ мышь, лечь на мокрый коверъ, постланный на грязи — т. е. на пуховикѣ, который Провидѣніе всегда держитъ на готовѣ для нашего брата, воина. Зная однако жъ экспериментальную физику — я, для поддержанія животной теплоты, хватилъ добрую чарку водки, и скоро согрѣлся такъ, что съ меня пошелъ паръ, будто съ парохода. Постепенно погружался я въ воду и въ забытье, и наконецъ заснулъ, какъ бобръ, выставя только носъ на

С. Гилли, 6 декабря 1831.

Какой Русскій не веселится сегодня, празднуя тезоименитство великаго нашего Монарха! Но между тѣмъ какъ шампанское шумитъ и льется и пьется за Его драгоцѣнное здоровье у васъ въ столицѣ — я посвѣщу эти часы славѣ Его побѣднаго оружія.

30-го октября была у насъ торжественная присяга. Отъ мятежныхъ селеній Дагестана, отъ Чиркея и Гумбета, отъ Салатавскаго округа и общества Койсубулинцевъ съѣхались старшины и посланцы. Привезено было и требованное изъ Чиркея орудіе, которое хранили они на высокой горѣ за селеніемъ. Войска стояли въ строю; знамена развѣвались вѣ-

трожъ Кавказа, смиреннаго Русскимъ оружіемъ. Командующій сказалъ Горцамъ рѣчь, полную простоты и силы: упомянулъ о низкомъ происхожденіи Кази-Муллы, возмутителя ихъ; о томъ, какъ онъ, выдающій себя за посланника Неба и очистителя Вѣры, продавалъ въ молодости водку и вино [illegible]намъ; о томъ что сей злодѣй умерт[illegible] отца самымъ ужаснымъ образомъ, [illegible]въ горло кипящее масло; доказ[illegible]тупками, что онъ лишь себялюбецъ[illegible]ціи власти и золота; что они видятъ[illegible]мъ какія кары накликалъ онъ без[illegible] мятежами на головы имъ обманутыхъ; что стыдно долѣе вѣрить, грѣшно дружить сему избранному злаго духа; что Монархъ нашъ милуетъ заблужденныхъ, щадитъ покорныхъ, но умѣетъ открывать лицемѣріе и казнить мятежъ. Старшины клялись свято сохранять вѣрность и покорность, положивъ руку на Куранъ и лобзая его. Завѣтъ спокойствія Дагестана былъ заключенъ. Но чтобы упрочить оный, командующій размѣстилъ войска въ с. Карабудахъ-Кентъ, въ Гиллихъ, въ Буйнакѣ, въ Уятамишѣ. То была живая цѣпь, наложенная на Табасарань, въ которой умы еще волновались. Сардарь нашъ вѣдалъ, что присутствіе Абдурзахъ-

борниковъ Кази-Муллы, было закваскою мятежей въ средѣ буйныхъ Табасарацевъ, и для того послалъ къ измѣнникамъ довѣренныхъ людей отъ имени почетныхъ Дербентскихъ жителей, уговорить ихъ предаться великодушію Русскихъ, прося пощады. Это удалось. Абдурзахъ-кадій, Айдамиръ, Муртазали и другіе мятежные беки явились къ Дербентскому коменданту. Командующій, извѣстясь о томъ въ кр. Бурной, которую тогда осматривалъ, поспѣшилъ прибыть въ Дербентъ, и отослалъ главнѣйшихъ подъ надзоромъ въ Баку. Между тѣмъ Табасаранскіе беки, по его приглашенію, избрали себѣ въ главу, т. е. въ кадіи Исай-бея, извѣстнаго своимъ усердіемъ къ Русскому Правительству. Ибрагимъ, бекъ Карчахскій, наслѣдникъ владѣній майсумовъ, привелъ въ покорность возмутившихся своихъ подданныхъ. Джамаль-бекъ, сынъ послѣдняго уцмія, принялъ обѣты вѣрности Каракайдахцевъ. Однихъ устрашили быстрые успѣхи Русскаго оружія, другихъ укротило великодушіе командующаго — Дагестанъ смирился.

Дивлюсь я, и до сихъ поръ постичь не умѣю, какимъ колдовствомъ солдаты всѣхъ скорѣе узнаютъ далекія новости, нерѣдко важныя тайны! Будетъ ли походъ, рѣшено ли

дать сраженіе, идетъ ли къ намъ какое войско, гдѣ движется и что замышляетъ непріятель . . . имъ все извѣстно, обо всемъ они говорятъ задолго прежде, сперва шепотомъ въ палаткахъ, потомъ около огней, а потомъ уже открыто — и хоть вѣсти ихъ не всегда бываютъ [illegible]бностяхъ, но почти всегда вѣ[illegible]оя на часахъ у начальниковъ [illegible]сти въ канцелярію. толкуя ст[illegible]нарями, они проникаютъ [illegible]хъ, такъ же незамѣтно и [illegible]но. Близкія и безпрестанн[illegible] съ народомъ, даже въ землѣ непріязненной, даютъ имъ средства скорѣе другихъ вызнавать слухи и замыслы. Но, что всего страннѣе, случалось, они разсказами предупреждали событія — что ни говорите, а иногда гласъ народа есть гласъ Божій. Такъ было и недавно. Между солдатами давно уже ходилъ слухъ, будто Кази-Мулла, занявъ генерала Вельяминова сраженіемъ на Суджѣ, самъ ночью съ одной конницею ударилъ внизъ по Тереку, перебродился за него, и врасплохъ вторгся въ Кизляръ, ограбилъ часть города, три церкви *, и съ плѣнными ушелъ въ горы. Сначала вѣсть эту счи-

* Тамъ случилось странное событіе, доказывающее [illegible]

тали несбыточною; но невѣроятное обратилось скоро въ вѣроподобное, и наконецъ подтвердилось офиціяльно. — Набѣгъ сей совершенъ былъ Кази-Муллою 1-го ноября. 5-го онъ уже былъ подъ Чиркеемъ. Гордый удачею, надежный на золото, онъ хотѣлъ остаться тамъ; но Чиркеицы крѣпко держали присягу, потому, что крѣпко помнили Русскіе гостинцы — и не приняли разбойника. Желая своею дѣятельностію выиграть во мнѣніи Дагестанцевъ, дабы подвигнуть ихъ къ новому мятежу, онъ, въ ночи на 8-е ноября, напалъ на селеніе Каранай; но Каранайцы и Эрпиланцы совокупно ударили на его скопища, вытѣснили, погнали — онъ засѣлъ въ неприступномъ ущеліи, по дорогѣ къ Гимри. Стало явно, что уваженіе къ лжепророку упало — самые горячіе его приверженцы на него возстали: мѣры боя и мира командующаго произрастили желанные плоды.

Кази-Мулла, послѣ этой неудачной попытки, бѣжалъ въ Гимри, селеніе, лежащее на Койсубулинскомъ обрывѣ Салафата, въ пропасти, недосягаемой взоромъ, не только оружіемъ. Лишь узкія тропинки, пролегающія надъ стремнинами, ведутъ туда. Тамъ нахо-

---

Русскую церковь дочиста — они оставили только богатый образъ сего снятаго неприкосновеннымъ.

дилась одна ж на и часть семейства Кази-Муллы — и так же хотѣлъ перезимовать онъ самъ, защи нный многочисленными единомышленникам . Желая удалить возмутителя изъ сосѣдстві сѣвернаго Дагестана, генералъ-адъютантъ Па кратьевъ отправилъ подарки къ почетнымъ Г мени шамхала, уговаривая и оеды своей Кази-Муллу; но хотѣлъ подкрѣпить свое тре Генералъ Кохановъ получ нять Каранай и Эрпили, и единственныя дороги въ и нія. Самъ командующій и 13-го числа въ Карабудахъ-Кентъ, распуская слухъ, что пойдетъ атаковать Гимри. 16-го, батальону Куринцевъ, въ сопровожденіи 3-хъ тысячъ пѣшихъ шамхальцевъ, приказано было выступить изъ Эрпилей на гору. Слышать — значитъ повиноваться. Велѣно — и для Русскаго нѣтъ невозможнаго. Съ разсвѣтомъ мы двинулись на крутой хребетъ Салатафа, давно уже покрытый снѣгомъ . . . идемъ!

Давно — кажется, съ Байбуртскаго сраженія, не уставалъ я такъ, какъ усталъ, взбираясь по обледенѣлой крутизнѣ Салатафа. Ноги раскатывались, скользили: не возможно было итти, не упираясь штыкомъ въ снѣгъ,

За то я щедро награжденъ за усталость прелестнымъ видомъ, когда вѣтеръ распахнулъ позади насъ туманы. Прошедши двѣ трети, т. е. верстъ 5 въ гору, мы были остановлены — и я имѣлъ полный досугъ вздохнуть, дать разгулъ очамъ своимъ. Я уже стоялъ за границей растенія на крутомъ гольцѣ. Утро было морозно, солнце катилось по синевѣ, ныло и лучезарно. Девственный снѣгъ, не запятнанный слѣдомъ человѣка, горѣлъ какъ покрывало, соткапное изъ алмазовъ по радужной основѣ. Огромныя деревья лѣса опушены были кристаллами, въ тысячу разъ прелестнѣйшими зелени . . . Это было что-то идеально-очаровательное: звѣзды роились по нимъ вмѣсто листьевъ, солнцы въ замѣну плодовъ. Но что видѣлось подъ стопами внизу, подъ очами вдали: и склоны и обрывы горъ, расписанные тѣнями, и яркіе хребты застывшаго океана, вспѣненнаго туманами, и все, все, что можно было обнять взоромъ и воображеніемъ — этого не выразитъ никакое слово, не дастъ подобія никакая кисть. Сколько жизни разлито было по этимъ горамъ, не смотря на зиму, символъ безжизненности! Я исчезалъ въ созерцаніи — Адамъ падалъ съ плечъ моихъ . . . я былъ такъ далекъ отъ земли, и земля сквозь мысль мою казалась

мнѣ такъ чистою — самъ я въ эту минуту былъ такъ близокъ къ небу — словно, достоинъ его! . . . Лучъ солнца игралъ, какъ поцѣлуй ангела, на лицѣ моемъ, будто никогда не кропленномъ ни каплею пота, ни каплею слезъ, ни каплею крови! Тогда я могъ сказать какъ Фаустъ: «Возвышенный духъ! ты далъ мнѣ, далъ мнѣ все, о чемъ молилъ я. Ты отдалъ мнѣ въ царство пышную природу, даровалъ силу ее чувствовать, ею наслаждаться! Не къ одному хладнодышащему изысканію ты допустилъ меня — нѣтъ! ты дозволилъ мнѣ заглядывать въ глубокое ея лоно, какъ въ сердце друга.»

Мы не пошли въ Гимри, ибо командующій войсками очень хорошо зналъ невозможность спуститься въ эту пропасть въ такое суровое время года. Но демонстрація его имѣла полный успѣхъ. Его на дорогѣ встрѣтили посланные отъ Койсубулинцевъ съ увѣреніями, что желаніе Русскихъ будетъ совершено. На другой день явились Гимринцы отъ старшины селенія Дануду-Магаммеда съ извѣстіемъ, что Кази-Мулла, изгнанный ими, удалился со своими клевретами въ Иргены, гдѣ присоединился къ нему Гамзатъ-бекъ Аварскій, дважды помилованный, и дважды измѣнившій Рус-

Видя укрѣпляющееся довѣріе къ Русскимъ и ненависть къ лжепророку между Дагестанцами, генералъ-адютантъ Панкратьевъ, дабы усилить оныя, лично роздалъ нѣсколько медалей и денежныхъ награжденій мусульманамъ, отличившимся въ дѣлѣ 8-го ноября. Между тѣмъ зима установилась. Густые снѣга завалили сугробами ущелія. Горныя дороги стали непроходимы, и Сардарь нашъ отправилъ часть войскъ, истомленныхъ безпрестанными походами, въ свои штабъ-квартиры. Для опоры же спокойствія, пять ротъ Куринскаго полка и шесть ротъ Апшеронскаго расположились первыя въ Карабудахъ-Кентѣ, вторыя въ Дженгутаѣ.

Въ это время получено извѣстіе, что Кази-Мулла хотѣлъ было водвориться въ с. Иргены — но видно счастье его пошло на отливъ: ему и тамъ не дозволили скрываться. Навербовавъ по горамъ отчаянную шайку, человѣкъ до 500, онъ съ Гамзать-бекомъ, достойнымъ его сподвижникомъ, перевалился за Салатафъ, и засѣлъ въ почти неприступномъ урочищѣ Чумкессенъ, въ 12-ти верстахъ отъ Казанищъ, разглашая, что хочетъ карать отпавшихъ своихъ сообщниковъ, и между тѣмъ похищая барановъ у сосѣднихъ деревень. Генералъ-маіоръ Коховъ выступилъ противъ

разбойника съ двумя батальонами, подкрѣпленными шамхальскою пѣхотою при 4 орудіяхъ, 26-го ноября; обошелъ оврагъ и атаковалъ непріятеля. Но непроницаемый туманъ воспрепятствовалъ успѣху. Не видя далѣе пяти шаговъ передъ собою, а уже осенній день на вечерѣ, Русскіе должны были отступить. Горцы дерзостно кинулись изъ заваловъ своихъ — перешли черезъ глубокій оврагъ и напали на передовыя войска наши, но были разсѣяны пушечными выстрѣлами. Дерзость ихъ возрастала съ каждымъ шагомъ отступленія — это обычная Азіятская сноровка. Разъ пять порывались они отбить заднее орудіе, на узкой лѣсистой дорогѣ — но артиллерійскій офицеръ безъ страха снималъ его съ передковъ, обдавалъ Горцевъ картечью, и снова на передки — это былъ тигръ, котораго каждый оборотъ стоитъ жизни собакамъ . . . Одна минута однако жъ была истинно роковая. Худо ли былъ проколоть картузъ или не догнанъ до жѣста — только скорострѣльная трубка вспыхнула, и пѣтъ выстрѣла — ставятъ другую — вспышка! третью — не палитъ!! а Горцы почти на колесѣ, и съ дикими воплями кидаются въ шашки — но Аншеронцы лихо отстояли орудіе, стрѣлялись въ упоръ, рѣзались въ рукопашь. Глубокій снѣгъ и чрез-

чайно суровая погода принудили насъ воз-
атиться въ самыя Казанищи.

Въ ночи на 26-е число, Кази-Мулла отря-
лъ 300 человѣкъ для нападенія на Эрпили,
тамъ сторожилъ ихъ отважный Улу-бей.
разсвѣтомъ началась сѣча. Улу-бей со
оими вытѣснилъ ихъ изъ края селенія, ими
нятаго — преслѣдовалъ далеко, многихъ
илъ, 10 человѣкъ взялъ плѣнными. Въ Эр-
ляхъ въ этотъ набѣгъ свершилось дѣло, до-
ойное памяти. Мать Улу-бея, пылая гнѣ-
мъ и местію на виновниковъ бѣдъ ея, род-
ихъ и одноземцевъ, кинулась на нихъ съ то-
ромъ въ рукахъ, поразила нѣсколькихъ и
на пріяла геройскую смерть. Кази притаил-
въ Чумкессенѣ; но могли ли, но должны
были Русскіе терпѣть непримиримаго вра-
въ 12 верстахъ отъ себя? Это бы значило
онтать свои лавры, даромъ потерять плоды
бѣды. Командующій войсками взвѣсилъ, ка-
вліяніе эта дерзость можетъ сдѣлать на
Дагестанцевъ и Горцевъ, даже на войска
ни — и рѣшилъ: непремѣнно взять Чум-
сенъ. Дѣло это поручено полковнику Ми-
шевскому, который незадолго, по болѣзни
гаднаго генерала, принялъ начальство надъ
ядомъ.

Отрядъ этотъ собрался въ Казанищи 30-го

ноября. Назавтра назначенъ былъ бой, и всѣ
знали, что онъ будетъ упоренъ, ибо всѣ слы-
шали, что Чужкессенъ едва доступенъ, что
такъ есть крѣпостца, что она защищается ты-
сячью отчаянныхъ удальцевъ, племенъ Лезги-
но-Аварскихъ; но солдаты любили Миклашев-
скаго какъ душу, и такъ твердо вѣровали въ
беззавѣтную храб[illegible]агоразуміе его
распоряженій, что [illegible]ъ дѣло весело,
беззаботно. Въ пал[illegible]вались шутки,
вкругъ огней пѣс[illegible] для многихъ
были онѣ послѣдни[illegible] уже отзвучала
лица жертвъ желѣз[illegible]ъ своихъ. Ска-
жите, какая нить св[illegible]ва міра, двѣ
судьбы, двѣ жизни? Скажите, отъ чего, готовясь
расторгнуться, она почти всегда даетъ ощутить
себя, то грустью предчувствія, то зловѣщими
снами? — *Какой предразсудокъ!* скажете вы, за-
смѣетесь, или, что еще хуже, улыбнетесь съ
сожалѣніемъ. Пусть такъ. Я самъ очень хо-
рошо умѣю толковать о вздорности этого, и
между тѣмъ не могу дать себѣ отчета, отъ
чего и когда дѣлаю исключенія — и не разъ
близость бѣды, какъ близость грозы, томила
меня тоскою задолго прежде. Не говорю уже
о многихъ умнѣйшихъ людяхъ, покорныхъ
предчувствію — я зналъ людей, не имѣвшихъ
[illegible]

рѣдко ихъ обманывало. Кто видѣлъ жатву смерти около себя въ многоразличныхъ образахъ, тотъ конечно болѣе другого имѣлъ случай видѣть тому примѣры. Разкажу одинъ.

Наканунѣ 1-го декабря, Миклашевскій ужинялъ съ немногими близкими къ нему. Онъ казался веселымъ, но едва ли былъ имъ. Невольная дума мрачила его лицо. Ну, господа! сказалъ онъ, надо славно заключить славный походъ. Я должникъ Государю за многія милости, особенно за позволеніе ѣхать въ отпускъ — и сдѣлаю все, что могу. Отработаемъ дѣло молодецки — и я летомъ полечу на родину. Воображаю, какъ будетъ радъ мнѣ старикъ, отецъ мой! — про себя и говоритъ нечего — я Русскій, я сынъ, я женихъ! Легко мнѣ, что генералъ Панкратьевъ выбралъ меня приложить кровавую печать къ страницѣ Исторіи, на которой блеститъ его имя — но, подивитесь — я бы почти былъ радъ, если бъ Кази-Мулла бѣжалъ заранѣ. Мнѣ снился въ прошлую ночь странный сонъ. Чудилось мнѣ, что въ мою палатку вбѣгаетъ прекрасная женщина, въ слезахъ, съ растрепанными волосами — жалуется, что она кѣмъ-то покинута. Прошла минута, и она уже лежала въ моихъ объятіяхъ и какъ ангелъ ко мнѣ ласкается — но я чувствовалъ,

что поцѣлуи ея — ледъ, — грудь холодна, какъ зима . . . она холодѣла на рукахъ моихъ — мнѣ стало страшно, я зябъ, я застывалъ, я замерзалъ — сердце переставало биться . . . просыпаюсь! . . . одѣяло у ногъ, и холодный вѣтеръ играетъ полами шатра. Разумѣется, это вздоръ . . . Будучи отряднымъ начальникомъ, [illegible] мъ когда нибудь подверженъ буд[illegible] пасности . . . по успѣхъ сраженія [illegible] сражающихся? . . . Разгоровъ [illegible] лъ и мысль о грезахъ.

На всходѣ солнца [illegible] ись изъ Казанищъ въ гору къ Чумк[illegible] Надобно сказать, что Чумкессенъ выходитъ съ хребта мысомъ, ограниченнымъ съ юга оврагомъ, а съ сѣвера крутымъ обрывомъ, вся окрестность его обнята густымъ лѣсомъ; дорота на этотъ мысъ идетъ по правой сторонѣ оврага и, огибая оный, спускается рытвинами. Почти на углу Чумкессена стѣснено нѣсколько землянокъ и саклей, въ коихъ скрывались семьи мятежниковъ во время лѣта. Полковникъ Миклашевскій, оставя противъ тропинки, туда ведущей, роту Куринцевъ съ однимъ орудіемъ, прочія войска послалъ въ обходъ. Шамхалъ и Ахметъ-ханъ стали съ людьми своими на дорогѣ отъ Казанищъ. Ул[illegible]бей съ Зрин-

линцами занялъ дорогу къ Гимрамъ, и замѣтя, что къ Чумкессену идетъ на выручку толпа Аварцевъ, пересѣкъ имъ путь, разбилъ ихъ — взялъ въ плѣнъ 12 человѣкъ. Рекогносцировка оказала, что черезъ оврагъ невозможно перевезти пушку, и что обходная дорога загражденa засѣками и перекопами, слѣдственно требуетъ долгаго времени для расчистки — а великъ ли зимній день? . . . Миклашевскій рѣшился сдѣлать натискъ одною пѣхотою. Перекрестились — пошли . . . пули уже заиграли. Восемь орудій остались бить по видимымъ заваламъ передъ селеніемъ; но когда мы обѣжали его — пушки умолкли — настала жатва свинцомъ и желѣзомъ. Апшеронцы и егеря на славу атаковали непріятеля, разомъ выбили его изъ заваловъ, изъ саклей, и безпощадно коля встрѣчнаго и бѣгущаго, по слѣдамъ ихъ кинулись съ двухъ сторонъ къ укрѣпленію Агачъ-Кале, которое, будучи скрыто въ ложбинѣ отъ пушечныхъ выстрѣловъ, только тогда открылось глазамъ нападающихъ. Это Агачъ-Кале было трехстѣнное укрѣпленіе, воздвигнутое на краю утеса. Наружные углы его обстрѣливались саклями, сложенными въ родѣ башенъ. Оно скатано было изъ огромныхъ деревьевъ въ нѣсколько вѣнцовъ, и накрыто суковатыми ними (chevaux de frise). Ме-

жду бревнами вложены были по концамъ палочки, отъ чего во всю ихъ длину образовались весьма удобныя стрѣльницы — изъ нихъ-то летѣлъ смертоносный огонь на наступающихъ. Скрытые за непроницаемою оградою, Горцы были на выборъ; солдаты наши, не смотря на это, безстрашно кинулись впередъ; но когда градъ пуль срѣзалъ цѣлые ряды храбрѣйшихъ, когда нѣсколько офицеровъ легли на окровавленный снѣгъ — натискъ превратился въ перестрѣлку жестокую, убійственную, ибо разстояніе между крѣпостцою и разсѣянными купами деревъ не превышало 80 шаговъ. Кучки безстрашныхъ егерей, предводимыхъ достойными своими офицерами, кидались нѣсколько разъ къ стѣнамъ укрѣпленія, срывали окровавленныя знамена, пытались взлѣзть на верхъ — инымъ удалось и это, но суковатая кровля была непроницаема: герои падали, пробитые десятками пуль. Осажденные оказали отчаянное сопротивленіе — иные, увлеченные бѣшеною храбростію, вылѣзали изъ укрѣпленія, и съ шашкой въ рукѣ гибли на штыкахъ. Выстрѣлы ихъ были жѣтки и непрерывны — упорство, месть, ожесточеніе росли съ обѣихъ сторонъ — подошва Агачъ-Кале завалена была трупами коней и людей...

и столько храбрости на столь маломъ пространствѣ! . . .

Миклашевскій нетерпѣливо ждалъ рѣшенія боя за оврагомъ; но когда прискакалъ къ нему офицеръ, и сказалъ что-то на ухо — онъ вспыхнулъ. Коня! и въ тотъ же мигъ вслѣдъ двумъ ротамъ Куринцевъ слѣдовалъ за собою, спустился съ крутизны вскачь, и вскачь поднялся на противуположный утесъ, по такой крутизнѣ, что и пѣшкомъ взлѣзать трудно. Судьба несла его, говорили солдаты. Онъ спрыгнулъ съ коня, обнажилъ шашку и крикнулъ: Впередъ, друзья! теперь наша очередь показать себя молодцами! — Ура! ура! загремѣли солдаты: ура, впередъ! съ нами отецъ нашъ! Все ожило, все хлынуло къ Агачъ-Кале. Онъ попалъ на приступѣ впереди всѣхъ, между ротою Куринцевъ и егорей . . . подбѣжалъ къ бойницѣ, и въ запальчивости хотѣлъ заколоть сквозь нее Горца; но злодѣйскіе выстрѣлы сыпались, кипѣли, и роковая пуля пронзила его грудь, пробила сердце и легкія: онъ успѣлъ только сказать: Возьмите! ступилъ назадъ и палъ. Вслѣдъ же за нимъ смертельно раненъ маіоръ Кандауровъ, тяжело подполковникъ Михайловъ — пять офицеровъ и множество нижнихъ чиновъ.

Но смерть храбраго полковника не могла

остаться безъ мести, завѣтъ его безъ исполненія. Ожесточенные солдаты руками рвали срубъ, лѣзли на верхъ, ломали кровлю — и вломились наконецъ въ укрѣпленіе, падали другъ на друга — друзья и недруги — все смѣшалось . . . Когда ударили отбой, лишь одни трупы злодѣевъ остались въ Агачъ-Калеѣ: тамъ не было ни пѣшихъ, ни раненыхъ. Темнота укрыла многихъ мятежниковъ отъ гибели: они катком спустились съ обрыва. На мѣстѣ сраженія осталось болѣе 150 тѣлъ и 70 лошадей. Въ числѣ убитыхъ узнали Татары лучшихъ наѣздниковъ и товарищей Кази-Муллы. Взято два почетныя знамени и одно Гамзат-бека; добыча въ вещахъ и деньгахъ, въ томъ числѣ въ богатѣйшихъ уборахъ коня Кази-Муллы и Гамзата. Кази-Мулла бѣжалъ такъ неожиданно и торопливо, что въ пещеркѣ, въ которой онъ во время дѣла молился, нашли его коранъ и другія духовныя книги. Коверъ, на которомъ сидѣлъ онъ, былъ залитъ кровью. Его полагали тогда раненымъ.

Мы стали почти на *костяхъ*, какъ выражались наши предки. — Дорога, но знаменита была побѣда. Мы потеряли болѣе 300 убитыми и ранеными: за то стяжали славу Русскому оружію. Ни помощь природы, ни силы огражденнаго неприступностію человѣка не

устояли передъ храбростію Русскихъ — а выгоды этого мнѣнія въ очахъ дикарей неоцѣнимы. Передъ нами, на окровавленномъ плащѣ, лежалъ трупъ убитаго полковника, и какъ гордо, какъ прекрасно было его чело! . . . Офицеры и солдаты рыдали. Татары плакали горькими слезами . . . но воину ли жалѣть о такой завидной смерти? — намъ должно желать ея! Миклашевскій палъ, какъ жилъ — героемъ! Наутро огонь и желѣзо истребили гнѣздо злодѣевъ. Окружный лѣсъ упалъ подъ топорами. Мы возвратились въ свои квартиры и скоро разошлись на зимовки. Дагестанскій походъ кончился.

Свершивъ, кинемъ взоръ на свершенное.

Покоривъ Дагестанъ, умирить его, упрочить его спокойствіе, было дѣло одного мѣсяца. Не легкость дѣла, а здравость мѣръ генералъ-юдъютанта Панкратьева, была тому виною. Убѣжденіями своими произвелъ онъ то, что Кази-Мулла, доселѣ всемогущій надъ умами Горцевъ, превратился въ разбойника, скитающагося въ ущеліяхъ Кавказа безъ пріюта. Прежніе послѣдователи проклинаютъ его, самые пылкіе приверженцы съ нимъ сражаются. Нелицепріятная справедливость съ Азіятцами и сохраненіе въ Русскихъ войскахъ строгаго порядка укрѣпили вновь довѣріе къ Рус-

скому слову, привязанность къ Русскому правительству. Не одна гроза, не одно оружіе укротили силу — нѣтъ! великодушіе болѣе еще побѣдило сердецъ — и потому самому должно надѣяться въ Дагестанѣ долгой, непарушимой тишины.

Въ военномъ отношеніи можно ли было сдѣлать болѣе вреда непріятелю, добыть болѣе славы Ру[illegible] малыми средствами? Войска [illegible] безпеченныя продовольствіемъ [illegible] осеннюю грязь, на зимнія в[illegible] глубокіе — двигались съ нев[illegible]ротою, поражали многочислен[illegible] на каждой встрѣчѣ. Счастли[illegible]е Дювекскаго дѣла, гдѣ генер[illegible] Панкратьевъ тройнымъ нападеніемъ [illegible]ъ, развлекъ и по частямъ разбилъ Табасаранцевъ — достойно изученія. Рѣшительное до дерзости, но оправданное блестящимъ успѣхомъ, нападеніе на Эрпили, гдѣ битва рѣшена, такъ сказать, однимъ взмахомъ меча, останется надолго въ памяти Горцевъ. Они были изумлены и устрашены стройнымъ развитіемъ колоннъ, которыя вдругъ обошли, охватили, сняли ихъ. Искусное расположеніе баттарей подъ Чиркеемъ, покореннымъ Русскому Царю такъ быстро, такъ славно, и наконецъ взятіе Чум-

кессена, богатое политическими послѣдствіями — все это отличаетъ Дагестанскій походъ въ числѣ знаменитыхъ событій царствованія Николая! Онъ будетъ внесенъ въ лѣтописи военныя яркими буквами; онъ поставитъ генерала Панкратьева въ рядъ лучшихъ вождей и правителей нашего времени.

Г. Тарки, 1831 г. мая 30.

. . . Крѣпость Бурная, возвышающаяся на отвѣсномъ утесѣ надъ Тарками, внезапно осаждена была войсками изувѣра Кази-Муллы, на разсвѣтѣ 26-го мая. Измѣна Тарковскихъ жителей, которые наканунѣ клялись дѣйствовать за одно съ Русскими, и просили защиты подъ пушками крѣпости, проложила мятежникамъ путь до самыхъ стѣнъ, такъ, что съ самаго начала они заняли ружейныя бойницы со стороны города, сквозь нихъ завели рѣзню и стрѣльбу съ гарнизономъ. Въ тотъ же день къ вечеру, единственный фонтанъ, внѣ крѣпости находящійся, и стѣна, прикрывающая къ нему спускъ, впали въ руки осаждающихъ.

ложить ее, они кинулись на сосѣдній пороховой погребъ, и толпами ворвались въ него. На дѣлежѣ зарядовъ, какъ вдругъ граната, спущенная съ крѣпости, взорвала погребъ на воздухъ. Гибель болѣе 300 Горцевъ убавила остальныхъ дерзости; но положеніе гарнизона былъ тѣмъ не менѣе ужасно.

Непріятель съ высотъ билъ въ крѣпость на выборъ, и нѣсколько разъ пытался на приступъ. Кромѣ того въ Бурной оставалось мало снарядовъ, ни сколько воды и ни какого средства подать вѣсть генералу Коханову, который ожидающему нашимъ отрядомъ. Двое удальцовъ, вызвавшіеся на это, были убиты, но духъ гарнизона не унадалъ; день и ночь велась перестрѣлка, отражались приступы.... Русскіе рѣшились умереть но сдаваться. Но безсонница и жажда могли побѣдить ихъ силы, прежде чѣмъ сила ихъ духа.

Въ это время, ничего не зная, не вѣдая, мы были деревни возмутившихся Дагестанцевъ, прервавшихъ около насъ всѣ сообщенія. Ночью, къ селенію Мусалимъ-аулъ, вдругъ пробудилъ насъ грохотъ барабановъ. — Что такое? Опять генералъ-маршъ вмѣсто зори... Но полно, подъемъ; встрепенулись, двинулись. Генералъ получилъ изъ Бурной записку, приколотую къ нему въ столь винтовки. Вотъ она:

«Крѣпость два дня въ осадѣ, вода отбита, пороховой погребъ взорванъ, съ часу на часъ ждемъ рѣшительнаго приступа.» Чертовскій лаконизмъ! Мы не шли, а лѣзли на выручку братій въ гору, съ горы, по ущеліямъ, отбиваясь отъ преслѣдователей, нажидая новыхъ встрѣчь. Но обозъ замедлялъ насъ, и генералъ, видя, что [illegible] отрядомъ къ ночи въ Тарки, р[illegible] смотря на опасность быть отрѣз[illegible] два взвода пѣхоты, ста три мусу[illegible] конницы, и налегкѣ спѣшить къ [illegible] чтобы ободрить своимъ нежданнымъ [illegible]мъ гарнизонъ, и отвлечь отъ стѣнъ непріятеля, который, по новымъ извѣстіямъ, долженъ былъ взять на утро Бурную. Я былъ съ нимъ. Смеркалось. Бѣгомъ спустились мы съ горы, врѣзались между садами, и пушки наши загремѣли противу домовъ, занятыхъ непріятелями. Радостные клики и выстрѣлы отвѣчали намъ съ крѣпости. Въ томъ же мигъ толпы мятежниковъ стали спускаться съ крутизны, и осыпали насъ градомъ пуль. Генералъ не смѣшался: велѣлъ взять на передки, и повелъ насъ впередъ по дорогѣ. Съ перекрестка еще бросили мы двѣ гранаты въ городъ, и поворотя вправо, благополучно дошли до сборнаго мѣста на берегу

могъ повѣрить такой дерзости. Отрядъ прибылъ ночью, встрѣченный пальбою съ заваловъ. Надобно сказать, что Тарки разкинуты по крутизнамъ оврага, сходящаго уступами отъ Бурной къ морю, шириною съ полверсты, длиною полторы. Пройти къ нему нельзя иначе, какъ чрезъ сады, перерѣзанные частыми ровиками и завалами, увѣнчанными плетнемъ изъ терновника или когтистаго собакидерева. Кромѣ того, многіе домы имѣли нарочно пробитыя стрѣльницы, всѣ улицы перекопаны были завалами. Этотъ-то городъ, занятый до вступленія храбрымъ непріятелемъ въ семь разъ многочисленѣе нашего отряда, рѣшился генералъ взять штурмомъ, ибо отъ этого зависѣло спасеніе крѣпости. Съ разсвѣтомъ дня, оставя двѣ роты въ прикрытіе обоза, мы перекрестились и пошли впередъ, какъ на праздникъ.

У самаго безстрашнаго зрителя замерло бы сердце, видя, какъ три горсти Русскихъ съ трехъ сторонъ двинулись противъ огромнаго города, встрѣченные убійственною пальбою. Первая цѣпь стрѣлковъ молодецки выбила непріятеля изъ засадъ въ центрѣ города, и потомъ, опрокидывая его изъ заваловъ въ завалы, съ громкими ура! втѣснила въ домы, и начала штурмовать ихъ одинъ за однимъ. Ро-

та, назначенная вправо деблокировать крѣпость штыками, проложила себѣ дорогу на вершину горы, и отбросила непріятеля къ селенію Кяхулай-Торкали. Къ ней на встрѣчу выбѣжали умирающіе отъ жажды жители и женщины крѣпости, и съ радостными слезами объемля своихъ избавителей, [illegible] фонтану. Натискъ этой роты б[illegible]ыстръ, что Кумыки оставили на [illegible]тлы съ пловомъ и бараниной, и к[illegible]оты, раскинувъ стрѣлковъ, чтобы оч[illegible]дніе домы, прехладнокровно велѣ[illegible]ть своимъ солдатамъ вражескою т[illegible]рикрывая въ это время воду, и потомъ, когда набрали ее довольно для крѣпости, онъ снова ударилъ сверху внизъ на встрѣчу другимъ ротамъ, идущимъ снизу вверхъ. Между тѣмъ упорная битва не переставала; болѣе десяти разъ, ожесточенные Кумыки и Чеченцы кидались въ шашки, а ничто не можетъ быть ужаснѣе удара людей, поклявшихся умереть; но здѣсь нашла коса на камень: безстрашіе сокрушилось о безстрашіе; панцырники умирали на штыкахъ, не отступая; солдаты наши, кучками по 7 и по 10 человѣкъ, бросались въ завалы, занятые двадцатью и тридцатью врагами, и опрокидывали ихъ. Въ центрѣ было самое убійственное дѣло.

мовъ, пробивало для непріятелей стрѣльницы, изъ которыхъ въ тотъ же мигъ выставлялись ружья, и мѣткими выстрѣлами бросали смерть за смерть. Командиръ Куринскаго полка, подполковникъ фонъ Дистерло 2-й, посланный генераломъ на правый флангъ, чтобы занять подъ баттарею курганъ, командующій обѣими половинами города, исполнилъ это съ успѣ[illegible]ялъ въ центръ, гдѣ наши стрѣлки [illegible]номъ домъ за домомъ. Увлечен[illegible], онъ повелъ ихъ самъ въ штыки, [illegible]зъ одного завала, и держа въ [illegible]ре имъ знамя, съ восклицаніемъ: — Ре[illegible] впередъ! ура! кинулся противъ дома; но роковая пуля въ грудь повергла жертвымъ безстрашнаго. Разъяренные солдаты, взявъ домъ, изъ коего вылетѣлъ выстрѣлъ, свершили кровавую тризну за смерть любимаго начальника. Послѣ этого не возможно было уговорить ихъ брать плѣнныхъ.

Наконецъ съ разныхъ сторонъ зажженный городъ вспыхнулъ, и черный дымъ пожара, сливаясь съ бѣлымъ пушечнымъ дымомъ, повисъ надъ Тарками, какъ громовая туча, сквозь которую молніями сверкали выстрѣлы съ крѣпости, дѣйствующей въ сторону противъ обратившихся къ городу мятежниковъ, встрѣченныхъ

вылазкою. Картина была вмѣстѣ прелестная и ужасная; каково жъ было самое дѣло? ... Одно только смѣлое или счастливое соображеніе генерала, одна только безпримѣрная храбрость Куринцевъ могли восторжествовать надъ столькими препонами и столькими врагами; всѣ, начиная отъ штабъ-офицера до послѣдняго мусульман[illegible]ражались наперерывъ другъ [illegible]; раненые дрались какъ львы, [illegible]ицеры, получивъ три раны, не [illegible] одинъ фельдфебель врѣзался [illegible]арниковъ, повалилъ двоихъ, [illegible]ружья, получилъ три ружейныя [illegible]ьныя раны. Лекарь, спасая [illegible], кои могли истечь кровью, перевязывалъ ихъ подъ градомъ пуль, такъ, что онъ удивился, кончивъ надъ однимъ операцію, когда замѣтилъ, что пациентъ его убитъ. Артиллерійскій офицеръ, сильно оконтуженный, такъ хладнокровно наводилъ орудіе подъ ружейными выстрѣлами, какъ на домашнемъ ученьѣ. Самое орудіе сохранило знаки отваги: лафетъ его исщепренъ пулями, а мушка и діоптръ сбиты; однимъ словомъ, Куринскій полкъ въ Таркахъ создалъ себѣ новую славу, и умножилъ ею старую славу Русскаго оружія.

Солнце скрылось, но битва еще кипѣла;

главныя силы враговъ бѣжали, но еще три знамени вѣяли на крѣпкомъ домѣ, въ коемъ, какъ сказываютъ, сидѣлъ самъ Кази-Мулла, съ сотнею своихъ отборнѣйшихъ воиновъ, воспламенивъ ихъ храбрость фанатизмомъ. Генералъ, щадя жизнь усталыхъ солдатъ, и зная опасность сражаться ночью, приказалъ ударить отбой. Мило было смотрѣть, какъ солдаты наши шли изъ [illegible]ужьями, почернѣвшими отъ стр[illegible]бы, [illegible]ами обрызганными кровью, и съ [illegible]ими усами. Гордо поглядывали они [illegible]дѣ еще оставалось небольшое чис[illegible]ней. Мусульмане возвращались, похваляясь [illegible]обычнымъ оружіемъ; въ трофеи намъ досталось 20 значковъ и три почетныя знамени. Окруживъ цѣпью городъ, мы послѣ двѣнадцати-часоваго сраженія отдохнули на берегу моря, при потухающемъ заревѣ пожара. Стоны и ропотъ слышались въ городѣ.

Утро 30-го мая открыло намъ ужасную картину истребленія, и мы, предводимые генераломъ, пошли къ крѣпости сквозь развалины Тарковъ. Это была могила: домы курились, и по многихъ лежали обгорѣлые трупы Горцевъ, которые погибли въ пламени. Улицы были непроѣздимы отъ убитыхъ: въ саклях и завалахъ они лежали грядами (ихъ насчитали до

1500). Вездѣ видѣлись слѣды разрушенія, нанесеннаго чугуномъ, слѣды убійства свинцомъ и желѣзомъ. Достойная казнь нашѣмъ! Но сердце отдохнуло отъ этихъ ужасовъ, когда мы обняли спасенныхъ братій своихъ. Надобно было видѣть, съ какимъ чувствомъ благодарности привѣтствовали [illegible] нашего, достойнаго нашего [illegible] радостію встрѣчали насъ [illegible] видѣть! Всѣ взоры, всѣ [illegible] небу, и очи всѣхъ сверкали [illegible] когда громкое ура! потрясало

Селеніе Губденъ, авг. 25, 1831.

. . . Ты спрашиваешь, не отдыхаемъ ли мы на лаврахъ послѣ Тарковской побѣды? Нѣтъ, милый! горные лавры имѣютъ шипы, какъ ваши розы, и пули здѣсь столь же обыкновенная ягода, какъ миндаль. Мы подчивали еще разъ войска Кази-Муллы 19-го іюня, и теперь дѣлаемъ чувствительное путешествіе въ горы, поколачивая мятежниковъ при каждой встрѣчѣ, и производя въ ихъ гнѣздахъ карантинную окурку порохомъ, и разбивая ихъ по камешку для провѣтриванія. Для образчика опишу тебѣ послѣднее дѣло: оно замѣчательно своею оригинальностію.

22-го Августа, т. е. въ самый день корона-

ціи Государя Императора, приблизились мы къ селенію Казанищи, которое давно уже заслуживало казнь за многократную измѣну Русскимъ и ревностное содѣйствіе изувѣрскимъ приверженцамъ лжепророка Кази-Муллы. Мы уже заранѣе чрезъ лазутчиковъ узнали, что жители вывезли своихъ женъ и имущество въ неприступныя [illegible] ихъ, подкрѣпленная отряд[illegible]естанскихъ мятежниковъ, р[illegible]ръ въ селеніи. Кто не былъ [illegible]скихъ, тотъ не можетъ вообр[illegible]дъ дастъ усѣянное скалами [illegible] положеніе, равно какъ неп[illegible]йка Татарская, засѣвшему тамъ непріятелю. Каждый садъ съ своими рвами и плетнями, каждое кладбище съ своими стоячими надгробными плитами представляютъ тысячи средствъ драться шагъ за шагомъ, и отступать всегда подъ прикрытіемъ. Но что неприступно для Русскихъ, для Закавказцевъ? Царскіе пистолеты* грянули... нѣсколько гранатъ возвѣстили въ Казанищахъ о нашемъ прибытіи, и вмигъ удалые стрѣлки окинули цѣпью сѣверный входъ. Перестрѣлка закипѣла. Барабаны и потомъ ура за ура отдавались все далѣе, и наконецъ Апшеронцы,

* *Падишахъ-таменджи* — такъ называютъ Татары

которые были на очереди, ворвались въ селеніе — и пошла потѣха.

Сраженіе продолжалось нѣсколько часовъ. Генералъ Кохановъ, распоряжаясь какъ опытный вождь, подвергалъ себя опасностямъ какъ рядовой, и ободренные его храбростію солдаты выбивали непріятеля изъ завалокъ, опрокидывали изъ дома въ домъ; Казанцы запылали со всѣхъ концевъ. Лезгины, видя, что имъ не удержаться, пошли на уходъ въ горы... Селеніе было очищено, дѣло кончилось, и только лишь крайняя цѣпь стрѣлковъ изрѣдка перепалывалась съ непріятелемъ, ползущимъ по кустарнику. Былъ часъ обѣда, и генералъ нашъ пригласилъ штабъ свой и гг. офицеровъ, возвратившихся изъ сраженія, пообѣдать налегкѣ. Можетъ судить, какъ всѣ были веселы и одушевлены! Съ холма, у ногъ котораго разлегалось селеніе, открывался намъ прелестнѣйшій видъ: движеніе войскъ, перестрѣлка, и вдали бѣгущій непріятель, въ слѣдъ котораго гарцовали наши Донцы и мусульманскіе всадники, оживляли его. Но всего болѣе восхищало насъ, что въ тотъ день, въ который радостная Россія возложила вѣнецъ Мономаха на главу достойнѣйшаго изъ Царей, побѣда свила новый вѣнокъ на Его оружіе! Когда мы высоко подняли шапки на-

пѣнепные бокалы за здравіе Его Императорскаго Величества — непріятель, который доселѣ крылся въ каменьяхъ и кустарникахъ, побѣжалъ по противоположному скату, и по приказанію генерала, здравный салютъ разразился между ихъ гранатами, между тѣмъ какъ побѣдное ура! отвѣчало хоромъ на наше душевное многолѣтіе! — Такія минуты, другъ мой, заставляютъ забывать всѣ труды, всѣ опасности и всѣ болѣзни здѣшняго климата!

ПОДВИГЪ ОВЕЧКИНА И ЩЕРБИНЫ ЗА КАВКАЗОМЪ.

За непрес[illegible]разбои Сурхай-хана Казикумыкскаго, Русскіе, чтобы положить сему преграды, завладѣли частью подвластныхъ ему горъ въ 1820 году, въ январѣ, когда г. Ермоловъ громилъ возмутившихся Акушинцевъ. Сурхай-ханъ скликалъ къ себѣ своихъ воинственныхъ Кумыковъ, Аварскую вольницу, и съ десятитысячнымъ полчищемъ хлынулъ къ крѣпостцѣ Чирахской *, охраняемой ротою Апшеронскаго пѣхотнаго полка, не сомнѣваясь, что онъ возьметъ ее, уничтожитъ другія, и очиститъ отъ Русскихъ ханства Куринское и Казикумыкское.

* Она отстоитъ отъ Кубы и Дербента веретъ около 120-ти къ западу.

Штабсъ-капитанъ Овечкинъ, которому вверено было это передовое укрѣпленіе, наступившее пятой на громады Кавказа отъ востока, видѣлъ мятежное волненіе въ самомъ селеніи, слѣдилъ о возстаніи окрестныхъ, и собралъ роту свою въ крѣпостцу, грозящую съ утеса Чираху. Надобно сказать, что селеніе Чирахъ сгромождено по скатамъ горъ, на берегахъ двухъ буйныхъ, ревучихъ рѣчекъ, которыя, сливаясь въ срединѣ онаго, образуютъ потокъ Чирахъ-Чай. Вблизи крутыми валами встаютъ холмы, кругомъ уходятъ за облака нагіе хребты, изрытые ущеліями.

Чуть зимняя заря облила своей воздушной кровью снѣжныя темена горъ, будто вѣстница крови, готовой пролиться — толпы Лезгинъ съ дикимъ воплемъ со всѣхъ сторонъ окружили крѣпость... Саженъ 50 ниже ея, на обрывѣ скалы, обвѣшенной домами, стояла мечеть съ минаретомъ, обращенная въ хлѣбный магазинъ, и 30 человѣкъ Апшеронцевъ, защищавшіе этотъ магазинъ, первые приняли на себя огонь враговъ, и первые пали отъ ихъ безумной злости, отстрѣливаясь до послѣдней минуты, защищаясь штыками до послѣдняго вздоха. Мечеть была взята приступомъ и съ вершины минарета посыпался убійственный градъ пуль — внутрь крѣпостцы.

Но кара была уже готова. Поручикъ Щербина, посланный на вылазку, по трупамъ открылъ себѣ дорогу сквозь толпы враговъ, ворвался въ мечеть и вырѣзалъ засѣвшихъ тамъ Лезгинъ до одного. Завладѣвъ сводомъ минаретомъ, стрѣлки Щербины били сверху его любаго, но за то десятки пуль проникали въ малѣйшія скважины, и число храбрыхъ рѣдѣло, а толпы Лезгинъ густѣли съ каждымъ часомъ. Видя неминуемую гибель товарищей, безстрашный Онечкинъ сдѣлалъ двѣ вылазки, чтобъ выручить ихъ изъ засады. Но Щербина кричалъ ему: Возвратись! береги людей для охраны крѣпости: они нужнѣе меня отечеству. Я обрекъ себя на смерть, но умру не даромъ, и если не станетъ свинцу, то своимъ паденіемъ задавлю непріятеля! Наконецъ разсвирѣпѣвшіе Горцы отбили двери, ворвались внутрь, рѣзались тамъ кинжалами, и растерзавъ всѣхъ, по узкой лѣстницѣ устремились къ верху; но тамъ ждалъ ихъ Щербина, человѣкъ за человѣкомъ, и каждая голова, которая показывалась изъ-подъ пола, слетала на окровавленную площадку, отъ удара его сабли. Потерявъ лучшихъ нгидовъ, Лезгины отказались отъ приступа — а не отъ мщенья. Два дня держался Щербина не сдаваясь, безъ капли воды, посреди умирающихъ и убитыхъ, но на

третій, минаретъ, разжигаемый сухимъ хворостомъ, обратился въ печь — Щербина задыхался отъ дыма и жара — и ожесточенные Горцы стащили его полумертваго, полуизжаренаго сверху, подрѣзали ему пятки, вытянули жилы, и, въ глазахъ осажденныхъ, замучили до смерти. Такъ кончилъ жизнь свою — образецъ и жертва храбрости, Щербина, юноша, своимъ образованіемъ, умомъ и твердостью духа подававшій блестящія надежды! Но кровь его пролилась за отечество — не даромъ; она вписала красную строку въ лѣтопись военной славы народа Русскаго.

Осажденная крѣпостца Чирахъ состояла изъ небольшаго квадрата, съ круглыми по угламъ бастіонами, съ высокимъ брустверомъ надъ амбразурами, отъ нечаяннаго нападенія. Подъ убійственнымъ картечнымъ огнемъ приблизились однако же Горцы къ крѣпости, и залегли подъ самыми ея стѣнами. Завязалась стрѣльба изъ ружей, но чтобы убивать непріятелей, должно было стрѣлять стоя, съ гребня брустверa, и храбрые воины наши посылали и принимали вѣрную смерть. Не разъ пытались Лезгины на приступъ, но всегда были опрокидываемы съ большимъ уронomъ себѣ, съ значительнымъ для осажденныхъ. Безстрашныя, но напрасныя вылазки, гдѣ неимо-

вѣрная отвага уступала вѣрной силѣ, уменьшала число ихъ еще болѣе. Остался живъ только заслуженный штабсъ-капитанъ Овечкинъ; при немъ человѣкъ сто, изъ коихъ болѣе половины раненыхъ, а онъ самъ съ пробитою ногою. Положеніе гарнизона становилось часъ отъ часу у[illegible]. Осада длилась уже 3 дня, а у нихъ [illegible] чтобы омыть раны, чтобы отмо[illegible]кшился уста! Снѣгъ былъ исто[illegible] и залить кровью. Правда, [illegible]въ, спускаясь ночью со ст[illegible]лись до источника; но не мно[illegible]оротиться, и великодушные [illegible]ровью за воду, почерпнутую для спасенія братій. Солдаты грызли пули, глотали порохъ, думая освѣжить себя, напрасно — усталость и безсонница множили ихъ страданія: они уже послѣдними пулями посылали месть за павшихъ. Между тѣмъ Лезгины снова кричали о сдачѣ, сколько разъ предложенной, столько же разъ отвергнутой съ презрѣніемъ, и изнеможенные солдаты стали уже переглядываться между собою.

— Товарищи! сказалъ тогда имъ Овечкинъ: я дѣлилъ съ вами труды и славу, заслужилъ съ вами всѣ раны, не однажды водилъ васъ впередъ, и никогда не видалъ въ побѣгѣ...

Не дайте же при концѣ жизни моей увидѣть васъ, какъ трусовъ, безъ оружія, а себя въ постыдномъ плѣну. Ужъ коли рѣшились вы опозорить имя Русское, то прежде пристрѣлите меня, и тогда дѣлайте что хотите, если не можете дѣлать что должно. Вы не слушаетесь приказа, убейте начальника, когда не хотите бить враговъ!

Говорилъ Русскій и Русскимъ; сказанное съ жаромъ было принято съ восторгомъ. Забыто все — и одушевленные солдаты, поклявшись на саблѣ умереть не сдаваясь, снова кинулись на стѣны, и снова загремѣлъ ружейный и пушечный огонь.

Прошло еще нѣсколько часовъ четвертаго дня — и герой Овечкинъ, исходя кровью, изнемогая отъ судорогъ, впалъ въ смертное оцѣпенѣніе. Тогда фельдфебель одной изъ ротъ обратился къ солдатамъ съ предложеніемъ сдаться. Надежды на помощь никакой нѣтъ, говорилъ онъ имъ: подумайте, гдѣ мы и гдѣ наши! Помощи ждать невозможно, пороху на исходѣ, а мы сами какъ тѣни, отъ жажды, отъ ранъ, отъ истомы! Если не сдадимся теперь, то чрезъ часъ Лезгины безъ выстрѣла возьмутъ крѣпость, и насъ перебе-рутъ какъ мертвыхъ мухъ — руками. Слышите ли, какъ обѣщаютъ они честный плѣнъ

или участь Щербины! Сдадимся, братцы! нась никто не укорить, что не сдѣлали своего дѣла передъ Богомъ и Государемъ!

При этихъ словахъ жизнь вспыхнула негодованіемъ въ сердцѣ Овечкина. Онъ вспрянулъ неожиданно, подозвалъ фельфебеля къ себѣ, и ударомъ руки повергъ его на землю. Свяжите, бросьте этого бездѣльника! вскричалъ онъ: я застрѣлю перваго, кто помянетъ о сдачѣ. Поднимите, принесите меня къ пушкѣ!

Надобно знать, что амбразуры орудій заслонялись тамъ досками, чтобы при заряженіи не было артиллеристовъ. Дрожащею рукою схватилъ онъ фитиль, скомандовалъ: *отнимай доску!* — и пушка грянула. Но сотни пуль влетѣли въ открытое отверстіе, и онъ, прострѣленный двумя въ бокъ и въ ухо, покатился долой съ платформы. Воспламененные солдаты дрались съ ожесточеніемъ, и умирали безъ ропота.

Упалъ вечеръ; тяжкая, роковая, безнадежная ночь протянулась за нимъ какъ вѣчность. Лезгины готовились на приступъ; гибель храбрыхъ защитниковъ крѣпости была неизбѣжна. Немного осталось въ живѣ Русскихъ, и тѣ, израненые, ждали съ первымъ лучемъ солнца неизбѣжной, мучительной гибели.

Крики угрозъ и шумъ всю ночь раздавались въ станѣ Лезгинъ — они готовились на послѣдній приступъ.

Къ разсвѣту все стихло, густой туманъ клубился кругомъ, и наконецъ медленно спялся онъ съ окрестности — все было пусто . . . Непріятель бѣжалъ . . . куда? отъ кого? никто не зналъ, никто не угадывалъ.

Слезы, молитвы избавленныхъ чудомъ Русскихъ, пролились безмолвно на кровь собратій. Скоро загадка объяснилась: Ермоловъ однимъ ударомъ сокрушилъ полчища Аккушинцевъ — и громъ его отгрянулъ въ сердцахъ мятежныхъ воиновъ Сурхай-хана: они разсѣялись этой вѣстью какъ ураганомъ, страшась мести, спѣша защитить домы свои — но неизбѣжная месть достигла ихъ . . .

Пусть живетъ сей высокій подвигъ Овечкина въ памяти Русскихъ, въ благодарности отечества, въ примѣръ грядущимъ его защитникамъ. Государь Императоръ наградилъ штабсъ-капитана Овечкина чиномъ капитана и орденомъ св. Равноапостольнаго князя Владиміра съ бантомъ. Георгіевскіе кресты, присланные въ баталіонъ, немногихъ застали въ живыхъ! Миръ праху, слава ихъ имени!

Черезъ 4 мѣсяца Овечкинъ былъ уже въ строю и въ дѣлѣ. Главнокомандующій Кав-

казкою арміею, генералъ Ермоловъ, назначилъ его, въ награду, въ передовые на приступъ Хойзрека. Крѣпость была взята, и капитанъ Овечкинъ доказалъ, что награда была ему по сердцу и что онъ стоилъ довѣрія главнокомандующаго.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

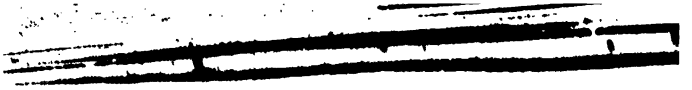
ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

Поѣздка въ Регель 5

Письма изъ Дагестана 127

Подвигъ Онечкина и Щербины за Кавказомъ . . . 245



[redacted] 6105 001 34[illegible]

DATE DUE

[illegible] L.

30 1989

U. L

ORD UNIVERSITY LI
TANFORD, CALIFORI
94305